

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ СССР

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Исаак Шаевич КОЗИНСКИЙ

НЕКОТОРЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ
В ПОДСИСТЕМАХ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ
ОТНОШЕНИЙ

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук
Специальность 10.02.19 «Общее языкознание»

МОСКВА 1979

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ4-9
ГЛАВА I. Некоторые вопросы эмпирической стратегии поиска и формулировки лингвистических универсалий10-41
ГЛАВА 2. Опыт универсального определения иссле- дуемых синтаксических категорий42-84
ГЛАВА 3. О классификации конструкций предложения. .	85-115
ГЛАВА 4. Способы кодирования членов предложения	
1. Синтаксические формы имен и местоимений. .	116-153
2. Глагольное спряжение	154-169
3. Порядок слов.	170-182
4. Корреляции между порядком аффиксов глагольного спряжения и порядком слов в языках183-189
ВЫВОДЫ190-191
Приложение I. Список сокращений	192
Приложение 2. Список рассмотренных языков.193-204
ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	205 - 222

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая работа посвящена поиску и формулировке лингвистических универсалий, управляющих системами выражения и различения ряда членов предложения (главным образом подлежащего и прямого дополнения) в языках мира. В результате сравнения этих систем удалось сформулировать 97 лингвистических универсалий, прямо или косвенно связанных с рассматриваемой проблематикой.

Материал исследования. Основным исходным материалом послужили грамматические описания, более или менее равномерно представляющие языки всех крупнейших языковых семей и ареалов. Всего к систематическому сравнению привлечено более 200 языков. Еще около двух десятков языков привлекались к сравнению окказионально при рассмотрении отдельных вопросов. Изучались, в основном, следующие подсистемы, с помощью которых языки проводят различение подлежащего, прямого дополнения и других, связанных с ними, синтаксических категорий (далее, для краткости, — субъектно-объектных отношений): подсистема грамматического оформления имен и местоимений (словоизменение, аффиксация, служебные слова и т.п.), подсистема субъектно-объектного согласования спрягаемого глагола-сказуемого (главным образом, позиция согласовательных аффиксов относительно корня глагола), порядок слов в предложении (главным образом, относительное расположение подлежащего, сказуемого и прямого дополнения). Сравнивалось, в основном, выраже-

ние субъектно-объектных отношений в действительном залоге ;
вопросы, связанные со страдательным залогом, рассматривались
лишь мимоходом в связи с критериями, примененными для разли-
чения этих двух залогов.

Обнаруженные в ходе сравнения корреляции между различны-
ми лингвистическими признаками формулировались в виде искомым
языковых универсалий (типа "если в языке есть (нет) явление
X, то в нем есть (нет) явление Y"). Эти корреляции верифици-
ровались обычными методами математической статистики. Подав-
ляющее большинство сформулированных в работе универсалий
имеет уровень надежности не менее 0,99 (вероятность того,
что наблюдаемая корреляция является результатом случайного
совпадения, не выше 1%). Объем выборки языков, использованных
для проверки, не всегда одинаков для разных универсалий. Это
связано с тем, что в описаниях отдельных языков те или иные
вопросы освещаются недостаточно подробно для того, чтобы с
уверенностью судить, обладает ли данный язык упоминаемым в
данной универсалии лингвистическим признаком или нет. В та-
ком случае он просто исключался из выборки языков, на кото-
рых проверялась данная универсалия.

Хотя большинство исследуемых явлений является настоль-
ко существенными для структуры языка, что достаточно подроб-
но описывается даже в самых кратких грамматиках, автор, тем
не менее, старался по мере возможности использовать более
подробные описания. Сведения о языках, почерпнутые из чи-
сто типологических работ, как правило не использовались для
проверки универсалий за исключением тех случаев, когда име-
лись указания на то, что такой-то язык является к данной

универсалии исключением.

Четыре из приведенных в работе универсалий (ун-ии 50-52 и 74) уже были сформулированы как таковые в работах других авторов. Оправданием их повторения в данной работе служит то, что они хорошо дополняют общую картину закономерностей, приводимых в соответствующих разделах. Мне в данных случаях принадлежат только некоторые уточнения формулировок, указания на исключения и статистическая проверка. Кроме того, в ряде работ высказывались общие положения, содержательно близкие к еще нескольким из сформулированных здесь универсалий. Во всех этих случаях даны соответствующие ссылки. Я, однако, не считал необходимым давать ссылки во всех случаях, когда подобные положения после статистической проверки на привлеченном к сравнению материале и в свете сформулированных здесь универсалий оказывались неверными.

Методологические предпосылки, основные цели и побочные результаты исследования. Помимо обнаруженных универсалий, в диссертации разработано универсальное определение ряда синтаксических категорий и соответствующих терминов, применяемых в универсалиях (подлежащее переходного глагола, подлежащее непереходного глагола действия, подлежащее непереходного глагола состояния, прямое дополнение, косвенное дополнение агента, подлежащее глагола в страдательном залоге, переходный глагол, непереходный глагол действия и состояния, действительный залог, страдательный залог, универсальный набор синтаксических форм (падежных и предложно-послеложных) имен и местоимений, способных выражать те или иные члены предложения и др.), позволяющее с помощью одних

и тех же для любого языка процедур выделить в этом языке диагностические формальные признаки (грамматическое оформление, согласование, типичная позиция и т.п.), по которым соответствующие категориальные формы можно опознать.

На основании определенных таким образом исходных понятий проведено уточнение классификации конструкций предложения действительного залога (аккузативной, эргативной, эргативно-аккузативной, индефинитной, активной), рассмотрены специфические особенности манифестирования этих конструкций в разных подсистемах, в том числе и не попадавших ранее в поле внимания исследователей. Обсуждены критерии и некоторые специфические трудности при разграничении действительного залога, страдательного залога и эргативной конструкции и дана новая интерпретация предикативных конструкций языка дирбал. Приведен краткий предварительный набросок классификации конструкций страдательного залога, где перечислены II типов, реально встречающихся в различных языках.

Основной целью работы был планомерный поиск чисто индуктивных обобщений в исследуемой области при сознательном сведении исходных теоретических допущений до минимума, необходимого для обеспечения сравнимости одноименных категорий в разных языках. Работа не претендует на теоретическое осмысление и объяснение найденных универсалий на основе каких-то более фундаментальных общелингвистических или общесемиотических принципов. Отдельные разрозненные попытки таких объяснений на страницах диссертации следует рассматривать лишь как первые приближения к решению такой задачи, которая, без сомнения, должна быть предметом самостоятельного исследования.

То же относится и к практическим приложениям найденных

универсалий, в частности для верификации языковых реконструкций. Попытки такого рода содержатся в опубликованных работах автора, но учитывая общую направленность данной диссертации на поиск универсалий, а не на их анализ и практическое использование, было решено не включать в предлагаемый текст результатов упомянутых работ.

Все эмпирические обобщения относительно языков в целом в типологии делаются лишь по очень небольшой выборке языков мира. Поэтому разделение таких обобщений на "статистические" и "абсолютные" в зависимости от наличия или отсутствия языков-исключений в этой выборке является чисто иллюзорным - все такие универсалии являются статистическими и все они нуждаются в верификации известными методами математической статистики. Поскольку эти методы для поиска универсалий ранее не применялись, в диссертации содержится описание процедуры, позволяющей для любых двух лингвистических признаков установить, существует ли зависимость между ними, определить адекватную логическую форму этой зависимости и рассчитать надежность соответствующей универсалии. Рассмотрены также вопросы, связанные с существованием разнообразных "возмущающих факторов", учет которых способен не только повысить надежность универсалий, но и привести к обнаружению новых нетривиальных закономерностей и связей.

В работе принята презумпция адекватности использованных грамматических описаний, из которой вытекает установка на минимум переинтерпретаций исходных данных о языках. В связи с этим все универсальные определения строились так, чтобы они не расходились с пониманием и употреблением соответствующих терминов в большинстве использованных грамматик, а пере-

интерпретации производились только при наличии расхождений между данной грамматикой и господствующей грамматической традицией.

В плане противопоставлений контенсивной и формальной типологии, а также глубинных и поверхностных структур данная работа посвящена исключительно формальному и поверхностному уровням, и вопрос о том, что соответствует найденным формальным корреляциям на других уровнях, в ней не рассматривается.¹

Технические аспекты. Диссертация состоит из введения, четырех глав и двух приложений. В главе I излагается применявшаяся методика поиска, формулировки и статистической проверки универсалий.² В главе 2 изложено универсальное определение ряда исследуемых синтаксических категорий. Глава 3 посвящена классификации конструкций предложения действительного и страдательного залогов. Глава 4 посвящена собственно формулировке универсалий за исключением тех, которые содержательно ближе к вопросам, рассмотренным в предшествующих главах. В приложении I дан список использованных сокращений около двух десятков наиболее ходовых терминов. Ссылки на описания систематически привлекавшихся к сравнению языков можно найти в приложении 2, где дан алфавитный список этих языков с указанием их важнейших типологических черт (порядок слов, тип спряжения глагола, тип именного словоизменения), генетической и ареальной принадлежности.

¹ Попросту говоря: в различных языках подлежащее, например, может занимать позицию до или после глагола, согласовываться с глаголом префиксально или суффиксально, и между этими явлениями могут наблюдаться неслучайные корреляционные связи. Однако вопрос о том, соответствуют ли этому какие-либо различия и закономерности в плане содержания или глубинных структурах языков следует поставить в особой работе.

² Конкретные расчеты надежности каждой универсалии не приводятся по понятным соображениям экономии места.

В тексте работы такие ссылки, как правило, не даются.

Все иноязычные примеры даны в графике источника без изменений, за исключением китайских, которые переводились на официальную китайскую латинизированную графику, и тагальских, где расшифровывались сокращенные написания.

Для удобства перекрестных ссылок основной текст диссертации разбит на параграфы со сплошной нумерацией. В правом верхнем углу каждой страницы указаны номера параграфов, текст которых на ней расположен. Все универсалии также имеют сплошную нумерацию.

Ссылки на литературу состоят из фамилии автора в графике источника и года издания; в скобках может указываться год первого издания или год выхода в свет оригинала, если цитируется перевод. Цифра после двоеточия обозначает страницу. Более подробные библиографические сведения можно найти в алфавитном списке цитируемой литературы, составленном в соответствии с действующим ГОСТом.

ГЛАВА I

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ
ПОИСКА И ФОРМУЛИРОВКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УНИВЕРСАЛИЙ

§ I. Понятие лингвистической универсалии имплицитно присутствовало практически во всех языковедческих исследованиях с самого зарождения нашей науки, хотя как самостоятельный предмет изучения лингвистические универсалии вошли в научный обиход лишь во второй половине нашего столетия. Одной из причин этого явилось безусловно то, что лишь к этому времени лингвистикой был накоплен достаточно репрезентативный фонд грамматических описаний языков земного шара, без использования которого всякое положение о том, что некоторая черта является универсальной, оставалось бы в значительной мере голословным. Другой, не менее важной причиной явилось то, что к этому времени был уже накоплен опыт типологического сравнения языков и сделан целый ряд эмпирических обобщений, являющихся фактически именно универсалиями [Schmidt 1926], [Трубещкой 1960 (1938)], [Jakobson 1942], [Hjelmslev 1935].

Результатом типологического изучения языков мира было прежде всего осознание того факта, что основные категории и понятия общего языкознания, выработанные главным образом на материале индоевропейских языков, ("фонема", "слово", "часть речи", "член предложения") достаточно адекватны для описания множества других языков мира, то есть генетически не родственные и географически разобщенные языки в принципе сравнимы друг с другом.

Осознание этого ничуть не пострадало от того, что лингвистика нашего столетия полностью отказалась от априорного и механи-

ческого перенесения грамматических особенностей одних (в частности, европейских) языков на другие. Напротив, пристальное внимание к тому, чтобы каждый язык описывался с использованием категорий и терминов, объективно обоснованных его собственной структурой, лишь укрепило уверенность лингвистов в том, что сравнивая одинаково называемые лингвистические феномены разных языков, они действительно имеют дело со структурно однородными явлениями. Даже основоположники так называемой "гипотезы лингвистической относительности", Э.Сэпир и Б.Уорф, в своих практических описаниях языков американских индейцев без всяких оговорок выделяли в них грамматические категории, вполне знакомые по описаниям языков Европы, в тех случаях, когда такое выделение казалось им правомерным [Sapir 1969 (1911)], [Worf 1946]. Быть может не случайно, что первые работы, теоретически обосновавшие понятие лингвистической универсалии, появились именно на их родине [B. Aginsky, E. Aginsky 1948], [Universals of language 1961], в стране, где до недавнего времени почти безраздельно господствовал дескриптивизм, утверждавший, что к описанию каждого языка следует приступать с презумпцией уникальности и неповторимости его грамматического строя [Hockett 1958].

§ 2. Большинство работ, посвященных специально поиску и формулировке лингвистических универсалий исследует какую-либо одну ограниченную подсистему или несколько близких или находящихся в иерархической зависимости друг от друга подсистем. Так, исследовался порядок слов и связанные с ним, главным образом тактические, закономерности в грамматике [Гринберг 1970 (1961)], синтагматическая фонология [Гринберг 1964], [Живов 1974] иерархия

грамматических противопоставлений в различных лексико-грамматических разрядах слов /Успенский 1966, 1967/, /Greenberg 1966/, категории лица и числа в личных местоимениях /Соколовская 1970/, структура глагольной словоформы в связи с основными типологическими параметрами языков /Lehmann 1973/, историческая фонология /Серебренников 1976/ и т.д.¹ Такой метод оправдал себя как наиболее перспективный и настоящая работа не составляет исключения: в ней исследуются подсистемы порядка слов, именного словоизменения и глагольного спряжения в той степени, в которой каждая из них служит для выражения и различения подлежащего и прямого дополнения.

Немало работ посвящено также методам поиска, логической структуре и онтологическому статусу лингвистических универсалий (/Гринберг, Остуд, Дженкинс 1970 (1961)/; /Успенский 1965, 1970/, /Серебренников 1976/; /Вардуль 1969/; /Щедровицкий 1969/, /Greenberg 1966/, /Greenberg 1974/ и др.). Основные положения этих работ, касающиеся классификации лингвистических универсалий и их значения для общего языкознания, стали уже практически общепризнанными и даже вошли в вузовские учебники, поэтому нет смысла здесь их пересказывать. Однако в том, что касается методов поиска, формулировки и эмпирической проверки универсалий, опубликованные до сих пор работы дают весьма скудные, а подчас и неверные сведения. В то же время в практических приложениях математической статистики (биометрии, технометрии, социометрии, эконометрии) разработаны и используются весьма эффективные методы, специально направленные на поиск и формулировку эмпирических обобщений и/или эмпирическую проверку спекулятивных положений. Эти

¹ Особняком стоит монография Ю.В.Рожественского /1969/, где наряду с формулировкой ряда новых универсалий, разработана типологическая классификация языков на основе уже известных универсалий и выявлены некоторые общелингвистические принципы, лежащие в основе эмпирически наблюдаемых закономерностей

методы вполне приложимы и к эмпирическим обобщениям в лингвистике.

Справедливости ради следует сказать, что хотя ни в одной из упомянутых работ нет статистического обоснования предлагаемых в них универсалий, большинство этих универсалий (как показывает выборочная проверка) имеют достаточно высокую статистическую надежность. Безусловно, здравый смысл и интуиция лингвистов во многом помогают избежать формулировки недостаточно достоверных обобщений как универсалий. Однако, как показывает опыт, отсутствие статистической проверки зачастую ведет к тому, что лингвист впадает в другую крайность, не считая универсалией вполне достоверное обобщение. Кроме того, лишь в немногих работах приведено достаточно сведений, позволяющих читателю самому произвести статистическую верификацию выводов автора. Хотелось бы, чтобы в языкознании стало нормой для автора любой универсалии самому проводить статистическую проверку и эксплицитно указывать уровень надежности своих обобщений, как уже давно принято в смежных дисциплинах (например, в психологии и социологии).

§ 3. Единственная разновидность универсалий, которая может формулироваться без статистической проверки - это так называемые дедуктивные универсалии. Подавляющее большинство из них предельно тривиально, так как они просто утверждают применимость (не обязательно ко всем языкам) некоторых универсально определенных лингвистических категорий (например, "во всех языках либо существуют либо не существуют падежи"). Ясно, что это с логической точки зрения просто тождественно истинные суждения и называть их универсалиями нет смысла. В других случаях мы имеем дело с постулатами, принимаемыми *a priori* типа "всякий язык

имеет двойное членение" (в смысле А.Мартине). Однако нельзя, строго говоря, считать дедуктивными универсалиями утверждения типа "во всех языках есть фонемы". Если это не постулат, равнозначный приведенному выше, то применимость понятия "фонема" для описания любого языка нуждается в эмпирической проверке. В частности, многие лингвисты считают элементарной единицей морфосиллабических языков не фонему, а слог (аргументы в пользу равносильности этих двух единиц см., например, в [Сао Хуан Нао 1975]). Вообще же, любое нетривиальное утверждение относительно языка нуждается в эмпирической проверке и поэтому ничем не отличается от индуктивного обобщения в смысле техники этой проверки. В нижеследующем изложении речь пойдет только об индуктивных универсалиях, то есть о положениях, полученных непосредственным анализом языковых данных или о проверяемых на этих данных гипотезах, хотя бы и выдвинутых в результате дедуктивных рассуждений или даже *a priori*.

Некоторые некорректные формулировки.

§ 4. Уже в первом программном документе, посвященном проблеме универсалий /Гринберг, Остуд, Дженкинс 1970 (1961)/, и почти во всех последующих работах проводится разграничение абсолютных и статистических или полных и неполных универсалий (в других терминах, универсалий и фреквенталий). Абсолютная универсалия вовсе не имеет исключений, а статистическая имеет "единичные" исключения. Различие между ними неоднократно обсуждалось, главным образом в аксиологическом плане: одни считали более важными и интересными абсолютные универсалии /Вардуль 1969/, другие придавали большее значение статистическим /Майтинская 1969/, /Серебренников 1972 /. Поразительно, что нигде, насколько мне известно, не

замечено различие и часто совмещаются

ставилась под сомнение сама правомерность такого противопоставления. Более того, в языкознании как будто утвердилось мнение, что если некоторое утверждение оказалось истинным для всех языков в достаточно репрезентативной выборке, то существует большая вероятность, что это абсолютная универсалия, т.е. что оно истинно для всех вообще языков.

Легко показать, что нет ничего более ошибочного. Пусть у нас имеется считающаяся вполне репрезентативной выборка из 100 языков. Во всех из них обнаружен некоторый лингвистический признак X. Формулируем универсалию вида: "Во всех языках есть X". Какова вероятность того, что это утверждение истинно?

Оно будет истинным только в том случае если не существует ни одного языка без признака X. Оценим объем всего множества, или как выражаются в статистике, генеральной совокупности языков в 5000 (будь эта цифра втрое больше или меньше - на выводы это существенно не повлияет). Допустим, что хотя бы один язык-исключение (без признака X) все-таки существует. Какова вероятность, что он попадет в нашу выборку из 100 языков? Эта вероятность равна $100:5000=0,02$! Это и есть вероятность того, что существуешь хоть один язык-исключение, мы бы его уже обнаружили, то есть надежность нашей универсалии (в такой формулировке) равна всего 2%! Легко видеть, что получить мало-мальски приемлемую надежность в 90% для подобной универсалии можно только включением в выборку 90% в с е х языков - задача явно утопическая.

Таким образом утверждать на основании выборки разумного объема о том, что некий лингвистический признак существует во всех

языках, невозможно. Что же означает тот факт, что в выборке из 100 языков нам не попало ни одного без признака X? Не утомляя читателя громоздкими расчетами, приведу только конечный результат: это означает, что с вероятностью 0,95 в генеральной совокупности имеется не более 3% языков-исключений, или с вероятностью 0,99, что таких исключений не более 4,5%.

Отсюда видно, что единственным правильным обобщением на основании нашей выборки было бы такое "в подавляющем большинстве языков есть X". Правда, здесь возникает вопрос, что же считать "подавляющим большинством"? Это можно определить только соглашением. Представляется, что 90% всех языков - это достаточный уровень для понятия "подавляющее большинство". Даже если бы в выборке попало до четырех языков без признака X, вывод о том, что X существует в подавляющем большинстве языков, остался бы правильным с достаточно малой вероятностью ошибки (вероятностью ошибки в статистике называют вероятность того, что эмпирическое обобщение ложно, надежностью - вероятностью того, что оно истинно; сумма этих двух величин, понятно, равна единице). С другой стороны для достоверного утверждения о том, что число исключений в генеральной совокупности не превышает 10%, достаточно, чтобы таких исключений не встретилось в 30 произвольно взятых языках (надежность 0,95). Формулы и методы расчета для эмпирических обобщений типа "в (подавляющем) большинстве языков есть (нет) X" (экзистенциальных универсалий) можно найти в любом пособии по теории вероятностей и математической статистике в разделах "Гипергеометрическое распределение", "Биномиальное распределение". Таблицы и номограммы см. /De Lury, Chung 1950/, /Lieberman, Owen 1961/.

§ 5. Экзистенциальные универсалии - наименее интересные из типов лингвистических универсалий. Наиболее многочисленными и информативными являются корреляционные универсалии, то есть утверждения о том, что некоторые два лингвистических признака X и Y каким-то образом связаны друг с другом.

Здесь также встречаются неточности и заблуждения. Так в "Меморандуме о лингвистических универсалиях" /Гринберг, Осгуд, Дженкинс 1970 (1961)/ различаются статистические (имеющие исключения) и нестатистические (не имеющие исключений) корреляции. Как показано выше, это различие для индуктивных заключений по ограниченной выборке языков является чистой иллюзией. Отсутствие исключений в выборке не дает оснований делать вывод об их отсутствии в генеральной совокупности: надежность такого вывода близка к нулю.

В том же "Меморандуме" само определение корреляционной универсалии неточно: "Статистической корреляцией называется универсальное высказывание вида: если в языке есть некоторое явление X, то вероятность того, что в нем есть явление Y, значительно больше вероятности обратного события" (там же: стр.87).

Легко показать, что утверждение, полностью подходящее под это определение, может не означать наличия какой бы то ни было корреляции между X и Y, например: "Если в языке есть закрытые слоги (X), то в нем есть и открытые слоги (Y)". С виду это утверждение очень похоже на корреляционную универсалию. Но открытые слоги существуют если не во всех, то в подавляющем большинстве языков (имеются основания, в частности, для реконструкции австроазиатского праязыка как языка без открытых слогов -

/А.Ю.Ефимов, устное сообщение/). Еще нагляднее отсутствие корреляции видно на примере следующих утверждений: "Если в языке есть спряжение, то в нем подлежащее обычно предшествует дополнению"; "Если в языке нет спряжения, то в нем подлежащее обычно предшествует дополнению". Оба утверждения истинны для подавляющего большинства языков и оба должны считаться по определению "Меморандума" универсалиями.

С другой стороны, как будет видно из дальнейшего, корреляция между X и Y может существовать, не только когда языков с признаками XY (X и Y) значительно больше, чем языков с признаками $X\bar{Y}$ (X и не- Y), но и когда таких языков поровну или первых меньше, чем вторых.

О п р е д е л е н и е н а л и ч и я к о р р е л я ц и и между двумя признаками, ее надежности и ее логической формы.

§ 6. Будем рассуждать так. Допустим признаки X и Y взаимонезависимы. Тогда вероятность их совместного наличия в одном языке будет равна произведению вероятностей каждого из этих признаков. Так, если признак X имеется в 50% языков и признак Y тоже есть в 50% языков, то будучи взаимонезависимы, они должны встречаться совместно в среднем в 25% языков. Это значит, что в выборке примерно четверть языков должны иметь одновременно оба признака. Но реально наблюдаемое в выборке количество языков с обоими признаками может отличаться от ожидаемого. Это можно объяснить двояко:

Н у л ь - г и п о т е з а: отклонение наблюдаемых количеств языков с определенными сочетаниями признаков от ожидаемых в данной выборке вызвано случайными колебаниями этих количеств

вокруг их расчетного среднего значения.

А л ь т е р н а т и в н а я г и п о т е з а: отклонения наблюдаемых количеств от ожидаемых вызваны тем, что наличие (отсутствие) X влечет наличие (отсутствие) Y , то есть существованием зависимости между этими признаками.

Если верна альтернативная гипотеза, то нуль-гипотеза ложна и наоборот. Статистические методы позволяют с какой угодно точностью вычислить вероятности истинности (ложности) каждой из гипотез. Вероятность истинности нуль-гипотезы (вероятность ошибки) равна сумме вероятностей отклонений наблюдаемого распределения языков в выборке от ожидаемого, которые (отклонения) больше или равны отмечаемым в данной выборке. Понятно, что чем больше величины в выборке отличаются от ожидаемых тем менее вероятно такое отклонение в предположении истинности нуль-гипотезы ("признаки X и Y взаимонезависимы") и, соответственно, тем менее вероятно истинность нуль-гипотезы. Если эта вероятность (α) меньше некоторого заранее заданного критического значения (называемого уровнем значимости выводов), нуль-гипотеза отвергается и с вероятностью ошибки равной α и надежностью $P = 1 - \alpha$ принимается альтернативная гипотеза ("зависимость есть").

§ 7. Обычно в статистических исследованиях избирают уровень значимости (максимально допустимую вероятность ошибки) порядка 0,10, 0,05, 0,01. В случае лингвистических универсалий кажется целесообразным выбирать достаточно малую критическую вероятность ошибки. Дело в том, что реально возможность ошибки может быть куда большей, так как лингвистические выборки прак-

тически невозможно получить чисто случайным отбором языков, различные лингвистические ареалы описаны очень неравномерно, отсутствуют универсальные определения большинства лингвистических признаков, вследствие чего может быть ошибочным заключение о наличии или отсутствии данного признака в данном языке, и т.д. Малая вероятность ошибки позволяет до определенной степени снизить эти помехи. В данной работе принята критическая вероятность ошибки 0,01 и подавляющее большинство универсалий имеет, соответственно надежность 0,99 и выше. Однако, небольшое число универсалий имеет меньшую надежность (но не менее 0,90). Такие универсалии формулировались только в тех случаях, когда вследствие малой распространенности изучаемых признаков или отсутствия в большинстве описаний языков сведений по изучаемому явлению объем выборки оказывался недостаточным для получения большей надежности. Поскольку в этих случаях весьма вероятно, что расширение выборки или привлечение дополнительных материалов подтвердит выдвинутые обобщения, они формулировались как гипотезы, нуждающиеся в дополнительной проверке, и отмечались астериском.

Объем выборки для различных групп универсалий в данной работе был неодинаковым. Дело в том, что вся работа продолжалась ок. 5 лет и, естественно, по мере ее продвижения количество привлекаемых к сравнению языков увеличивалось. Так, большинство универсалий об именном и местоименном словоизменении сформулированы на выборке из ок. 60 языков, о субъектно-объектном спряжении - на выборке из 120 языков, о порядке слов на выборке из свыше 200 языков. Если в использованном источнике о данном явлении в данном языке достаточно подробные сведения отсутствовали, такой язык

исключался из выборки, на основе которой формулировалась данная универсалия, поэтому объемы выборок даже для универсалий одной группы не вполне одинаковы. Разумеется, если в ходе работы обнаруживались новые исключения к ранее сформулированным универсалиям, эти исключения вносились в соответствующие списки и производилась прикидка, насколько снижается надежность (при прежнем объеме выборки). Во всех случаях снижение надежности не вело к ее падению ниже критической (0,99), поэтому пересчитывать надежность на новом объеме выборки было излишне. Несмотря на различные объемы выборок, универсалии с одинаковой надежностью имеют один и тот же "вес".

§ 8. Рассмотрим конкретную методику обнаружения и формулировки лингвистической универсалии методом составления таблиц сочетаемости признаков (*contingency tables*).

Предполагаем, что X и Y взаимонезависимы (нуль-гипотеза). Тогда количества языков со всеми четырьмя возможными сочетаниями признаков - XY, X \bar{Y} , $\bar{X}Y$ и $\bar{X}\bar{Y}$ - можно вычислить по формуле:

$$\mu_{ij} = \frac{m_i \cdot m_j}{N} \quad (1)$$

где μ - ожидаемое (по нуль-гипотезе) число языков с данным сочетанием признаков, m - наблюдаемое количество языков с данным признаком, N - объем выборки. Так, $\mu_{X\bar{Y}} = \frac{m_X \cdot m_{\bar{Y}}}{N}$ и т.д. Результаты сведем в четырехклеточную таблицу следующей формы.

	у	\bar{y}	Σ
х	$\mu_{xy} = \frac{m_x \cdot m_y}{N}$	$\mu_{x\bar{y}} = \frac{m_x \cdot m_{\bar{y}}}{N}$	m_x
\bar{x}	$\mu_{\bar{x}y} = \frac{m_{\bar{x}} \cdot m_y}{N}$	$\mu_{\bar{x}\bar{y}} = \frac{m_{\bar{x}} \cdot m_{\bar{y}}}{N}$	$m_{\bar{x}}$
Σ	m_y	$m_{\bar{y}}$	$N = m_x + m_{\bar{x}} = m_y + m_{\bar{y}}$

Таблица I. Расчет ожидаемых (μ^*) количеств языков с различными сочетаниями признаков в предположении истинности нуль-гипотезы /"зависимости нет"/

Нетрудно заметить, что по формуле (I) достаточно определить ожидаемые количества только в одной клетке; остальные клетки заполняются путем вычитания. Точно в такую же таблицу поместим и данные о реально наблюдаемых в выборке количествах (m) языков с различными сочетаниями признаков и, сравнив две таблицы между собой, выберем наиболее вероятную альтернативную гипотезу (табл.3).

Вычисление надежности выбранной альтернативной гипотезы можно производить различными методами, однако самый удобный из них - χ^2 -критерий. Значение $\hat{\chi}^2$ вычисляется по формуле:

$$\hat{\chi}^2 = \frac{(m_{xy} - \mu_{xy})^2}{\mu_{xy}} + \frac{(m_{x\bar{y}} - \mu_{x\bar{y}})^2}{\mu_{x\bar{y}}} + \frac{(m_{\bar{x}y} - \mu_{\bar{x}y})^2}{\mu_{\bar{x}y}} + \frac{(m_{\bar{x}\bar{y}} - \mu_{\bar{x}\bar{y}})^2}{\mu_{\bar{x}\bar{y}}} \quad (2)$$

или, поскольку абсолютная величина разности между наблюдаемым и ожидаемым количеством языков одинакова во всех четырех клетках,

$$\hat{\chi}^2 = (m - \mu)^2 \left(\frac{1}{\mu_{xy}} + \frac{1}{\mu_{x\bar{y}}} + \frac{1}{\mu_{\bar{x}y}} + \frac{1}{\mu_{\bar{x}\bar{y}}} \right) \quad (3)$$

Для принятия альтернативной гипотезы вычисленное значение $\hat{\chi}^2$ должно быть не меньше, чем табличное значение χ^2_{α} для заданного уровня значимости (надежности и вероятности ошибки). Избранные значения приводятся ниже (табл.2).

χ^2	вероятность ошибки α	надежность универсалии P
2,71	0,05	0,95
5,41	0,01	0,99
9,55	0,001	0,999

Таблица 2. Избранные значения χ^2 (односторонний критерий)

Если альтернативная гипотеза принята, то корреляция между X и Y существует с вероятностью ошибки α . Однако нуль-гипотезе всегда противостоит не одна, а две альтернативных гипотезы: корреляция может быть положительной или отрицательной; точнее, если верна одна из альтернативных гипотез, то неверна как нуль-гипотеза, так и вторая альтернативная гипотеза. Поэтому, прежде всего необходимо избрать одну из альтернативных гипотез. Как это сделать, показано в табл.3.

	Y	\bar{Y}
X	$m = \mu$	$m = \mu$
\bar{X}	$m = \mu$	$m = \mu$

А. Подтверждается нуль-гипотеза ("корреляции нет")

	Y	\bar{Y}
X	$m > \mu$	$m < \mu$
\bar{X}	$m < \mu$	$m > \mu$

Б. Выдвигается альтернативная гипотеза о положительной корреляции между X и Y: наличие X влечет наличие Y и/или наличие Y влечет наличие X

	Y	\bar{Y}
X	$m < \mu$	$m > \mu$
\bar{X}	$m > \mu$	$m < \mu$

В. Выдвигается альтернативная гипотеза об отрицательной корреляции между X и Y: отсутствие X влечет наличие Y и/или наличие X влечет отсутствие Y

Таблица 3. Соотношения между наблюдаемыми (m) и ожидаемыми (μ) количествами языков с различными сочетаниями признаков и формулируемые гипотезы

§ 9. Приведу конкретный пример поиска корреляции между двумя лингвистическими признаками по данной методике.

В языках, имеющих субъектно-объектное спряжение, аффиксы, согласующие глагол с его подлежащим и прямым дополнением, могут предшествовать корню глагола или следовать за ним (обозначим это соответственно п-Г, д-Г и Г-п, Г-д), формы с конфиксами и/или инфиксами рассматривать не будем. Можно задаться таким, например, вопросом: влияет ли наличие (отсутствие) форм вида п-Г в парадигме субъектно-объектного спряжения на наличие (отсутствие) в ней форм вида д-Г?

К сравнению привлечено 120 языков, все из которых имеют субъектно-объектное спряжение; $N = 120$

Признак X - наличие в парадигме хотя бы одной формы д-Г (68 языков), признак \bar{X} - полное отсутствие таких форм (52 языка).

Признак Y - наличие хотя бы одной формы вида п-Г (79 языков) признак \bar{Y} - полное отсутствие таких форм (41 язык).

Рассчитываем ожидаемые количества языков с каждым из четырех возможных сочетаний признаков (XY, $X\bar{Y}$, $\bar{X}Y$, $\bar{X}\bar{Y}$) в предположении взаимонезависимости признаков и сопоставляем их с реально наблюдаемыми количествами.

	Y	\bar{Y}	Σ
X	45	23	68
\bar{X}	34	18	52
Σ	79	41	120

Ожидаемые количества (μ)

	Y	\bar{Y}	Σ
X	57	11	68
\bar{X}	22	30	52
Σ	79	41	120

Наблюдаемые количества (m)

По таблице 3 (§ 8) определяем, какой должна быть альтернативная гипотеза. Перед нами случай Б, то есть возможна положительная корреляция. Вычисляем по формуле (2) $\hat{\chi}^2$ - значение для всех четырех клеток таблицы. Вычисление удобно начинать с клетки, в которой находится наименьшее из ожидаемых количеств (клетка $\overline{X\bar{Y}}$):

$$\hat{\chi}^2 = \frac{(30-18)^2}{18} = 8,0$$

Полученное значение χ^2 больше, чем табличное (табл.2) для принятого здесь уровня значимости, поэтому дальнейшие вычисления излишни: они могут только увеличить значение $\hat{\chi}^2$. Следовательно, принимается альтернативная гипотеза: между X и Y существует положительная корреляция.

Описанная методика расчета может применяться, если все ожидаемые количества $\mu \geq 3$, а объем выборки $N \geq 20$ с достаточной точностью. Если эти условия не соблюдаются, необходимо применять различные поправочные приемы или другие методы (подробное изложение этого и других методов можно найти в книге Л.Закса [1976 (1972): 304-347]).

§ 10. Наличие корреляции между признаками еще само по себе не дает возможности сформулировать универсалию, поскольку в лингвистических универсалиях необходимо указывать не только наличие корреляции и ее знак (положительная или отрицательная), но и направление зависимости, то есть зависит ли X от Y или Y - от X или они оба взаимозависимы (для положительной корреляции; соответственно X и \bar{Y} - для отрицательной), Зависимость между признаками (если она есть) будет двусторонней (эквиваленция, эксклюзивная дизъюнкция), если оба признака встречаются в языках примерно с одинаковой частотой, в противном случае имеет место односто-

ронняя зависимость (импликация, инклюзивная дизъюнкция, штрих Шеффера).¹⁾ Для четырехклеточных таблиц описанной формы наличие двусторонней зависимости проявляется в том, что количества языков в накрестлежащих клетках (клетки $X\bar{Y}$ и $\bar{X}Y$ при положительной корреляции и клетки XY и $\bar{X}\bar{Y}$ при отрицательной) будут примерно равными. Если эти количества не равны, то это может объясняться либо случайным отклонением, либо тем, что зависимость односторонняя.

Таким образом, в качестве нуль-гипотезы предполагается двусторонняя зависимость, а две противостоящие ей альтернативные гипотезы утверждают наличие той или иной односторонней зависимости (табл.4). Разумеется само наличие корреляции и ее знак уже предполагаются доказанными.

1) В качестве наглядной меры степени связи между признаками X и Y можно применять коэффициент ассоциации k , вычисляемый по формуле /Суслов 1978: 330-332/:

$$k = \frac{m_{xy} \cdot m_{\bar{x}\bar{y}} - m_{x\bar{y}} \cdot m_{\bar{x}y}}{m_{xy} \cdot m_{\bar{x}\bar{y}} + m_{x\bar{y}} \cdot m_{\bar{x}y}}$$

Величина k может колебаться от $+1$ (положительная корреляция) до -1 (отрицательная корреляция). Эта мера особенно удобна тем, что, - в отличие от коэффициентов сопряженности Пирсона и Чупрова, - величина k не зависит от логической формы универсалии: при отсутствии исключений в выборке k будет равен $|1|$. Коэффициенты Пирсона и Чупрова для эквиваленции и эксклюзивной дизъюнкции (т.е. для двусторонних зависимостей) всегда выше, чем для других логических форм (односторонних зависимостей). Следует учесть, что сравнивать тесноту связи между признаками можно только для универсалий, сформулированных на одном и том же уровне значимости, так как возможны случаи, когда универсалия с высоким коэффициентом ассоциации имеет неудовлетворительную надежность (и, следовательно, корреляция отсутствует). Для грубой прикидки при достаточно большой выборке можно ограничиться расчетом одного коэффициента ассоциации. Корреляция статистически незначима, если $|k| < 0,5$. Для приведенного здесь примера

$$k = \frac{57 \cdot 30 - 22 \cdot 11}{57 \cdot 30 + 22 \cdot 11} \approx +0,75$$

Наиболее удобно определять характер зависимости и, следовательно, логическую форму универсалии по критерию Макнимара (см. /Закс 1976 (1972): 338-341, 443-444/). Расчет ведут с наблюдаемыми количествами языков.

$$\hat{\chi}^2 = \frac{(|m_1 - m_2| - 1)^2}{m_1 + m_2 + 1}, \quad \text{если } 8 \leq (m_1 + m_2) < 30 \quad (4)$$

или:

$$\hat{\chi}^2 = \frac{(m_1 - m_2)^2}{m_1 + m_2 + 1} \quad \text{если } (m_1 + m_2) \geq 30 \quad (5)$$

где m_1 и m_2 - наблюдаемые количества языков в накрестлежащих клетках, которые меньше соответствующих ожидаемых.

Если вычисленное значение $\hat{\chi}^2$ не меньше табличного для заданного уровня значимости, принимается одна из альтернативных гипотез, в противном случае сохраняется нуль-гипотеза (см. табл. 4).

Если $(m_1 + m_2) < 8$, то для принятия альтернативной гипотезы необходимо, чтобы количества в накрестлежащих клетках соотносились как 0:7 (надежность 0,99) или 0:5 (надежность 0,95).

Таблица 4. Правила выбора логической формы универсалии в зависимости от соотношения наблюдаемых количеств языков в накрестлежащих клетках

Выдвигаемые гипотезы	Логическая форма универсалии, формулируемой при подтверждении данной гипотезы
При положительной корреляции:	
1. Нуль-гипотеза: $m_{xy} = m_{x\bar{y}}$	Эквиваленция $X \leftrightarrow Y$ "если и только если X, то Y", "либо X и Y, либо ни того ни другого"
2. Альтернативная гипотеза: $m_{xy} > m_{x\bar{y}}$	Импликация $X \rightarrow Y$: "если X, то Y", "либо X и Y, либо только Y, либо ни того ни другого"

3. Альтернативная гипотеза:

$$m_{\bar{x}y} < m_{x\bar{y}}$$

Импликация $Y \rightarrow X$: "если Y , то X ",
"либо и X и Y , либо только X , либо
ни того ни другого"

При отрицательной
корреляции:

4. Нуль-гипотеза:

$$m_{xy} = m_{\bar{x}\bar{y}}$$

Эксклюзивная дизъюнкция (антиэквиваленция) $X \leftrightarrow Y$: "либо X , либо Y ",
"если X , то не Y , а если Y , то не X "

5. Альтернативная гипотеза:

$$m_{xy} > m_{\bar{x}\bar{y}}$$

Инклюзивная дизъюнкция $X \vee Y$: либо
 X , либо Y , либо и то и другое", " X
и/или Y ", "если не X , то Y "

6. Альтернативная гипотеза:

$$m_{xy} < m_{\bar{x}\bar{y}}$$

Штрих Шеффера X / Y : "либо X , либо Y ,
либо ни того ни другого", "если X ,
то не Y "

Для нашего примера корреляция положительная. Нуль-гипотеза: различие между количеством языков в клетке $X\bar{Y}$ (11 языков) и $\bar{X}Y$ (22 языка) статистически несущественно и является результатом случайного отклонения. Наиболее вероятной альтернативной гипотезой было бы, конечно, предположение, что в генеральной совокупности меньше языков с сочетанием признаков $X\bar{Y}$, чем языков с сочетанием признаков $\bar{X}Y$. Проверяем по формуле (5):

$$\chi^2 = \frac{(22-11)^2}{22+11} \approx 3,56$$

Полученное значение меньше табличного для принятого уровня значимости (0,99). Следовательно, необходимо принять нуль-гипотезу и сформулировать универсалию как эквиваленцию.

На практике, однако, самой удобной формулировкой является импликация. Дело в том, что при обнаружении исключений их перечень будет включать языки с различными сочетаниями признаков (в нашем случае $\bar{X}Y$ и $X\bar{Y}$). Если же сформулировать эквиваленцию в виде двух импликаций $X \rightarrow Y$ и $Y \rightarrow X$, то в списке исключений к

каждой из них будут языки с одним и тем же сочетанием признаков. В главе 4 данная универсалия именно так и сформулирована (ун.87 и 88, § 149). Точно так же в виде двух импликаций удобнее формулировать и эксклюзивную дизъюнкцию ("если X то не Y", "если не X то Y"). Ясно, что наиболее естественная формулировка для штриха Шеффера - тоже импликация, так как в русском языке нет союза, адекватно выражающего эту логическую функцию.

§ II. Из сказанного должно быть ясно, что надежность универсалии зависит от целого ряда факторов; при этом количество исключений, обнаруженное в выборке, играет довольно второстепенную роль. Так, в нашем примере корреляция имеет очень высокую надежность (вероятность ошибки менее $5 \cdot 10^{-6}$), несмотря на то, что из 120 языков 33 являются исключениями.

Описанная методика обнаружения корреляции между лингвистическими признаками применима не только для любых двух признаков (при условии, конечно, что эти признаки не являются логически несовместимыми, т.е. ни один из них не является отрицанием другого), но и вообще для любого числа признаков. При этом составляются многоклеточные таблицы сочетаемости признаков по описанной выше методике, а затем проверяется наличие корреляции между каждой парой внесенных в таблицу признаков. Методы анализа многоклеточных таблиц несколько отличаются от методов, описанных выше; в частности здесь лучше применять не χ^2 критерий, а информационную статистику (см. [Кульбак 1967 (1959)], а также изложения этих методов [Закс 1976 (1972): 323-336, 433-447]). Эти методы ценны тем, что таблицы могут быть, в принципе, многомерными (например, кубическими). Обнаружение лингвистических универсалий при этом может быть целиком поручено ЭВМ, так как составление программы перебора признаков дос-

таточно просто, а расчеты довольно громоздки.

Возможные ошибки и методы повышения надежности универсалий.

§ 12. Помимо ингерентной для любого эмпирического обобщения, основанного на анализе лишь части (выборки) языков мира, возможности ошибки, отражаемой как вероятность ошибки (α) при статистической верификации универсалий, возможны и другие пути проникновения ошибок и искажения получаемых результатов.

Источником ошибок, которые можно назвать случайными, является в первую очередь неунифицированность лингвистической терминологии, отсутствие универсальных определений для подавляющего большинства лингвистических признаков, отсутствие свода описаний языков, следующих одним и тем же принципам, крайне неравномерная изученность различных лингвистических ареалов и языков и, как следствие этого, невозможность получения равномерной случайной выборки языков, в которой правильно бы отражалась частота различных лингвистических типов.

§ 13. Что касается неравномерной изученности языков и разноречия в методологических принципах и объеме их описаний, то здесь типолог почти бессилён: ему не может помочь даже практическое владение всеми привлекаемыми к сравнению языками (если бы это было вообще возможно), так как владеть языком отнюдь не означает знать его структуру. Все же можно порекомендовать, чтобы любая выборка языков по возможности представляла все континенты и все, хотя бы крупнейшие, лингвистические ареалы.

Разумеется, очень желательно дать универсальные определения хотя бы части изучаемых признаков. Так, например, в данной работе удалось дать такое определение для некоторых основных исполь-

зуемых понятий: подлежащее, прямое дополнение, переходный и непереходный глагол, действительный и страдательный залог и др. Однако не следует переоценивать этой возможности. Дело в том, что задавшись целью дать определения всем используемым признакам, типологи вряд ли доберутся до своей собственной задачи. С другой стороны, употребление лингвистической терминологии в наше время явно ориентируется на некоторый, пусть чисто интуитивный, стандарт, вследствие чего можно надеяться, что доля языков в выборке, где тот или иной термин употреблен "с точностью до наоборот", невелика. Отсутствие универсальных определений лингвистических признаков отнюдь не означает, что эти определения вообще невозможно дать, а опыт показывает, что когда такие определения разработаны, то даваемые ими результаты очень хорошо согласуются с практикой обозначения некоторых явлений в разных языках одними и теми же терминами на чисто интуитивной основе. Так, разработанные в главе 2 универсальные определения ряда синтаксических понятий при применении их к конкретным языкам дают результаты, за редчайшими исключениями почти неотличимые от их трактовки в существующих практических грамматиках, вследствие чего излагаемые в данной работе универсалии практически не нуждались бы в коррективах, если бы даже абсолютно все лингвистические признаки здесь брались так, как они даны в использованных грамматических описаниях.

В связи с этим некритическое использование данных грамматических описаний (разумеется, с устранением явной синонимии, например "прямое дополнение" и "прямой объект", и игнорированием явно непрофессиональных описаний) можно считать вполне допусти-

*Определения даны
а. Виссарионовичи прилагательными - 8/11/11*

мым и, на практике, единственно возможным для большинства случаев. При этом отклонения от истины в ту или другую сторону до некоторой степени взаимно компенсируются, а выбор достаточно высокого уровня значимости (малой вероятности ошибки) не даст случайным отклонениям повлиять на результаты.

В связи с этим находится и требование, чтобы при выборе, на какое из альтернативных описаний одного и того же языка ориентироваться при интерпретации его данных, типолог руководствовался не только и не столько своим субъективным суждением о достоинствах той или иной трактовки, сколько чисто случайным выбором (вплоть до подбрасывания монеты). При достаточно больших выборках, впрочем, такая проблема и не возникает, так как для большинства языков по необходимости используется только одно описание.

Следует заметить также, что при поиске универсалий типолог, как правило, может более свободно отождествлять сходные лингвистические явления, чем, например, при сопоставительно-характериологическом изучении языков. Так, например, русские и французские предлоги относятся, строго говоря, к различным типам грамматических элементов /Б.А.Успенский 1965/. Однако ни для одной из доселе обнаруженных лингвистических универсалий это различие, насколько мне известно, не имеет никакого значения. Сам факт того, что между признаками X и Y устанавливается корреляция, свидетельствует, что различные лингвистические феномены, объединяемые, например, под именем X, по отношению к данной корреляции не отличаются друг от друга.

Таким образом, случайные ошибки в конечном счете не оказывают большого влияния на результаты работы по поиску универсалий. Намного интереснее выявить различные виды систематических ошибок, которые можно назвать возмущающими факторами.

§ I4. Системный (собственно лингвистический) возмущающий фактор, это некоторый лингвистический признак F , наличие которого в языках может нарушать (хотя и не обязательно нарушает) некоторую универсалию U . Иначе говоря, факт истинности для некоторого языка универсалии U и наличие в нем фактора F находятся в отношении инклюзивной дизъюнкции $F \vee U$,

Так, для приведенного выше примера удастся обнаружить два возмущающих фактора. Для импликации д-Г \rightarrow п-Г (ун-я 87, § I49) возмущающим фактором является порядок слов с глаголом в конце предложения (ПДГ). В языках с таким порядком слов эта закономерность может иногда нарушаться. Для импликации п-Г \rightarrow д-Г (ун-ия 88, § I49) таким фактором является порядок слов с глаголом в начале предложения (ГДП или ГПД). В них также нарушение закономерности не обязательно, но отмечается очень часто (см. ун-ии 89 и 90, § I49).

Интересно, что понятие возмущающего фактора для синхронических лингвистических универсалий обнаруживает почти полную аналогию с факторами, вызывающими нарушения "фонетических законов" в сравнительно-историческом языкознании (аналогия, метатеза, гаплоглогия, народная этимология и т.д.). Наличие этих явлений вовсе не всегда вызывает нарушение регулярных звуковых изменений, но коль скоро такое нарушение налицо, есть все основания подозревать действие одного из таких факторов.

§ 15. Предварительный поиск возмущающего фактора заключается в поиске лингвистических признаков, общих для всех или подавляющего большинства языков-исключений. Чем больше таких языков, тем легче обнаружить возмущающий фактор, поэтому не должна казаться парадоксальной рекомендация, что коль скоро к некоторой универсалии обнаружены исключения, ее формулировку и определения соответствующих лингвистических признаков следует подбирать так, чтобы число исключений было по возможности большим (разумеется, если универсалия при этом сохраняет приемлемую надежность). После этого достаточно проверить статистическую надежность корреляции вида U/VF . Если корреляция подтверждается, F и есть искомый возмущающий фактор.

Характер формулировки универсалий, нарушаемых возмущающими факторами, зависит от абсолютной величины их надежности. Если до обнаружения возмущающего фактора надежность универсалии была недостаточной, то можно ввести дополнительное ограничение типа "для языков, где нет F , справедливо U " и получить универсалию с приемлемой надежностью. Если же универсалия с самого начала имела достаточную надежность (как в нашем примере), интереснее сохранить ее, но сформулировать дополнительные универсалии о связи между сочетаниями признаков, запрещенными универсалией U , и наличием в таких языках признака F , являющегося возмущающим фактором. Для вышеприведенного примера был избран именно этот путь (см. ун-ии 89 и 90).

§ 16. Типологически несовместимое (с точки зрения универсалии U) сочетание признаков в каком-то языке может возникнуть из-за того, что эти признаки принадлежат к разным уровням,

17

а в процессе изменения языков один из уровней является более консервативным, чем другой. Так, общеизвестно, что морфология консервативнее синтаксиса, поэтому при изменениях в синтаксисе морфологические изменения "не успевают", порождая несовместимые сочетания (конкретные примеры см. в /Козинский 1977/). Однако, поскольку направление языковых изменений точно никогда не известно (всегда неизвестны будущие состояния языков, а в большинстве случаев и прошлые), данное рассуждение не поддается статистической верификации и принадлежность признаков к тем или иным уровням или подсистемам нельзя считать возмущающим фактором.

§ 17. Внесистемным возмущающим фактором можно считать принадлежность языков-исключений к одному ареалу /ср. Успенский 1970:21/ или к одной языковой семье. Статистическая проверка здесь не представляет трудностей, но плодотворность ареального или генетического объяснения исключений возбуждает сомнения. В самом деле, если на вопрос "почему данные языки являются исключениями?" получаешь ответ "потому что их носители живут на Камчатке", то такое "объяснение" кажется по меньшей мере странным. Если же ареалы разграничивать не по чисто географическому принципу, а по наличию или отсутствию в языках определенных лингвистических признаков, то естественнее считать возмущающим фактором один или несколько из этих признаков, а не местоположение языка на карте мира.

§ 18. Наиболее характерным из внесистемных возмущающих факторов следует признать взаимовлияние типологически различных языков. Несовместимое сочетание признаков в некотором языке может появиться вследствие того, что один из этих признаков заимствован или скалькирован из типологически отличающегося соседнего языка.

Так, из пяти языков-исключений к ун-ии 89 в четырех имеются свидетельства их интенсивного контакта с языками, откуда, как предполагается, и был заимствован порядок слов ПДГ, несовместимый с морфологическими особенностями этих языков. Данное объяснение кажется особенно правдоподобным, если язык является исключением к двум или более разным универсалиям и это во всех случаях объясняется влиянием одних и тех же соседних языков. В таких случаях можно сделать нетривиальные выводы о прошлом языков-исключений (ср. /Успенский 1970:21/ ; конкретный пример использования подобного анализа для реконструкции порядка слов в пра-мунда и праавстроазиатском языке на основе ун-ий 89 и 97 см. в /Козинский 1977/).

§ 19. Статистическая верификация "контактного" возмущающего фактора довольно затруднительна, но не невозможна. Известно, что объективной мерой степени влияния одного языка на другой может служить число лексических заимствований. Поэтому, если есть подозрение, что универсалия нарушается вследствие влияния языков с типологической чертой Q, можно попытаться обнаружить корреляцию между числом лексических заимствований из языков типа Q и частотой нарушения данной универсалии. При такой проверке, как кажется, не обязательно подсчитывать точное число лексических заимствований: достаточно чисто импрессионистских оценок типа "мало", "много", "очень много". При этом удобно использовать ранговые критерии [см.Кенделл 1975]. Если корреляция подтверждена, влияние языков типа Q следует признать возмущающим фактором.

§ 20. Необходимо затронуть вопрос о возможном искажающем влиянии ареальных и генетических сопутствующих факторов на надежность корреляции между лингвистическими признаками. Речь идет о случаях, когда по крайней мере один из лингвистических признаков не встречается за пределами ограниченного ареала или языковой семьи. Этот вопрос был бегло затронут в "Меморандуме о языковых универсалиях" [Гринберг, Осгуд, Дженкинс 1970 (1961):367]. Так, если в языке есть зубной кликс, то есть и боковой кликс и наоборот, причем и то и другое встречается только на юге Африки [там же]. Если число фонем менее 20, то в языке существует двойственное число (по крайней мере в личных местоимениях), но такие бедные фонологические системы встречаются только в полинезийских языках.

Статистическая верификация таких утверждений выявляет их высокую надежность (в выборке, куда входят языки, представляющие все прочие лингвистические ареалы). Действительно, если бы зубной и боковой кликсы были взаимонезависимы, то нашлось бы много языков (хотя бы в том же ареале), где они встречались бы порознь. Точно так же при независимости двойственного числа от бедности фонологической системы его бы не было в большей части полинезийских языков.

Однако, совместную встречаемость данных признаков можно объяснить и иначе. Бедная фонология и двойственное число являются чертами, которые полинезийские языки могли унаследовать от своего общего праязыка, в котором сочетание этих двух признаков могло быть чистой случайностью. Тем же может объясняться наличие двух кликсов в бушменско-готтентотских языках с той разницей, что оба кликса были заимствованы еще и соседними языками семьи банту.

Со статистической точки зрения здесь можно говорить, что корреляция между признаками является формальной, так как оба они зависят от третьей, независимой, переменной (генетической и ареальной близости языков). Следует подчеркнуть, что такое объяснение отнюдь не предполагает истинности нуль-гипотезы (предположения о чисто случайном совпадении признаков в одних и тех же языках), так как оба признака обусловлены некоторым третьим фактором. Тем не менее, содержательная ценность подобных корреляций для типологии вряд ли достаточно велика для того, чтобы формулировать их как универсалии.

Следует отметить, что сама возможность получить подобные "ареальные корреляции" связана, как правило, с неравномерностью выборки. Если бы выборка обычного объема (несколько десятков языков) равномерно представляла все лингвистические ареалы, то в нее попали бы в лучшем случае всего 1-2 полинезийских языка или языка юга Африки. В этом случае надежность подобных корреляций была бы ниже принятого уровня значимости. Однако, неравномерности выборки неизбежны, так как, обнаружив редкий и интересный признак, лингвист вряд ли может отказаться от дальнейших поисков языков с этим признаком в том же ареале. Поэтому здесь разумно принять некоторые меры предосторожности.

В качестве одного из способов проверки можно предложить такой. Если по крайней мере один из признаков не встречается за пределами небольшой географической зоны, то следует выделить (полингвистическим признакам, не связанным с изучаемыми признаками) несколько более широкий ареал, в который бы входила данная зона. Например, рассмотреть, кроме полинезийских, еще и меланезийские

и микронезийские языки; помимо языков крайнего юга Африки взять еще все языки банту к югу от экватора. После этого из данного расширенного ареала (и только из него) отбирается новая выборка языков достаточного объема, чтобы туда вошли все или хотя бы большинство языков с изучаемыми "подозрительными" признаками, и на этой выборке производится новая статистическая проверка "подозрительной" корреляции. Если при этом корреляция оказывается статистически значимой, она признается универсалией несмотря на свой ареальный характер. Если же ее надежность при данной проверке не достигнет требуемой величины, от формулировки соответствующей универсалии следует воздержаться впредь до обнаружения "подозрительного" признака хотя бы в одном языке, находящемся на достаточно большом расстоянии (географическом и генетическом) от очерченного ареала. Если этот язык не окажется исключением, можно смело формулировать данную корреляцию как универсалию.

В случае, если "подозрительная" географическая зона велика (по количеству и генетическому разнообразию входящих в нее языков), выборку для проверки можно делать не выходя за пределы этой зоны.

Описанная процедура позволяет отбросить малоинтересные корреляции (как, например, о связи бедности фонологической системы с двойственным числом), но сохранить содержательно ценные (как, например, о связи зубного и бокового кликсов или о связи морфосиллабизма с фонологическими тонами) "ареальные" универсалии. Вряд ли нужно напоминать, что если некоторая закономерность признается универсалией, то она справедлива (в статистическом смысле) для всех языков, независимо от того являются ли упоминаемые в ней признаки "ареальными" или нет. В данной работе все рассмат-

риваемые в универсалиях признаки не являются "ареальными", поэтому здесь просто не было случая применить предложенную процедуру проверки.

§ 21. В заключение данного раздела необходимо сказать несколько слов о роли универсалий в языкознании. Эта роль в лингвистической литературе зачастую преувеличивается, и знания, добытые неполной индукцией, переносятся непосредственно в концептуальный аппарат описательного языкознания /Колшанский 1976/ или приравниваются к принципам, определяющим усвоение языка ребенком /Хомский 1972 (1965): 29-32/, даже сравнивается с такими математическими закономерностями как теорема Ферма или проблема четырех красок /Успенский 1965/.

Разумеется, единственное сходство с указанными математическими проблемами у универсалий в том, что эти проблемы являются в некотором смысле "тупиковыми": никто не стал бы основывать новую математическую теорию на них, пока они не доказаны или не признаны аксиомами. Механическое перенесение индуктивных универсалий в теорию языка вероятно объясняется все тем же, чисто иллюзорным, разделением универсалий на "полные" и "неполные", в то время как индуктивные закономерности являются неполными, статистическими по самой своей природе.

Именно поэтому индуктивные обобщения являются лишь исходным материалом, значение которого для построения лингвистической теории трудно переоценить, но который не может заменить эту теорию.

§ 22. В связи с этим необходимо с большой осторожностью подходить к диахроническим, причинно-следственным и иным содер-

жательным интерпретациям лингвистических универсалий. Если универсалия имеет вид импликации "Если X, то Y", это отнюдь не всегда значит, что X причина Y или наоборот. Сказанное выше о взаимодействии универсалий с возмущающими факторами, в том числе ареально-генетическими и т.п., ясно свидетельствует о том, что взаимосвязь признаков может быть гораздо сложнее. Позволю себе повторить здесь прелестный пример Л.Закса /1976: 366/: в странах Северной Европы обнаруживается четкая корреляция между снижением числа гнезд аистов и падением рождаемости среди населения. Статистика может лишь доказать, что связь этих явлений почти наверняка не является случайной, но из этого, разумеется, не следует, что детей приносят аисты.

Безусловно, для каждой науки, не исключая и лингвистику, характерна "презумпция детерминизма", то есть убеждение, что формулировка законов в виде статистических корреляций свидетельствует скорее о неполноте наших знаний, чем о вероятностной природе самих законов. Формулировка абсолютных, а не статистических, закономерностей возможна лишь на уровне лингвистической теории, которая должна указать точные условия и сферы их действия, всевозможные "возмущающие" и сопутствующие факторы, полностью объясняя и даже предсказывая исключения из них.

ГЛАВА II

ОПЫТ УНИВЕРСАЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ
ИССЛЕДУЕМЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Предварительные замечания

§ 23. Такие синтаксические категории, как подлежащее, прямое и косвенное дополнение, переходный и непереходный глагол, действительный и страдательный залог издавна применяются для описания самых разнообразных языков с заслуживающим внимания постоянством. В подавляющем большинстве современных грамматических описаний языков соответствующие термины употребляются, как можно судить по чисто интуитивным соображениям, достаточно последовательно и единообразно¹; действительно, количество выведенных в данной работе универсалий и их надежность существенно не изменились бы, если бы автор слепо следовал за авторами использованных грамматик. Кроме того, за последние 15 лет было предложено три универсальных определения некоторых из этих категорий, и все три вполне согласуются с господствующей грамматической традицией². И все же, поскольку в лингвистической литературе неоднократно высказывались мнения о нерелевантности данных категорий для некоторых языков или о неверном отождествлении некоторых членов предложения для ряда языков, разработка собственного универсального определения показалась автору необходимым условием для поиска и формулировки лингвистических универсалий в области, для которой эти категории являются самыми существенными.

¹Если, разумеется, не учитывать чисто терминологического разнобоя, типа "подлежащее" и "субъект", "дополнение" и "объект" и т.п.

²Это определения Б.А.Успенского, Ю.В.Рождественского и Э.Кинена. О них речь пойдет впереди.

В нижеследующем изложении речь будет идти в основном о категории "подлежащее", хотя те же рассуждения *mutatis mutandis* применимы и к остальным из исследуемых категорий.

§ 24. Основным лингвистическим феноменом, вызывающим разногласия лингвистов, является синтаксическая структура предложения в эргативных языках. Эта проблема и явилась основной причиной того, что в данной работе была предпринята попытка дать единообразное определение членов предложения /ЧП/.

Речь идет вот о чем. Рассмотрим следующие баскские предложения.

- | | | | |
|------------------|------------------|------------|-----------|
| 1. <i>aitak</i> | <i>ogia</i> | <i>jan</i> | <i>du</i> |
| отец /эргатив/ | хлеб /номинатив/ | съел | связка |
| 2. <i>aita</i> | <i>handia</i> | <i>da</i> | |
| отец /номинатив/ | высокий | связка | |

С точки зрения морфологии номинатив в баскском, как и в большинстве других языков, является морфологически наиболее простым /немаркированным/ падежом. Именно он является "словарной формой" имени и только он может служить формой названия предмета вне предложения /остенсивным определением - см. §§ 94-98/. Эргативный падеж этих свойств не имеет.

С точки зрения актуального членения типичной темой обоих предложений является слово "отец". Слово "хлеб" в I-ом примере вместе со сказуемым типично входит в рему предложения.

В западноевропейской грамматической традиции определение подлежащего опирается на два основных диагностических признака: морфологический и логический или, точнее, коммуникативный. Первый доминировал в античных и стандартных средневековых грамматиках; это положение, которое можно вкратце резюмировать так: "Подлежащее = ЧП в именительном падеже". Известно, что у Доната и Присциана при формулировании, например, правил согласования речь идет не о подлежащем и сказуемом, а о согласовании номинатива и глагола. Второй признак появляется в средние века в виде учения о suppositum /≈ тема/ и appositum /≈ рема, иногда за вычетом глагола/ и приобретает особенную популярность в новое время. Он отражается в

традиционном "наивном" универсальном определении подлежащего: "Подлежащее — это то, о чем говорится в сказуемом". Точнее было бы сказать так: "Подлежащее — это то, что в основных структурных типах предложений данного языка *caeteris paribus et excerptis excipiendis* / типично совпадает с темой предложения".

§ 25. Ясно, что в основных европейских языках применение обоих критериев дает практически один и тот же результат. Но для языков с эргативной конструкцией результаты будут разными.

Если опираться только на первый критерий /подлежащее \approx именительный падеж/, то подлежащим в I-ом примере /§ 24/ является "хлеб", а во втором "отец". Следовательно, синтаксическую структуру первого баскского предложения наиболее адекватно передает русский перевод "хлеб съеден отцом", а не "отец съел хлеб". Отсюда вывод во-первых о том, что в эргативной конструкции отсутствует прямое дополнение, а во-вторых, что эргативная конструкция является достаточно близким аналогом страдательного залога в европейских языках.

Эта точка зрения была характерна для многих из первых исследователей эргативной конструкции /Г.Шухардт, Я.Ван Гиннекен, Г.Уленбек, Н.Я.Марр, П.Услар и др./ . Ее разделяют в той или иной степени и некоторые современные исследователи /Сильницкий 1974/, включая иногда и мнение о тождественности эргативной конструкции и страдательного залога /Culicover, Wexler 1974; Зыцарь 1977/.

Основным контраргументом против такой интерпретации является то, что с точки зрения общего значения предложения наиболее адекватен все-таки русский перевод I-го баскского примера "отец съел хлеб", а не "хлеб съеден отцом". Иначе говоря, синтаксическая структура этого примера эквивалентна таковой в первом из приведенных переводов, т.е. основным критерием должен быть "подлежащее \approx тема". Тогда в обоих баскских примерах подлежащим является "отец".

Эта точка зрения в наше время разделяется большинством теоретиков /Э.Сэпир, М.Свадеш, Н.Ф.Яковлев, И.И.Мещанинов, Г.В.Церетели, А.С.Чикобава, С.Д.Кацнельсон, Дж.Гринберг, Г.А.Климов, К.Л.Пайк, В.С.Храковский и др./ и лежит в основе большинства современных практических грамматик.

§ 26. Понятно, что ввиду общей установки данной работы на минимум переинтерпретаций данных использованных грамматических описаний в настоящем исследовании должна быть принята именно вторая точка зрения.

Однако при этом необходимо помнить, что подлежащее — самостоятельное понятие, которое в грамматиках определяется по комплексу своих грамматических признаков. Наличие положительной корреляции между синтаксическим и актуальным членением еще не дает способа определить ЧП в каждом данном конкретном предложении, где подлежащее и тема могут совпадать, но могут и не совпадать. Поэтому необходимо разработать процедуру, с помощью которой для каждого конкретного языка выявлялись бы формально-грамматические признаки, обнаруживающие корреляцию с категорией темы предложения (например, для русского языка такими формальными признаками будут именительный падеж + наличие согласования с глаголом-сказуемым). При этом нужно предусмотреть единообразную процедуру исключения всевозможных *excienda*, т.е. таких структурных типов предложений, где данные формальные признаки чаще не совпадают с темой, чем совпадают (вроде русск. у него были деньги). Только в этом случае можно в конечном счете получить для каждого языка конкретное определение его ЧП, не зависящее от категорий актуального членения.

Дополнительным требованием, специфичным для данной работы, является то, что результаты, даваемые универсальным определением ЧП, должны по возможности не отличаться от трактовки, принятой в господствующей в описаниях данного языка грамматической традиции.

Существующие универсальные определения
членов предложения

§ 27. Следует прежде всего заметить, что в лингвистике существуют по крайней мере две разновидности универсальных определений. Я буду называть их конкретными и абстрактными.

Конкретное определение характеризует некоторый лингви-

ческий феномен по его наиболее явным, непосредственно наблюдаемым признакам так, что по крайней мере в большинстве случаев данный феномен можно эффективно опознать среди всех прочих. При этом, однако, указываемые конкретным определением признаки могут быть вторичными, малосущественными для понимания природы данного феномена. Несколько утрированным, но хорошо поясняющим суть дела примером конкретных определений могут быть такие определения как "Человек это двуногое без перьев", "Слово /письменной речи/ - последовательность букв, ограниченная пробелами или знаками препинания" и т.п.

Абстрактное определение обязательно указывает на существенные, конституирующие признаки определяемого феномена, но при этом данные признаки далеко не всегда могут быть эффективно использованы для выделения и опознания этого феномена в большинстве конкретных случаев. Крайним случаем абстрактного определения является нечто вроде математических "теорем о существовании" когда доказывается существование или релевантность некоторого теоретического конструкта, по удачному выражению Б.А.Успенского /1970/ "на уровне метатеории", но не дается способа идентификации сущностей, соответствующих данному конструкту в конкретных языках.

Хорошим примером абстрактного определения является работа М.И.Лекомцевой, где математически строго доказывается "...существование и единственность фонологического решения /которое к тому же должно быть полным и непротиворечивым представлением фонологической системы языка/" /Лекомцева 1974:107/. При этом, однако, признается, что "...построение конкретного алгоритма, дающего такое решение, представляет собой особую задачу" /там же: III/.

Абстрактным является и определение фонем как минимальных смыслоразличительных единиц плана выражения, из которых состоят значащие единицы. Оно вполне адекватно, универсально и содержит все существенные характеристики фонемы. Но с его помощью во многих случаях нельзя получить решения о том, является ли некоторый звуковой сегмент фонемой, частью фонемы или сочетанием фонем. С другой стороны, применяемые в

лингвистике правила сегментации и классификации звуков (наподобие известных правил Н.С.Трубецкого) позволяют решить по крайней мере часть таких вопросов, хотя они оперируют такими несущественными для понятия "фонема" признаками как длительность звучания, фонетическое сходство и различие, дистрибуция, аналогия с уже выделенными фонемными противопоставлениями и т.п. Эти правила являются, следовательно, примером конкретного определения.

Ясно, что для типологии необходимы как абстрактные, так и конкретные определения. Первые составляют ее теоретическую базу, образуя систему понятий и соответствующих метаязыковых терминов, в рамках которых строится любое описание языка вообще, конкретного языка и любое сравнение языков. Вторые необходимы для выделения и опознавания конкретных языковых феноменов, соответствующих тем или иным теоретическим конструктам, в тех случаях, когда признаки, содержащиеся в абстрактном определении, не могут быть использованы для этой цели сами по себе.

§ 28. Первое из встретившихся мне в литературе универсальных определений членов предложения принадлежит Б.А.Успенскому^I /1965: 89-92/. Следует сказать, что в цитируемой работе - это всего лишь краткое замечание о возможном способе определения ЧП без развернутых примеров и комментариев. Тем не менее, в качестве абстрактного определения оно представляет большой интерес. Вкратце, суть в том, что синтагма подлежащее - сказуемое не свертывается ни до одного из членов, в отличие, например, от синтагмы определение - определяемое. От этой последней синтагма сказуемое - дополне-

^IЗдесь, понятно, не учитываются традиционные "наивные" универсальные определения, типа приведенных в § 24, критика которых превратилась уже в общее место работ по теории лингвистики / см., например, Есперсен 1958 /1924/:164-177; Стеблин-Каменский 1957:171-188/, хотя, как уже говорилось в §§ 24-25, эти определения вовсе не бессмысленны.

ние отличается принципиальной ограниченностью возможного числа неоднородных дополнений одного глагола, в отличие от принципиально неограниченного числа неоднородных определений.

Однако попытка применить эти свойства для построения конкретного определения вряд ли может быть успешной. Основная трудность заключается в том, что в значительном числе языков синтагму сказуемое - прямое дополнение нельзя свернуть до сказуемого без нарушения правильности русский язык в этом отношении скорее исключение, чем правило. Не всегда возможно свертывание и атрибутивных синтагм, ср. пришли пять человек, шелк пекинской выделки нельзя опустить пять и пекинской - см. об этом Вольф 1977. Поэтому в таких случаях нельзя различить атрибутивные, комплетивные и предикативные синтагмы.

§ 29. Определение Ю.В.Рожественского /1969; 1974/ строится как искусственная метасистема, в которой на минимальном числе исходных элементов моделируются отношения, наблюдаемые в естественных языках дистрибутивная различенность, вариантно-инвариантные отношения, парадигматика и синтагматика. Путем последовательного снятия ограничений на порождаемые системой "тексты" моделируется развитие системы, которая в развитом состоянии дает по 5 взаиморазличенных парадигматических и синтагматических классов для краткости здесь допускаются некоторые упрощения выводов Ю.В.Рожественского. Эти классы интерпретируются соответственно как пять традиционно выделяемых частей речи и членов предложения, при этом модель обнаруживает и традиционно отмечаемые корреляции между частями речи и ЧП. Чтобы интерпретация классов

системы не была произвольной, исходным элементам приписываются элементарные значения, обычно связанные с рассматриваемыми классами / "номинация", "предикация", "акциденция"/. В результате комбинирования образуются новые более сложные значения и в конечном счете моделируемые системой классы на каждом этапе получают специфическую семантическую интерпретацию, позволяющую отождествить их с классами, выделяемыми в естественных языках.

Определение Ю.В.Рожественского разрешает важную задачу, стоящую перед всяким типологом, приступающим к формулировке универсалий в исследуемой здесь области. Эта задача — доказательство того, что применяемые в описаниях языков /и, соответственно, в формулировках универсалий/ термины лингвистического метаязыка отражают реальное устройство человеческого языка "вообще", т.е., что обозначаемые этими терминами категории в принципе могут быть выделены в любом языке, даже если в каком-то конкретном случае различия между ними являются "скрытыми" и могут быть не отмечены в том или ином грамматическом описании. Поскольку моделируемые системой отношения существуют по определению в любом языке, постольку в нем должны существовать все порождаемые этой системой классы. Из этого, в частности, следует ошибочность мнений о нерелевантности для некоторых языков различий между подлежащими и дополнением /см. §36 и цитируемую там литературу/, дополнением и обстоятельством /Savagot 1971/ и т.д.

§ 30. Из этого ясно, кроме того, что данное определение является абстрактным. Оно вполне адекватно той цели, для которой оно и было разработано, — доказательства правомерности

правомерности применения традиционной номенклатуры частей речи и членов предложения в лингвистических универсалиях, поскольку при этом вопрос о сравнимости одноименных категорий разных языков и степени единообразия использования этой номенклатуры можно, в принципе, оставить на совести автора каждой конкретной универсалии. Понятно, однако, что для данной работы, основной задачей которой является не теоретическое обобщение данных уже сформулированных универсалий, а сравнение грамматических описаний с целью обнаружения новых универсалий, этот вопрос является не менее важным, чем вопрос о применяемом метаязыке.

Определение Ю.В.Рожественского, будучи абстрактным определением, не дает способа решить, какой из именных членов является подлежащим в эргативной конструкции /см. §§ 24-25/, что является подлежащим в русском предложении у него есть деньги, верно ли что в русских предложениях мне страшно и ответа не пришло нет подлежащего, по каким признакам можно различить переходные и непереходные глаголы, прямые и косвенные дополнения и т.п. в каждом конкретном языке. Между тем при некоторых из предлагавшихся в литературе решений таких вопросов значительная часть существующих в настоящее время (в том числе и сформулированных в данной работе) универсалий становится неверной или обесмысливается. Так будет, например, если принять первую из рассмотренных в § 24 концепций эргативной конструкции. Между тем, обе эти концепции не противоречат определению Ю.В.Рожественского, поскольку номенклатура обеих различает подлежащее и дополнение.

Из этого следует необходимость дополнить определение Ю.В.Рожественского конкретным определением, которое было бы способно по крайней мере указать способ проверки едино-

пообразия тех оснований, по которым данный грамматический феномен назван данным термином в данном описании. Ясно, что если эти основания неодинаковы, то соответствующие феномены не могут быть сравнимыми и никакие обобщения в таком случае не имеют силы.

§ 31. В последнее десятилетие в лингвистической литературе развернулась оживленная дискуссия по вопросам, связанным с типологией выражения субъектно-объектных отношений. Одно из направлений этой дискуссии занималось, в частности, вопросом о релевантности категории "подлежащее" для языков различных типов и проблемой универсального определения этой категории (Hale 1970; Keenan, Comrie 1972; Keenan 1976; Anderson 1976; Schachter 1976; Schwarz 1976; Van Valin 1977; Кибрик 1977; Кепинг 1977; Недалков 1977; Comrie 1978; Van Valin, Foley 1979; Dixon 1979; Кибрик 1979 и др.). В ходе этой дискуссии выяснилось, что подлежащее в разных языках (традиционно выделяемое по морфологическим признакам) обладает целым рядом особых свойств неморфологического характера (подлежащее, кореферентное подлежащему другого предложения, может быть опущено при сочинении этих предложений (см. §§ 70-74), оно ведет себя особым, отличным от других ЧП, образом в процессах образования зависимых оборотов, инфинитивных конструкций, императивов, определительных придаточных и т.д.). Был сделан вывод о том, что именно эти свойства являются конституирующими для категории "подлежащего" и именно они могут быть использованы для универсального определения этой категории.

§ 32 На этой основе Э.Киненом /Keenan 1976/ было предложено универсальное конкретное определение подлежащего. В каж-

дом языке выделяется подкласс эталонных <"базисных"> предложений, являющихся структурно наиболее простыми для данного языка. Далее выделяется в этих предложениях тот актанта, который обладает максимумом универсальных диагностических "подлежащих" свойств. Э.Кинен перечисляет около 40 таких свойств, среди которых ведущую роль играют синтаксические свойства актанта. Этот актанта объявляется подлежащим. Подлежащим в неэталонных предложениях является тот их член, который обнаруживает максимум общих свойств < в том числе и свойств специфичных для данного языка и не обязательно входящих в универсальный перечень > с подлежащим эталонных предложений.

§ 33. При применении процедур такого типа к материалу разных языков выяснилось следующее:

1. В подавляющем большинстве языков, как эргативных, так и неэргативных, синтаксические свойства отождествляют актанта переходного и непереходного глаголов точно так же, как это делает вторая концепция эргативной конструкции /§§ 24-25/, т.е. соотношение между семантическими ролями и членами предложения примерно одно и то же в эргативных и неэргативных языках. Такие языки были названы "синтаксически аккузативными".
2. Крайне редко, однако, встречаются языки, где соотношение семантических ролей и ЧП такое, как в конструкции страдательного залога европейских языков, т.е. соответствующее первой концепции эргативной конструкции /§§ 24-25/. К такому типу причисляют язык дирбал^I. Такие языки были названы "синтаксически эргативными".
3. Существуют, также, языки, в которых диагностические синтаксические свойства либо нерелевантны, либо полностью предсказываются семантической ролью ак-

^IВ данной работе сделана попытка показать, что этот вывод неверен, по крайней мере в отношении языка дирбал /§§ 72-74/

ганта /*Van Valin* 1977 ; Кибрик 1979/, либо, наконец, распределяются примерно поровну между двумя агентами одного и того же предложения /*Schachter* 1976/. Такие языки называли "синтаксически нейтральными".

Из самого факта существования синтаксически нейтральных языков делается вывод, что к таким языкам понятие подлежащего /и, повидимому, вообще синтаксической структуры и членов предложения/ неприменимо или, по крайней мере, что оно для них избыточно /*Van Valin* 1977 ; *Comrie* 1978:350 ; *Van Valin, Foley* 1979 ; Кибрик 1979/.

Однако это не единственный возможный вывод. Альтернативным выводом может быть заключение о том, что в определении Э.Кинена и сходных процедурах, используемых другими авторами, неверно подобраны диагностические признаки и неудачен метод отбора эталонных предложений.

§ 34. Так, например, в русском языке целый ряд диагностических "подлежащих" свойств может относиться не только к тому, что в русской грамматической традиции считается подлежащим, но и к другим, часто тематизируемым членам. Правила образования зависимых /деепричастных/ оборотов, референтной соотнесенности "скрытого" подлежащего инфинитивных конструкций, рефлексивизации /употребления свой и себя/ очень часто ориентированы, помимо подлежащего, на тему предложения. Ср. Ему нужно написать письмо /где ему и "скрытое" подлежащее глагола написать обычно кореферентны, в отличие от Нужно написать ему письмо/ ; зная ответ, ему будет легко решить задачу, в отличие от зная ответ, будет легко решить ему задачу /ср. референтную соотнесенность "скрытого" подлежащего глаголов

знать и решить^I. При этом другие "подлежащие" свойства не распространяются на тему, в частности правила опущения кореферентных актантов при сочинении сказуемых, ср.: Я замерз и /я/ надел пальто и Мне стало холодно и /я/ надел пальто. Неправильность или, по крайней мере, стилистическая неряшливость опущения /я/ во втором примере вызвана различием синтаксического статуса кореферентных актантов.

Из этого видно, что если взять в качестве диагностических правила опущения кореферентных актантов при сочинении, то определение подлежащего для русского языка в основных чертах совпадет с традиционным ЧП в именительном падеже, согласующийся со сказуемым⁷. Добавление правил образования деепричастных оборотов заставит признать возможным для подлежащего и дательный падеж; еще более широкое определение подлежащего дадут правила рефлексивизации и образования инфинитивных конструкций и т.д. /ср. *Timberlake* 1976/. В других языках соотношение объемов категории "подлежащее", определенной по разным синтаксическим свойствам, может быть иным, но также различным для разных свойств. Ср. северные русские говоры, где правила опущения кореферентных актантов гораздо свободнее: у его выбежано на берег, да напился воды, да в лес *Timberlake* 1976/.

^I Условия распространения "подлежащих" синтаксических свойств в русском языке на второстепенные члены во многом не ясны, в частности нормы употребления деепричастных оборотов допускают, видимо, ряд промежуточных случаев. Ср. совершенно нормальные приехав, вам следует получить багаж; не просидев и пяти минут, мне тут же захотелось уйти; более или менее сомнительные: вспоминая об этом, ей становилось неловко; путешествуя пешком, у вас будет возможность лучше узнать страну и явно аномальные: *жирнув в воду, ему стало холодно; *подъезжая к станции, у меня слетела шляпа.

Из этого видно, что неудачи при применении определения Э.Кинена к материалу отдельных языков в значительной степени объясняются тем, что это определение учитывает слишком много гетерогенных диагностических признаков, подавляющее большинство которых неуниверсально.

§ 35. Однако наиболее серьезным недостатком рассматриваемого определения является то, что оно не гарантирует сравнимости определяемых категорий в разных языках. Действительно, если в двух языках подлежащее определено по признакам Э.Кинена, но в каждом случае релевантными оказались не вполне совпадающие наборы признаков из предложенного Э.Киненом списка, то сравнимость подлежащих двух языков возбуждает сомнения, тем большие, чем больше различий между признаками, релевантными для определения данной категории в сравниваемых языках.

Не вполне корректной представляется и процедура выделения эталонных предложений. Критерий структурной простоты, используемый Э.Киненом, по существу основывается исключительно на интуиции исследователя. При этом делается ряд априорных допущений, например, о том, что конструкции страдательного залога всегда и во всех языках структурно сложнее соответствующих конструкций действительного залога (ср. контраргументы в Оглоблин 1978) и поэтому не должны включаться в число эталонных.

§ 36. Из сказанного следует, видимо, то, что традиционный способ определения подлежащего для каждого конкретного языка по его грамматическому оформлению (т.е., несколько упрощая, по его морфологическим признакам и позиции в предложении) более надежен и однозначен, чем определение по чисто синтаксическим свойствам (которые могут распространяться и на второстепенные члены).

Существует, однако, мнение, что в тех языках, где грамма-

тическое оформление (и синтаксические свойства) полностью зависят от семантической роли актанта, нет нужды в понятии "подлежащее" /Van Valin 1977; Van Valin, Foley 1979; Кибрик 1979/.

Так, например, в концепции Р. Ван Валина ряд элементарных семантических ролей объединяются в "гиперроль" (термин А.Е.Кибрика) Актор (по репертуару объединяемых ролей фактически соответствует "глубинному подлежащему" в "стандартной теории" Н.Хомского), т.е. эту роль имеют первые члены таких предложений как: Маша больна, Маша бежит, Маша разбила стакан, Машей разбит стакан, стакан разбился.

Понятие подлежащего нужно только в языках, где есть противопоставление действительного и страдательного залога, чтобы объяснить различие синтаксических свойств Акторов в этих залогах (Маша/Машей). Если страдательного залога нет, то обращение к синтаксическому уровню для формулировки грамматических правил избыточно, поскольку эти правила можно приписать непосредственно уровню семантических ролей (Актор/не-Актор)¹

§ 37. Даже не ссылаясь на имеющиеся в литературе доказательства универсальной релевантности синтаксического уровня (см. §§ 29-30) можно указать на некоторые трудности, связанные с этой концепцией.

Легко видеть, что в "беззалоговых" языках понятия "Актор" (в концепции Р. Ван Валина и У.Фолли) и "подлежащее" (в традиционной концепции) функционально равносильны.

Если бы было выдвинуто требование полного сходства синтаксических свойств подлежащего во всех языках, то тогда, конечно, нельзя терминологически отождествлять "подлежащее" в "беззалоговых" языках и в языках, различающих залого. Но такого сходства нет даже между языками, где данная концепция признает синтаксический уровень вполне релевантным. В то же время некоторые сходства имеются во всех языках (см. универсалии 1-8,

¹ А.Е.Кибрик /1979/ учитывает, кроме синтаксических свойств, морфологическое оформление актантов и вводит еще одну гиперроль фактитив (для эргативных языков). См. также §§ 58-59.

§ 44/. Терминологическое отождествление в традиционной концепции проводится именно в силу этих сходств.

В то же время процедура объединения элементарных ролей в гиперроли вызывает некоторые сомнения. Трудно, например, согласиться с тем, что в предложениях Мама разбила стакан и стакан разбился первые члены с очень разными элементарными семантическими ролями объединяются в одну гиперроль Актор, а слово стакан, имеющее в обоих случаях очень сходные семантические роли, разносится по разным гиперролям.

Неясно, также, как быть с теми "беззалоговыми" языками, где все же есть отдельные случаи элементарных синтаксических преобразований, сохраняющих семантические роли, но изменяющих свойства и оформление актантов. Ср. в русских непереходных сказуемых: пруд кипит рыбой - рыба кипит в пруду; в комнате полно народу - комната полна народом, я хочу - мне хочется и, быть может, даже: X слева от Y-а - Y справа от X-а и т.п. В этих случаях правила перехода от семантической роли к грамматическому оформлению (или от элементарной роли к гиперроли) становятся неоднозначными, поэтому сведения о синтаксическом поведении данных сказуемых все равно необходимы, а описание через семантические гиперроли не дает никакой экономии.

Таким образом, даже если допустить, что существуют языки, где между уровнем семантических ролей и синтаксическим уровнем существует абсолютно строгое взаимно-однозначное соответствие, это отнюдь не значит, что понятие "подлежащее" к ним неприменимо. Его, в принципе, можно не использовать при наиболее экономном описании данного языка, но при типологических сравнениях подобные языки можно рассматривать просто как частный "предельный" случай полного совпадения синтактики и семантики.¹

§ 38. Исходя из презумпции адекватности используемых грамматических описаний, для построения универсального конкретного определения членов предложения необходимо, очевидно, обнаружить те критерии, которые используются авторами грамматик, составленных в рамках господствующей традиции, при идентификации этих членов в конкретных языках (критерии имплицитные или эксплицитные). Для этого бесполезно проанализировать общую стратегию термино-

¹ Если вслед за А.Е.Кириком /1979/, но в отличие от Р.Ван Валина /1977:125-133/, считать, что в эргативных языках профилирующей гиперролью является фактитив, а не Актор, то этого совпадения (с традиционно понимаемым "подлежащим") не будет, но "правила пересчета" все равно будут достаточно простыми.

логического отождествления категорий разных языков. Почему, например, некоторый согласовательный класс называется "женским родом" в русском, арабском, тиви, тонкава и многих других языках, несмотря на то, что формы выражения данной категории материально различны, а произвольно взятое имя женского рода одного языка совсем не обязательно будет принадлежать к тому же роду в другом языке?

§ 39. Подлинно универсальным определением "женского рода" может быть только понятийное (например: "слово женского рода обозначает существо женского пола"). Но тогда вряд ли найдется хотя бы один язык, в котором такое определение оказалось бы адекватным. Наиболее адекватными для каждого конкретного языка являются чисто формальные определения (например: "Слово женского рода — слово заменяемое местоимением она"). Действительно, русские стул и скамья различаются чем угодно, но только не полом. Но тогда, если быть последовательным, необходимо признать, что совпадение названий согласовательных классов разных языков является чисто случайным или произвольным.

Тем не менее, по остроумному замечанию Дж. Гринберга, если формальным определением такие слова, как мальчик, камень, нос будут в некотором языке признаны глаголами, а слова есть, пить, давать — существительными, то такое определение будет тотчас же отвергнуто /Гринберг 1970 (1961): 115-116/. Точно так же, описание русского языка, в котором род слов типа скамья был бы назван "мужским", выглядело бы, мягко говоря, несколько необычно.

Похоже, все-таки, что грамматисты при терминологическом отождествлении формально определенных категорий разных языков опираются на какие-то объективные критерии, которые могут быть только семантическими. А из этого следует, что даже самые "формальные" грамматические категории имеют какую-то понятийную

мотивацию /ср. Гринберг *loc. cit.*; Hjelmstedt 1928; Лайонз 1978 /1972/: 300-305, 336-339/.

§ 40. Но тогда возникает вопрос, как согласовать это с тем очевидным фактом, что нет никаких понятийных оснований для того, чтобы усматривать в понятии скамья нечто женское, а в понятии стул - нечто мужское. Выход из этой антиномии лежит, как кажется, в признании у каждой грамматической категории центральных и периферийных кругов /Ю.С. Степанов 1975: 144-150; я далее для краткости буду говорить о ядре и периферии/

Ядро категории - это такая подсистема, где наблюдается четкая статистическая корреляция между формальными и некоторыми понятийными признаками. На периферии категории, по мере удаления от ядра, корреляция эта становится все менее отчетливой. Формальные признаки при этом полностью сохраняются, но их понятийные корреляты начинают заменяться другими, могут перепутываться самым причудливым образом или вообще исчезать.

Ядро категории может быть выделено в каждом языке по одним и тем же понятийным признакам. Так, ядром категорий женского и мужского рода в любом языке является подсистема названий людей /термины родства и традиционная социально-возрастная номенклатура/ соответственно женского и мужского пола. Для среднего рода ядром будет подсистема названий заведомо бесполой предметов и абстрактных понятий. В русском и латинском будут обнаружены формальные корреляты для всех трех подсистем /например, местоимения он, она, оно/ . Во французском или тиви формальные корреляты найдутся только для первых двух подсистем, и следовательно там нет среднего рода. После нахождения формальных коррелятов понятийных призна-

наков соответствующим категориям может быть дано чисто формальное определение, специфичное для данного конкретного языка. Сравнимость одноименных категорий в разных языках обеспечивается наличием в каждом языке одной и той же статистической корреляции между формальными и понятийными признаками в одинаково выделенном ядре категории. Тактика грамматиста примерно такова:

1. Выделить ядерные подсистемы .

2. Отыскать в них формальные признаки, наилучшим образом коррелирующие с заданными понятийными различиями.

3. Присвоить формальным классам (если таковые обнаруживаются) названия, соответствующие их понятийной мотивации.

4. Объявить эти названия справедливыми для каждого случая присутствия выделенных формальных признаков, независимо от наличия и характера их понятийных коррелятов.

§ 41. На периферии категории по мере удаления от ядра все чаще можно наблюдать метафорический перенос на выделенные формальные признаки совершенно других значений, категория может "догружаться" дополнительными функциями и, наконец, полностью десемантизироваться.

Так, в индоевропейских и семитских языках наблюдается определенная тенденция соотносить названия больших и/или социально важных объектов скорее с мужским, чем с женским родом, а в языке тиви (Австралия) — наоборот. Названия половых органов в русском (и, — при персонификациях, в английском) имеют род, соответствующий полу обладателя, а в тиви и испанском — противоположный полу обладателя. Степень корреляции формальных и понятийных признаков на периферии категории в одних языках выше, чем в других (ср. русский, где названия бесполой объектов довольно часто относятся к

мужскому или женскому родам, и английский, где, за редкими исключениями типа *ship* или *Pakistan*, все они - среднего рода. Практика грамматических описаний, несмотря на эти различия, терминологически отождествляет категории разных языков, и происходит это именно потому, что в ядре категории статистическая корреляция между специфическими для каждого языка формальными и универсальными понятийными признаками одна и та же для любого языка. Противопоставление стул/скамья идентифицируется как противопоставление мужского/женского родов не по семантическим критериям, а просто потому, что для этих слов характерны те же формальные свойства, что и для "ядерных" слов типа муж/жена.

§ 42. Из этого видно, что для построения универсального конкретного определения членов предложения необходимо найти универсальную процедуру выделения ядерных подсистем и некоторый, единый для каждого из этих ЧП и притом единственный понятийный признак, для которого будет определяться корреляция с формальными признаками. Очевидно, что для этого необходимо проанализировать практику формального определения ЧП в господствующей грамматической традиции.

Начнем с формальных признаков. Наиболее четкими и однозначными из таких признаков являются непосредственно наблюдаемые изменения форм слова (аффиксация, флексия корня, изменения тона или ударения) и наличие при нем разнообразных служебных и полуслужебных слов (предлоги, послелоги и т.п.). Такие признаки (назовем их грамматическим оформлением) будут считаться формальными признаками *par excellence*.

В тех случаях, когда грамматическое оформление само по себе не дает однозначного решения, для идентификации ЧП

можно применять дополнительные признаки, в первую очередь грамматическое оформление сказуемого предложения, т.е. характер его согласования (если таковое имеется) с тем или иным актантом. Кроме того, в качестве дополнительных формальных признаков в случаях, когда грамматического оформления актантов и согласования недостаточно, можно использовать порядок слов и синтаксические свойства актантов /см. §34/.

Из сравнения грамматических описаний видно, что формальные признаки одного и того же члена предложения могут изменяться в одном и том же языке. Такие изменения наблюдаются в следующих случаях:

1. При изменении видо-временной или модальной формы глагола, например русск. я пью водку - я не пью водки.
2. При изменении лексико-грамматического подкласса глагола: изменение оформления подлежащего при переходных и переходных глаголах в эргативных языках и такие же изменения при глаголах действия и состояния в активных языках (сходные изменения при аффиктивных глаголах здесь не учитываются).
3. При изменении лексико-грамматического подкласса слова, которым выражен соответствующий член предложения.

Третий случай - самый простой, так как подобные изменения в грамматиках рассматриваются, как правило, в качестве алло-вариантов одного грамматического оформления. Первый и второй случаи так обычно не рассматриваются, поэтому определение должно рассматривать каждую из основных видо-временных и модальных форм и каждый лексико-грамматический подкласс глаголов отдельно, чтобы для каждого случая выделить адекватные формальные признаки членов предложения. Следовательно, необходимы правила выделения не одной, а нескольких "ядерных" подсистем, на которых эти члены будут опознаваться.

§ 43. Мнение о том, что подлежащее (грамматический субъ-

ект и тема (логический субъект) в наиболее фундаментальных и частотных структурных типах предложений данного языка чаще совпадают, чем не совпадают, неоднократно высказывалась в работах по общему языкознанию (см., например, Halliday 1967-68; Панфилов 1971:169-170; Чейф 1975 /1971/:241-254; Кацнельсон 1972:194). "Подлежащее это главным образом грамматикализованная тема" /Li, Thompson 1976:484/. Естественно, что главным признаком подлежащего при его определении может быть признана положительная корреляция между ним и темой в подсистемах "ядерных" предложений. С другой стороны, подлежащие при разных лексико-грамматических подклассах глаголов можно различить по дополнительному признаку семантической роли этих подлежащих в "ядерных" типах предложений. Так, подлежащее переходного глагола как действительного, так и страдательного залога обнаруживает положительную корреляцию с темой, но эти две категориальные формы единой категории подлежащего различаются по своей семантической роли (опять-таки в "ядерных" типах предложений). Дополнения отличаются от подлежащих тем, что реже, чем последние, совпадают с темой, а различные разновидности дополнений отличаются по своим типичным семантическим ролям. Так, семантическая роль "объект, который создается или уничтожается в результате обозначаемого глаголом действия (печь хлеб, разбить стакан и т.п.)" достаточно типична для прямого дополнения, но нетипична ни для одного из косвенных дополнений.

Таким образом, процедура выделения "ядерных" типов предложений должна быть разработана так, чтобы в число ядерных включались только те типы, где указанные корреляции семантических ролей с коммуникативным статусом наиболее четкие. Эта задача облегчается тем, что совпадение или несовпадение те-

мы /т.е. определенного коммуникативного статуса/ и подлежащего /т.е. определенного грамматического оформления/ во многом зависит от семантического подкласса глагола /см. Яхонтов 1978/. В то же время от семантики глагола зависят и семантические роли его актантов. Это означает, что проанализировав употребление терминов в грамматических описаниях, выполненных в рамках господствующей грамматической традиции, можно обнаружить те семантические подклассы глаголов, при которых определенные сочетания семантической роли и коммуникативного статуса актантов наиболее однозначно коррелируют с их обозначениями как тех или иных членов предложения.

§ 44. Такие корреляции представлены ниже в универсалиях I-8. Следует отметить, что эти "универсалии" /за возможным исключением ун-ии 8/ являются обобщениями несколько иного плана, чем все остальные, поскольку они описывают не сходства и закономерности в структурах самих языков, а сходства в терминопотреблении их грамматических описаний /а это, строго говоря, не одно и то же/. В контексте данной работы эти "универсалии" следует рассматривать скорее как набор постулатов, на основе которых строится предлагаемое в ней универсальное определение членов предложения.

Ун-ия 1. Все или подавляющее большинство глаголов некоторого языка с общим значением "создавать" или "уничтожать" по своим формально-грамматическим свойствам являются переходными глаголами.

Ун-ия 2. Если в языке нет залоговых противопоставлений, то его грамматическое описание признает подлежащим предложений с такими глаголами имя, имеющее семантическую роль Агенса /того, кто создает или уничтожает/, а прямым дополнением - имя с семантической ролью Пациенса /того, что создается или уничтожается/.

Ун-ия 3. Если в языке есть противопоставление действительного и страдательного залогов, то в страдательном залоге подлежащим считается имя Пациенса при тех же глаголах; синтаксическое членение действительного залога аналогично описанному в ун-ии 2.

Ун-ия 4. При наличии в языке противопоставления непереходных глаголов действия и непереходных глаголов состояния все или подавляющее большинство глаголов со значением "передвигаться тем или иным способом" по своим формально-грамматическим свойствам относятся к глаголам действия.

Ун-ия 5. Подлежащим предложений с этими глаголами в большинстве случаев является имя с семантической ролью Перегринатора /того, кто передвигается/.

Ун-ия 6. Подлежащим предложений со значением "некоторый объект принадлежит к некоторому множеству объектов" /типа Сократ - грек/ в большинстве случаев является имя объекта, включаемого во множество.

Ун-ия 7. Не существует отличий в грамматическом оформлении подлежащих предложений типа, указанного в ун-ии 6, и подлежащих при глаголах, которые в данном языке по своей семантике и/или грамматическим свойствам относятся к непереходным глаголам состояния.

Ун-ия 8. Во всех типах предложений, перечисленных в ун-иях 1-7, если их актуальное членение не предсказывается однозначно из контекста и в них отсутствуют средства, указывающие на эмфатически-экспрессивное подчеркивание отдельных актантов, тема предложения существенно чаще совпадает с его подлежащим, чем с любым другим членом предложения.

Нелишне отметить, что в лингвистической литературе уже высказывались положения, содержательно близкие к некоторым из вышеприведенных обобщений. См., в частности, /Comrie 1978/ к ун-ии 2, /Кашнельсон 1972/ к ун-ии 4, литературу, указанную в § 43, - к ун-ии 8.

Собственно говоря, из этих обобщений читатель может получить вполне адекватное представление о принципах и характере возможного универсального определения членов предложения на их основе, поэтому чтение §§ 46-56 можно рекомендовать лишь тем, кого интересуют способы преодоления трудностей чисто технического характера. Предлагаемому определению придан операциональный вид, т.е. это система предписаний по анализу текстов на исследуемом языке, в результате которого лингвист получает набор эталонных предложений с задаваемым по опреде-

делению взаимно-однозначным соотношением семантического, актуального и синтаксического членений. На этих предложениях определяются свойственные интересующим исследователя категориям формальные признаки, специфичные для данного языка. По этим признакам эти категории могут быть опознаны затем в любых других предложениях, независимо от их конкретной семантики, семантических ролей актантов и актуального членения.

Процедура определения подлежащего переходного глагола действительного залога /Ш/, подлежащего переходного глагола страдательного залога /Псз/, прямого дополнения переходного глагола действительного залога /Дп/, косвенного агентивного дополнения при глаголе страдательного залога /Дкаг/, подлежащего непереходного глагола действия /Пнд/, подлежащего непереходного глагола состояния /Пнс/ и соответствующих лексико-грамматических подклассов глаголов

Предварительные допущения

§ 45. Вряд ли необходимо подробно перечислять, что должен уметь делать лингвист, прежде чем приступить к определению: это будет ясно из самого его изложения. Понятно, что морфология данного языка уже считается известной во всех тех ее частях, которые для своего построения не требуют сведений об определяемых синтаксических категориях. Поскольку основными критериями в данном определении являются семантические, лингвист должен досконально знать план содержания исследуемых текстов. В качестве исходного материала следует подбирать связные, повествовательные монологические тексты (предпочтительно тексты прозаических фольклорных жанров).

§ 46. Актуальное членение. Одной из задач исследователя является определение актуального членения предложений изучаемых текстов на предмет вхождения или невхождения того или иного актанта в тему предложения. В связи с этим необходимо уточнить, что именно может пониматься под темой. Ниже я перечислю некоторые противопоставления актуального членения, приведенные в обзоре У.Чейфа /Chafe 1976/. Это противопоставления данное - новое (то, что предполагается известным или неизвестным слушающему), а также определенное - неопределенное, неконтрастное - контрастное (предполагающее или нет выбор из класса возможных означаемых или означающих, связанных парадигматическими отношениями; ср. также /Вардуть 1967/), эмпатическое - неэмпатическое (то, с чьей или какой точки зрения говорящий представляет ситуацию, ср.: X слева от Y и Y справа от X; см. также Кипо 1976); § близким значением применяются также термины фокус и точка зрения.

К этому можно добавить издавна известное в лингвистике противопоставление логический субъект - логический предикат, (см., например, /Кокорина 1979/), референтное - нереферентное /Арутюнова 1976/, гомореферентное - гетерореферентное (что-либо кореферентное или нет какому-либо предшествующему сегменту того же самого текста, см. /Козинский 1977/) и некоторые другие противопоставления.

Существенно однако, что понятия тема и рема в определениях различных авторов оказываются очень близкими то к одному, то к другому из вышеперечисленных противопоставлений. Подобной многозначности можно избежать, если просто понимать под темой общий термин для левых членов данных оппозиций, а под ремой - общий термин для их правых членов.

Допустимость такого понимания вполне подтверждается тем известным фактом, что если некоторый актант является данным, то с вероятностью, существенно большей, чем случайная, он может оказаться определенным, неконтрастным, эмпатическим, логическим субъектом, референтным и гомореферентным. Это значит, что для определения актуального членения предложений можно воспользоваться любым из этих противопоставлений, привлекая также и другие в случаях неясности. При этом, однако, могут быть случаи противоречивых решений.

Поэтому предлагается использовать только одно противопоставление, которое хотя и не исчерпывает актуального членения, но зато является достаточно четким и однозначным, - членения имен в тексте на гомо- и гетерореферентные.

При этом темой предлагается считать (условно) всякое имя, референт которого уже упоминался в этом же тексте (гомореферентное), а ремой - всякое имя, референт которого в данном тексте упоминается впервые. (гетерореферентное).

Нужно подчеркнуть, что окончательные результаты, даваемые определением, будут, вероятно, точно такими же, если выбрать любое другое из упомянутых противопоставлений.

Следует заметить, что противопоставление по эмфазе является совершенно особым противопоставлением, способным накладываться на прочие, искажая первоначальную картину. Поэтому предложения с эмфазой при определении лучше вообще отбрасывать.

Мнение о тесной положительной корреляции между актуальным и синтаксическим членением подтверждается статистическими подсчетами: тема чаще совпадает с подлежащим, прямое дополнение и косвенное агентивное дополнение в страдательном залоге чаще входят в ремю или же отсутствуют. Так, по подсчетам Н.А.Козинцевой /1978/, для армянских текстов наблюдается следующая картина:

	Тема	Рема
подлежащее (Агенс) при глаголе действительного залога	93,2%	5,3%
подлежащее (Пациенс) при глаголе страдательного залога	65,8%	23,4%
прямое дополнение (Пациенс) в действительном залоге	6,1%	51,0%
косвенное агентивное дополнение (Агенс) в страдательном залоге	6,6%	81,8%

Корреляции эти настолько очевидны, что вряд ли нуждаются в комментариях. Они "...полностью подтверждают известные закономерности коммуникативной структуры предложений/.../, всегда так или иначе отмечаемые в грамматиках разных языков" /Козинцева 1978:147/. Замечу только, что Н.А.Козинцева использует также понятие "переход" (нечто, не являющееся ни темой, ни ремой), отчего суммы в таблице не равны 100%.

Автор настоящей работы провел сходные подсчеты для русских текстов. Объем текстов был очень невелик, поэтому, разумеется, в отличие от подсчетов Н.А.Козинцевой, приводимые цифры не могут претендовать на какую-либо статистическую значимость. Тем не менее, примечательно, что результаты для такого языка со свободным порядком слов, как русский, причем даже для стихотворного текста, получились очень похожими.

Рассматривалось только противопоставление гомореферентное (уже упоминавшееся в тексте) - гетерореферентное (упомянутое впервые). Цифры обозначают число совпадений.

<u>Действительный залог</u> (первые 32 стиха сказки А.С.Пушкина "Царь Никита и сорок его дочерей")	гомореферентное (тема)	гетерореферентное (рема)
подлежащее переходного глагола	22	2
подлежащее непереходного глагола	26	12
прямое дополнение	13	26
<u>Страдательный залог</u> (А.С.Пушкин "Царь Никита..." (полностью), "К Овидию", "Второе послание цензору")		
подлежащее	10	3
косвенное агентивное дополнение	1	3 (в 9 предложениях отсутствует)
А.Ф.Кони "Речь на процессе Веры Засулич (собр. соч. в 8 тт., т.2. М., 1966, стр. 157-168)		
подлежащее	37	13
косвенное агентивное дополнение	3	6 (в 41 предложении отсутствует)

§ 47. Презумпция несоответствия. При определении соответствия предложений текста заданной семантике и заданному актуальному членению может встретиться ряд более или менее неоднозначных или неясных случаев. Так как данное определение основывается на семантике и предполагает, что все процедуры проводит человек, а не автомат, приходится считаться с возможностью искажений, вносимых субъективным фактором. Для минимизации влияния субъективного фактора в данное определение "встроено" два основных фильтра. Один из них — это статистика, т.е. предпочтение более частотных альтернатив. Другой, — заимствованный из юриспруденции, — я позволю себе назвать презумпцией несоответствия. Она заключается в том, что при определении соответствия языковых фактов заданному эталону соответствующими эталону считаются те и только те факты, относительно которых не возникает никаких сомнений. В противном случае считается, что соответствие не имеет места и, например, некоторое предложение, относительно которого возникли более или менее обоснованные сомнения, должно быть отброшено.

Потенциальная бесконечность привлекаемого к анализу текста обеспечивает возможность отвергать сколько угодно предложений по самым вздорным причинам, поскольку в конечном счете лингвист всегда сможет набрать достаточно большой корпус эталонных предложений, во всех отношениях приемлемых с точки зрения заданной семантики и актуального членения.

Подобно тому как презумпция невиновности и принцип толкования сомнений в пользу обвиняемого основываются на убеждении, что осуждение невинного — большее зло, чем оправдание виновного, презумпция несоответствия основана на убеждении, что лучше зря отбросить множество вполне подходящих предложений, чем включить в число эталонных хотя бы одно неподходящее.

§ 48. Предложения, отбираемые для данного определения из текстов, должны описывать заранее заданные абстрактные ситуации. Эти предложения состоят из сказуемого и некоторого числа именных (местоименных) актантов^I. В зависимости от характера участия участников абстрактных ситуаций в этих ситуациях им приписываются определенная семантическая роль (Агенс, Пациенс, Перегринатор, Дескрипт — см. ниже), характеризующая соответствующие актанты в плане содержания. В плане выражения эти актанты, а также сказуемое, характеризуются грамматическим оформлением /ГО/, т.е. всеми теми служебными

^IОтмечу, что актантом считается любой именной член с относящимися к нему служебными элементами. Различение актантов и сирконстантов для данного определения излишне.

и полуслужебными (аналитическими и синтетическими, обязательными и факультативными) морфемами и словами, которые относятся к данному имени (или глаголу-сказуемому). Совокупность грамматических оформлений всех интересующих исследователя актантов при данном ГО сказуемого называется моделью управления (МУ) данного сказуемого (и, в частности, данной формы глагола, если сказуемое глагольное). В понятие "модель управления" может входить и характер согласования сказуемого с актантами, но только в тех случаях, когда грамматического оформления недостаточно для однозначного различения актантов.

§ 49. Определение проводится отдельно для каждой из глобальных форм данного языка, отличающейся своим аспектуальным, темпоральным и/или модальным значением (предполагается, что эти формы уже различены в морфологическом описании языка). Однако полная процедура определения проводится только для основных аспектуально-темпорально-модальных форм (далее АТМ-форм). После того, как члены предложения идентифицированы для основных АТМ-форм, соответствующие члены при маргинальных АТМ-формах определяются, как и вообще члены всех типов предложений, оставшихся "за бортом" данного определения, по сходству ГО их актантов (независимо от их семантических ролей и актуального членения) с оформлением соответствующих актантов при основных АТМ-формах в предложениях, признанных данным определением эталонными.

Для того, чтобы считать некоторую АТМ-форму маргинальной должны выполняться три обязательных условия:

1. Эта форма должна быть в текстах рекомендуемого жанра сравнительно редкой и малоупотребительной
2. Модель управления данной формы должна отличаться от МУ наиболее частотных и контекстно-независимых АТМ-форм данного языка.

3. Круг значений этой формы должен в значительной степени перекрываться значениями основных (более употребительных) АТМ-форм данного языка.

Обычно такие формы имеют также разнообразные ограничения на употребление: парадигматические (например, - только при некоторых глаголах или лексико-грамматических подклассах актантов), синтагматические (например, - только в придаточных предложениях) или стилистико-ситуационные (только в ситуации переспроса, только в разговорно-фамильярном стиле и т.п.).

Начинать определение удобнее всего с той из основных АТМ-форм, которая имеет наибольшую частотность в текстах избранного жанра. Видимо, для большинства языков это будет утвердительная форма индикатива, в число значений которой входит обозначение действия в прошлом, рассматриваемого как фактически имевшее место в реальной или воображаемой действительности, описываемой в тексте (обычно - времена типа аориста, перфекта, имперфекта).

Выделение эталонных предложений с семантически переходными глаголами (ЭП-I)

§ 50. В тексте отмечаются все предложения, значения которых соответствуют описанию следующей абстрактной ситуации:

Некоторое лицо, животное, стихийная сила или персонафицированный предмет (Агенс) без постороннего понуждения совершает действие, в результате которого начинает существовать (создается) или прекращает свое существование (уничтожается) некоторое другое существо или предмет (Пациенс).

В этих предложениях Агенс и Пациенс должны быть выражены самостоятельными именами или местоимениями. Действие, в результате которого Пациенс создается (уничтожается) Агенсом, должно быть выражено глаголом, который и является сказуемым данного предложения (рождать, убивать, варить, жечь, строить,

разрушать, ломать и т.п.?). Естественно, что отмечаются только случаи типа варить кашу, рыть яму; случаи вроде варить картошку, рыть землю, ломать комедию отбрасываются.

Примеры предложений с требуемой семантикой для русского языка:

- | | |
|---|--|
| 1а. Рабочие построили дом | с каждым из реально
встретившихся
словопорядком и
актуальным
членением |
| 1б. Дом построен рабочими | |
| 2а. Молния сожгла дерево | |
| 2б. Дерево сожжено молнией | |
| 2в. Дерево сожгло молнией | |
| 2г. Дерево сгорело от молнии | |
| 3а. Она нарисовала узоры на бумаге | |
| 3б. Она разрисовала бумагу узорами /и т.д./ | |

Эти предложения могут иметь сколько угодно других актантов с какими угодно семантическими ролями.

Нелишне заметить, что семантические роли "Агенса" и "Пациенса" здесь определены намного уже, чем это делается во всех других известных мне работах /см., например, Мартеньянов 1964; Fillmore 1968а, 1968б, 1969; Гак 1969; Dim 1970; Nilsen 1972; Апресян 1969; Starosta 1976; и др. работы/. За пределами предложений с глаголами требуемой семантики говорить об Агенсе и Пациенсе можно только неформально, в нетерминологическом смысле, используя своеобразный метафорический перенос: более активный актант считается Агенсом, менее активный - Пациенсом. Поэтому в предложении вроде хулиган избил прохожего, строго говоря, нет ни Агенса, ни Пациенса. Семантические роли его актантов не определены, поскольку по своей семантике это предложение не может быть даже "кандидатом" в эталонные.

Употребляемые в отмеченных предложениях глаголы с указанной семантикой называются семантически переходными глаголами во всех своих формах и всех свойственных этим формам моделях управления.

§ 50. 2. Для каждой из глагольных форм и соответствующих моделей управления $\langle \text{МУ} \rangle$ устанавливаются типичный \langle наиболее частотный \rangle словопорядок. Этот порядок в русском языке очевидно такой, как в приведенных выше примерах \langle имеется в виду только расположение Агенса, Пациенса и глагола без учета прочих актантов \rangle . Предложения с прочими словопорядками отбрасываются.

§ 50.3. Для каждой из МУ оставшихся предложений устанавливается относительная частотность совпадения Агенса, Пациенса и других актантов с темой предложения. Предложения с неясным или неоднозначным актуальным членением отбрасываются.

Все типы МУ, где тема чаще совпадает с Агеном, чем с любым другим актантом, относятся к группе МУ действительного залога.

Все типы МУ, где Пациенс совпадает с темой не реже, чем Агеном, и при этом чаще, чем любой другой актант, относятся к группе МУ страдательного залога.

Прочие типы МУ, где тема чаще совпадает с другими актантами /соответствующие специальным формам инструментального, локативного, бенефактивного и т.п. залогов в ряде языков/ отбрасываются.

§ 50.4. Необходимо подчеркнуть, что проверка на частоту совпадений актантов с темой предложения производится даже тогда, когда в языке с самого начала выделяется одна-единственная глагольная форма с единственной МУ, хотя, видимо, можно ожидать, что эта единственная МУ будет во всех случаях отнесена к действительному залогоу /Кацнельсон 1972:71/. Во всяком случае, сведений, которые позволили бы усомниться в этом, в использованных грамматических описаниях не было, поэтому в данном исследовании считалось, что при отсутствии залоговых противопоставлений единственная форма может быть сочтена действительным залогом по тем же основаниям, что и в языках, где такие противопоставления есть. Тем не менее, это не более, чем правдоподобное допущение, которое, в принципе, должно быть проверено эмпирически для каждого языка. Иначе говоря, возможность существования языка, в котором единственная глагольная форма была бы признана по предлагаемым критериям страдательным залогом, хотя и маловероятна, но вполне допустима данным определением.

Эталонные предложения с переходным глаголом
действительного залога /ЭП-Ia/

§ 51.1. Для нахождения эталонной модели управления переходного глагола действительного залога, которая должна быть единственной для каждой из основных АТМ-форм, необходимо

из группы МУ действительного залога исключить все МУ, кроме одной.

§ 5I.2. Во-первых, исключаются те МУ <и соответствующие глаголы или их формы, если эта МУ у них единственная>, которые свойственны небольшому числу глаголов.

Это правило позволяет исключить небольшое число семантически переходных глаголов, которые имеют отклоняющиеся МУ, т.е. не являются синтаксически переходными. Например, предложение у матери родился сын может быть включено в число "кандидатов" в эталонные наряду с мать родила сына. Но поскольку первая МУ при сохранении требуемой семантики уникальна для данного случая, она, вместе с глаголом родиться, должна быть отброшена (в других случаях такая конструкция невозможна или не сохраняет требуемой семантики, ср. у Маши сварилась каша, в отличие от Мама сварила кашу).

§ 5I.3. Во-вторых исключаются те глагольные формы <но не сами глаголы>, МУ которых обнаруживают наибольшие ограничения на сочетаемость с теми или иными лексико-грамматическими подклассами актантов <за исключением, понятно, случаев строгой дополнительной дистрибуции таких форм>.

Так, если бы предложения типа молнией сожгло дерево или от молнии сгорело дерево были бы пропущены фильтрами § 50 и включены в группу МУ действительного залога, они были бы исключены на данном этапе вследствие невозможности в них одушевленного Агенса (ср. *рабочими построило дом, *от Маши сварилась каша). По этой же самой причине они будут исключены и из числа МУ страдательного залога.

§ 5I.4. В-третьих, исключаются те МУ, в которых на возможность опущения Агенса и/или Пациенса наложены менее строгие ограничения.

Это правило имеет в виду, в частности, пары вроде примеров За и Зб /§ 50.1/. В русском языке они были бы исключены еще раньше правилом § 5I.2., но в ряде языков этот фильтр может оказаться неэффективным, так как подобные пары образуются в них почти от всех переходных глаголов. Понятно, что как в За, так и в Зб Пациентом (т.е. создаваемым в результате действия объектом) являются узоры. Однако в предложении она нарисовала на бумаге, - если оно вообще возможно, - требуется, чтобы то, что она нарисовала, было более или менее ясно

из контекста, тогда как, например, в она разрисовала бумагу не требуется уточнять, чем была разрисована бумага. С другой стороны, она нарисовала узоры вполне самостоятельно без всяких контекстных уточнений (где или на чем), а она разрисовала узорами, — если такое предложение вообще возможно, — требует контекстного уточнения (что). Следовательно, из двух вариантов За и Зб Пациенс (узоры) можно опустить во втором свободнее, чем в первом, и поэтому Зб должно быть отброшено.

§ 5I.5. Если и после этого в оставшихся предложениях имеются разные глагольные формы и/или модели управления, не обусловленные строгой дополнительной дистрибуцией по лексико-грамматическим подклассам актантов, то в качестве эталонной избирается та из этих форм и МУ, которая имеет наивысшую частотность в текстах; прочие отбрасываются.

В результате применения всех этих фильтров должен остаться набор предложений с одной и той же моделью управления, одним и тем же порядком актантов и одним и тем же типичным актуальным членением (Агенс=тема чаще, чем Пациенс=тема).

§ 5I.6. Последней процедурой является выяснение того, какие перестановки Агенса, Пациенса и Глагола возможны в выделенных эталонных предложениях (ЭП-Ia) с целью учета всех происходящих при этом обязательных и факультативных изменениях модели управления (при одной и той же АТМ-форме, но не обязательно с сохранением прежнего актуального членения). Так, в китайском языке Пациенс в (менее частотной) предглагольной позиции оформляется предлогом, в арабском при перестановке Агенса могут происходить изменения характера его согласования с глаголом и т.п.

§ 5I.7. Глаголы выделенных эталонных предложений (ЭП-Ia) называются семантически и синтаксически переходными глаголами действительного залога

Кроме того, в данном языке любой глагол, независимо от его семантики, модель управления которого совпадает с моделью

управления глаголов в ЭП-Ia, называется синтаксически /но не обязательно семантически/ переходным глаголом.

Агенс в ЭП-Ia называется подлежащим переходного глагола действительного залога /III/.

Пациенс в ЭП-Ia называется прямым дополнением /Дп/.

Кроме того, в данном языке в качестве III и Дп рассматриваются те из актантов неэталонных предложений с синтаксически переходным глаголом, формальные признаки которых совпадают с формальными признаками соответствующих членов в ЭП-Ia.

В число формальных признаков включаются:

1. Все грамматические показатели, относящиеся к данному актанту (аналитические и синтетические, обязательные и факультативные), а также, - если этого недостаточно для идентификации актанта как того или иного члена предложения, -
2. Характер согласования данного актанта с глаголом-сказуемым, а также, - если этого тоже недостаточно для идентификации, -
3. Типичная позиция данного актанта в предложении, а также, - если и этого недостаточно для идентификации, -
4. Синтаксические и трансформационные свойства данного актанта (способность к тем или иным трансформациям, заменимость на местоимения, способность контролировать кореферентные замены и опущения (возвратные местоимения, причастно-деепричастные обороты, инфинитивные конструкции, придаточные определительные), способность к опущению в сложном предложении при кореферентности проверяемого актанта известному члену эталонного предложения и т.д.).

Обычная тактика грамматических описаний состоит в применении этих признаков "сверху вниз", т.е. Нижележащие признаки используются только в случаях неясностей и затруднений. Эта тактика принята и в данном определении.

Эталонные предложения с переходным глаголом страдательного залога /ЭП-Iб/

§ 52. Предложения с семантически переходными глаголами, отнесенными к группе моделей управления страдательного зало-

та /§ 50.3./, если среди них все еще имеются разные МУ, пропускаются через точно такие же фильтры, как и предложения с МУ группы действительного залога /§ 51/. Эти фильтры исключают МУ, специфичные для меньшинства глаголов, МУ, имеющие ограничения на сочетаемость с теми или иными лексико-грамматическими подклассами актантов, МУ, в которых имеет место более свободное опущение Агенса и/или Пациенса, и, наконец, малоупотребительные МУ. Исключение проводят до тех пор, пока не останется единственная для каждой из АТМ-форм МУ. Предложения с этой МУ и являются искомыми эталонными предложениями с семантически и синтаксически переходным глаголом страдательного залога /ЭП-1б/. В этих предложениях:

Пациенс является подлежащим переходного глагола страдательного залога /ПЗ/;

Агенс является косвенным агентивным дополнением /Дкаг/

Соответствующие члены неэталонных предложений идентифицируются по сходству модели управления и формальных признаков актантов с членами ЭП-1б точно так же, как в §51.7.

§ 52.2. Из этого видно, что действительный и страдательный залогом определяются независимо друг от друга, поэтому вопрос о том, какой из этих залогов следует считать "исходным", а какой "производным", совершенно не влияет на их идентификацию. Для признания наличия двух залогов необходимо и достаточно наличия двух моделей управления, коррелирующих с различиями типичного актуального членения, но в подавляющем большинстве языков к этому добавляется еще и морфологическое различие соответствующих форм глаголов (см. §§ 75-84).

§ 52.3. Необходимо особо подчеркнуть, что страдательный залог определяется на эталонных предложениях /ЭП-1б/, которые

обязательно содержат как Псз, так и Дкаг. Поэтому только "трехчленный" вариант этой конструкции может считаться страдательным залогом *par excellence*. "Двучленный" вариант должен рассматриваться как результат опущения агентивного дополнения. Однако в тех языках, где Дкаг вообще невозможно, страдательный залог данным определением идентифицирован не будет. Соответствующую глагольную форму можно считать в таких (довольно редких) языках особой формой интранзитивации переходного глагола, близкой к антикаузативу.

Эталонные предложения с непереходным глаголом действия /ЭП-2/

§ 53.1. В текстах отмечаются предложения, значение которых соответствует следующей абстрактной ситуации:

Живое существо или самодвижущийся природный объект (солнце, звезды, волны и т.п.) без постороннего побуждения изменяет свое (и только свое) положение в пространстве.

Имя или местоимение, обозначающее движущееся существо или объект в таких предложениях имеет семантическую роль, которую я позволю себе назвать "Перегринатор" (лат. *peregrinator* "любитель путешествий"). Способ, характер и/или направление передвижения должны быть выражены глаголом, который и считается сказуемым данного предложения. Этот глагол обязательно должен быть (по крайней мере в данном предложении) синтаксически непереходным, т.е. его модель управления должна отличаться от МУ синтаксически переходных глаголов, определение которых см. в § 51.7. Глаголы требуемой семантики (идти, приходить, бежать, плыть, ползти, взбираться, лететь и т.п.) могут иметь при себе и другие актаны с какими угодно семантическими ролями, кроме ролей "Агенс" и "Пациенс" (см. § 50.1.).

Определение проводится, как и во всех прочих случаях, отдельно для каждой из основных АТМ-форм данного языка /§49/.

§ 53.2. Из всех глагольных форм и моделей управления отбирают те, в которых тема предложения чаще совпадает с Перегринатором, чем с любым другим актантом, после чего отбирают предложения с наиболее частотным относительным расположением Перегринатора и глагола. Прочие предложения отбрасывают.

Затем оставшиеся предложения пропускают через те же самые фильтры, что и в § 51, в результате чего получают набор эталонных предложений /ЭП-2/, которые испытывают на возможные перестановки Перегринатора и глагола, чтобы учесть происходящие при этом изменения грамматического оформления.

В ЭП-2 глагол называется непереходным глаголом действия, а Перегринатор - подлежащим непереходного глагола действия /Пнд/. В неэталонных предложениях непереходные глаголы действия и их Пнд идентифицируются по сходству их формальных признаков с соответствующими признаками и моделью управления глагола и Пнд в ЭП-2 по тем же правилам, что и в § 51.7.

Эталонные предложения с непереходным глаголом
состояния /ЭП-3/

§ 54.1. Предложения, отмечаемые в тексте, описывают следующую абстрактную ситуацию:

Некоторое существо или предмет /"Дескрипт"/ принадлежит к множеству существ или предметов М.

Предложение должно содержать имя или местоимение, выражающее семантическую роль "Дескрипт", а также название множества М, которое является сказуемым данного предложения /или по крайней мере частью /предикативным членом/ составного сказуемого/. Это сказуемое может быть выражено именем, именем

со вспомогательным глаголом-связкой или отыменным глаголом со значением "быть М", "являться элементом (подмножеством) множества М", причем, - за исключением случаев конверсии, т.е. фонологической идентичности имени и глагола, - этот глагол должен быть морфологически производным от существительного, которым может быть назван каждый элемент множества М.

Последнее требование связано с тем, что в ряде языков все сказуемые с требуемым значением выражаются только отыменными глаголами указанного характера (нечто вроде русск. он учителствует) и они отличаются от пар типа бежать-бегун, петь - певец, помимо значения, еще и направлением морфологической производности.

Примеры предложений с требуемым значением:

Сократ был грек/ом/
Он учитель/стствует/
На безрыбье и рак рыба

Предложения, в которых сказуемое обозначает одноэлементное множество /Аристотель - учитель Александра/, как и вообще все сомнительные случаи, лучше сразу оторасывать

§ 54.2. Все дальнейшие операции с отмеченными предложениями совершенно идентичны операциям предыдущего раздела /§ 53/, хотя они по большей части оказываются излишними: в предложениях данного типа модель управления обычно везде одна и та же; вариативность характерна, в основном, для структуры сказуемых (речь идет, понятно, только об оформлении Дескрипта).

В результате получают набор эталонных предложений состояния /ЭП-3/, в которых Дескрипт является подлежащим. В неэталонных предложениях подлежащее непереходного глагола состояния и именного сказуемого /ИИс/ определяют по сходству его формальных признаков с соответствующими признаками Дескрипта в ЭП-3. Непереходные глаголы состояния определяют по сходству их модели управления с МУ сказуемого в ЭП-3.

§ 54.3. Следует особо отметить, что все такие ярлыки, как "глагол действия", "глагол состояния" и т.п., в данной работе в

первую очередь относятся к формальным различиям моделей управления соответствующих глаголов и формальным признакам их актантов. Они, в принципе, не соотносятся с семантикой глагола вне пределов эталонных предложений и могут не соотноситься или соотноситься лишь частично с морфологическими особенностями самих глаголов. Поэтому, особые подклассы глаголов действия и состояния и особые категориальные формы подлежащих /ПНд и ПНС/ будут выделены лишь в тех языках, где формальные признаки Перегринатора и Дескрипта в соответствующих эталонных предложениях хотя бы частично различаются /различное падежное оформление, различное согласование, разные типичные позиции относительно сказуемого и т.п./. В ряде языков выделяется особый подкласс глаголов состояния по морфологическим признакам самих глаголов, но это различие нужно считать чисто морфологическим и не влияющим на синтаксическую классификацию глаголов постольку, поскольку оно не сказывается на модели их управления.

Дополнительные замечания

§ 55. Легко видеть, что данное универсальное конкретное определение ряда синтаксических категорий не содержит ничего принципиально нового. Оно просто является эксплицитным изложением тех процедур, которые сознательно или бессознательно используются для выделения этих категорий в конкретных языках в господствующей грамматической традиции. Явное изложение этих процедур в данной работе отнюдь не претендует на то, чтобы служить доказательством правильности этой традиции. Его основная цель - доказать, что эта традиция внутренне последовательна и опирается для всех языков на одни и те же основные критерии, т.е. соответствующие грамматические описания в принципе сопоставимы друг с другом и могут быть использованы для типологического изучения языков.

С другой стороны, данное определение помогает выяснить, в какой степени конкретное грамматическое описание последовательно придерживается указанной традиции. Для этого достаточно рассмотреть синтаксическую терминологию этого описания в немногочисленных примерах эталонных предложений. Если эта терминология идентична или изоморфна примененной здесь, то

описание можно использовать без всяких оговорок. В противном случае сразу видно, где и какие изменения и переинтерпретации необходимо сделать для того, чтобы данное описание было сравнимо с прочими. Отмечу, что за исключением устранения простого терминологического разнобоя, такие переинтерпретации требовались лишь в единичных случаях (конкретный пример такой переинтерпретации для языка дирбал см. в §§ 72-74).

Нелишне напомнить, что предложенное определение, будучи конкретным, способно только опознать исследуемые категории, если они в данном языке имеют какие-то формальные отличия, но оно не может гарантировать наличия данных категорий во всех языках, т.е. в принципе оно допускает возможность существования языка, в котором нет никаких формальных различий, допустим, между подлежащим и прямым дополнением. Для доказательства наличия таких категорий и/или их релевантности для любого языка следует обращаться к абстрактным определениям, в данном случае - к определению Ю.В.Рождественского /1969; см. §29/.

§ 56. Разумеется, трудно ожидать от данного определения разрешения неясных маргинальных случаев, когда имеются разные решения относительно идентификации членов предложения, являющиеся предметом спора в грамматической традиции данного языка (например, случаев полного несоответствия формальных признаков подлежащего и типичного для него актуального членения, ср. свадьба Наташи было последнее радостное событие... и т.п.).

Следует, однако, вкратце остановиться на очень частом случае внешнего сходства главных и второстепенных членов предложения. Например, в русском (и многих других) ряд обстоятельств оформляется идентично прямому дополнению. В эталонных предложениях никаких трудностей не возникает, поскольку там ЧП однозначно определяются по своей семантической роли. Так, в он пил водку неделю ясно, что именно водку является Дп, поскольку водка, а никак не неделя, является предметом, уничтожаемым в результате действия /Пациентом/. Трудности появляются за пределами эта-

лонных предложений, где исследователь должен опираться исключительно на формальные признаки и не имеет права обращаться к семантической роли¹. Если считать, опираясь только на форму, неделю за Дп, то это противоречит семантической роли данного слова в приведенном выше эталонном предложении. Кроме того, при таком подходе все русские глаголы окажутся переходными /ср. Сова 1969/. Если вообще отказаться, вслед за А.Соважо /*Sauvageot* 1971/, от понятия Дп, коль скоро оно внешне неотлично от обстоятельства, то это даст практически тот же результат.

Можно думать, однако, что эти трудности для любого языка устранимы, если обратиться к другим, "нижележащим" /§ 51.7./ формальным признакам актантов, помимо падежа.

Так, для русского языка простым и эффективным критерием различения Дп и обстоятельств является заменимость на местоимение. В эталонных предложениях Дп заменяется на местоимение, обстоятельство - нет, ср: он пил водку неделю - можно: он пил ее неделю, но нельзя: он пил водку ее. Поэтому то же свойство можно использовать и для различения этих ЧП в неэталонных предложениях /читатель легко может сам проверить это утверждение/.

Другой возможный критерий - сочинительное сокращение, ср: он пил водку + он пил вино = он пил водку и вино, но: он пил водку + он пил неделю ≠ он пил водку и неделю.

Третий возможный критерий - способность к трансформациям, ср.: Агентство сообщило подробности о катастрофе → сообщение агентством подробностей о катастрофе, но: агентство сообщило два раза о катастрофе → ?.

Критерии такого типа можно использовать и в других языках, в том числе и для различения подлежащих и некоторых косвенных дополнений и обстоятельств в языках с "совмещающим" эргативным падежом.

¹Т.е. данная возможность не предусмотрена и не использовалась в настоящей работе. Это отнюдь не значит, что обращение к семантической роли невозможно в принципе или что это противоречило бы предложенному определению ЧП, тем более, что такое обращение вполне обычно в грамматических описаниях. Беда только в том, что определения таких ролей зачастую расплывчаты почти до бессодержательности, например определение роли Дп как "предмета, на который переходит действие"

В заключение, хотелось бы остановиться на термине "субъект", который в ряде лингвистических работ употребляется в значении, отличном как от обычного логико-философского, так и от значения определенной семантической роли, но в то же время не синонимичном значению термина "подлежащее". В этом смысле "субъект" можно определить как именной актанта, наиболее часто тематизируемый в предложениях данного типа и находящийся в данном предложении в тематической позиции. Такое определение хорошо согласуется с употреблением термина "субъект", например, в работах С.Д.Кацнельсона /1972/, С.Е.Яхонтова /1978/ и др. В целом, между субъектом и подлежащим во всех языках имеется положительная корреляция. Эта корреляция стопроцентная в эталонных предложениях, но за их пределами языки несколько различаются, причем похоже, что русский язык принадлежит к типу языков с наименее тесной положительной корреляцией между субъектом и подлежащим /см. исследование С.И.Кокориной /1979/ о данной категории в русском языке/. В некоторых случаях субъект может заимствовать у подлежащего некоторые второстепенные формальные признаки /см. § 34/, хотя по главным признакам /падеж и согласование/ они резко отличаются.

На основе понятия "субъект" можно дать несколько более удобное определение подлежащего, а именно: подлежащим называется такой актанта, формальные признаки /§ 51.7./ которого идентичны признакам субъекта эталонного предложения данного языка с тем же лексико-грамматическим подклассом сказуемого.

ГЛАВА Ш

О КЛАССИФИКАЦИИ КОНСТРУКЦИЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Общие соображения

§ 57. Под конструкциями предложения принято понимать способы выражения и различения основных именных членов предложения: подлежащего переходного глагола (Ш), подлежащего непереходного глагола (ПН), которое может подразделяться на подлежащее непереходных глаголов действия (ПНд) и состояния (ПНс), и прямого дополнения (Дп). Традиционно выделяют две наиболее распространенные конструкции предложения: эргативную и номинативную. Наиболее обычное определение эргативной конструкции - ПН и Дп по способу выражения полностью совпадают, Ш отличается от них /Мещанинов 1967/; /Климов 1974/. Наиболее обычное определение номинативной конструкции: по способу выражения полностью совпадают Ш и ПН, способ выражения Дп при этом не имеет значения /Мещанинов 1967/.

Неудовлетворительность этой классификации становится очевидной, когда в поле зрения типолога попадают языки типа ассамского, где все три члена предложения - Ш, ПН и Дп выражаются по-разному: такие языки не могут быть отнесены ни к одному из данных типов (их иногда называют "эргативообразными"). Внутренняя непоследовательность такой классификации состоит в том, что при определении эргативной конструкции учитывают формы выражения всех трех членов предложения - Ш, ПН и Дп, а при определе-

нии номинативной форма выражения Дп почему-то не учитывается. Видимо все-таки конструкцию предложения в русском языке, где ПП=ПН, но Дп отличается от них, и во вьетнамском языке, где все три эти члена имеют одинаковую форму, т.е. ПП=ПН=Дп, следует различать. Если "эргативообразная" конструкция отличается от эргативной, то по тем же основаниям следовало бы называть русскую конструкцию "номинативообразной" в отличие от "номинативной" во вьетнамском языке.

К тому же эта схема не учитывает различия в выражении Пнд и Пнс в ряде языков, а это различие нужно учитывать для выделения активной конструкции предложения, являющейся, как показано в работах Г.А.Климова /1974, 1977/, самостоятельным типом.

§ 58. Непоследовательность и неполнота традиционной классификации была преодолена в классификации А.Е.Кибрика /1977, 1979/. Но А.Е.Кибрик кладет в основание классификации выражение не членов предложения, а элементарных семантических ролей Агенса и Пациенса при моновалентных /непереходных/ и поливалентных /переходных/ глаголах. Такое решение представляется менее удобным, чем традиционное /классификация по членам предложения/.

Некоторые из неудобств непосредственного использования семантических ролей для классификации синтаксических феноменов уже рассматривались /§§ 36-37/. Здесь необходимо указать на главный, по моему мнению, недостаток такого подхода: особенности оформления Агенса и Пациенса в эргативной конструкции и в наиболее распространенном типе страдательного залога одни и те же. Следовательно, при данном подходе страдательный залог типа русского и эргативная конструкция типа лезгинской становятся неотличимыми друг от друга без привлечения каких-то дополнительных критериев /например, типичного актуального членения/. Но даже при привлечении таких критериев при данном подходе необходимо, — если быть последовательным, — считать, что страдательный залог — это та же эргативная конструкция, но с иным типичным актуальным членением. Я бы предпочел говорить, что эргативная конструкция — это тот же действительный залог, но с иным оформлением тех же самых членов предложения. Возможно, что это чисто терминологический спор, но во всяком случае вторая формулировка явно ближе к господствующей грамматической традиции /ср. §§ 24-25/.

При введении дополнительных понятий "гиперроль" или "перспектива" /Кибрик 1979; VanValin, Foley 1979/ эту трудность удастся обойти лишь частично. Действительно, если отличать эргативную конструкцию от страдательного залога по тому, как в данном языке элементарные роли объединяются в гиперроли, то необходимо иметь независимые критерии для установления характера такого объединения, иначе получится классический круг в определении.

Наконец, при данном подходе требуются эффективные критерии для отличения актантов от сирконстантов /чтобы отличить моновалентные глаголы от поливалентных/. В защищаемом в данной работе варианте традиционного подхода этого не требуется.

§ 59. Понятно, что при классификации по членам предложения трудности различения эргативной конструкции и страдательного залога, в принципе, отсутствуют, так как они различаются составом своих членов /в первой есть прямое дополнение, а во второй нет и т.д./.

Снимается также вопрос о "главном" актанте непереходного глагола, выражение которого существенно для классификации /таким актантом является подлежащее/. Снимается и проблема классификации случаев типа мне хочется /отличающихся по оформлению "главного" актанта от я хочу/. Они просто не будут учтены при классификации, основанной на способах выражения подлежащего, так как предложенное здесь определение /как и русская грамматическая традиция/ признает такие предложения бесподлежащими.

Может быть также поставлен вопрос о классификации конструкций страдательного залога. При использовании семантических ролей это вряд ли возможно, так как оба залога в принципе идентичны по репертуару семантических ролей актантов

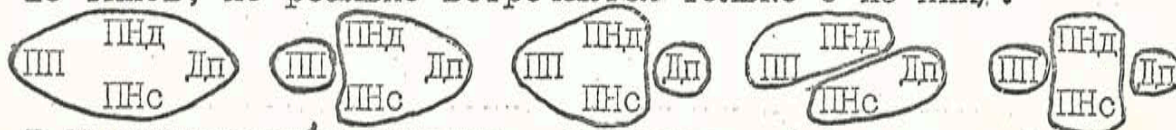
Поэтому в данной работе сохранен общий принцип классификации конструкций предложения А.Е.Кибрика, но с той разницей, что в основу классификации кладется выражение четырех выделенных членов предложения: ПП, Пнд, Пнс и Дп. Следует подчеркнуть, что в нижеследующих параграфах речь везде идет о классификации конструкций с глаголом действительного

залога, классификация конструкций страдательного залога проводится отдельно /§§ 81-84/.

Сходства и различия в выражении четырех упомянутых членов предложения могут проявляться в различных языковых подсистемах и грамматических процессах, как то: грамматическое оформление именных актантов с помощью аффиксов и/или аналитических показателей, характер согласования тех или иных членов с глаголом, ограничения на выражение этих членов теми или иными лексико-грамматическими подразядами, правила порядка слов, способность к тем или иным трансформациям, правила опущения кореферентных членов при сочинении и подчинении предложений и т.п. Под "конструкцией предложения" везде понимается тип сходств/различий выражения ПНс, ПНд, Дп и Ш в данной подсистеме. Вопрос о закономерностях, связанных с возможностями сосуществования в разных подсистемах или одной и той же подсистеме одного языка разных конструкций, здесь специально не рассматривается, но из дальнейшего легко видеть, что такое сосуществование является в языках скорее нормой, чем исключением.

"Именные" конструкции

§ 60. В оформлении именных актантов типы манифестируются наиболее наглядно, поэтому набор реально встретившихся типов будет проиллюстрирован именно в данном разделе /всего, как отмечает А.Е.Кибрик /1977, 1979/, теоретически возможно 15 типов, но реально встречаются только 5 из них/.



1. Индефинитная¹ /вьетнамский/ 2. Эргативная /аварский/ 3. Аккузативная /русский/ 4. Активная /читимача/ 5. Эргативно-аккузативная² /ассамский/

¹у А.Е.Кибрика - "нейтральная".

²у А.Е.Кибрика - "контрастивная".

Я предпочитаю не употреблять термин "номинативная конструкция", так как он неоднозначен (под ним обыкновенно подразумевают как конструкцию I, так и конструкцию 3). Термин "индефинитная конструкция" употребляется в отечественной картвелистике для обозначения формального совпадения подлежащего и прямого дополнения (типа древнегруз. Abraham šva Isaac "Авраам родил Исаака" вместо Abraham-man šva Isaac-i - [Чикобава 1967: 87]). Термин "аккузативная конструкция" употребляется в современной англоязычной литературе и обозначает только конструкцию 3.

Однако принципы классификации именных конструкций выглядят так просто лишь в теории. На практике различие или неразличие ЧП именных частями речи очень часто и почти во всех языках зависит от множества посторонних обстоятельств, прежде всего от принадлежности именных ЧП к тем или иным лексико-грамматическим разрядам и от видо-временной формы сказуемого. Так в питянтятяра личные местоимения образуют accusative construction (№ 3), а имена - ergative construction (№ 2). Можно было бы удовлетвориться указанием на то, что в данном языке есть две конструкции предложения, но как тогда охарактеризовать конструкцию предложений, у которых один ЧП выражен именем, а другой местоимением? Если же охарактеризовать конструкцию предложения в питянтятяра как эргативно-аккузативную, то следует постулировать у местоимений наличие эргативного падежа, а у имен - винительного. Это очень плохо согласуется с тем фактом, что эти падежи не противопоставлены парадигматически, т.е. ни у одного склоняемого слова нет различающихся форм для обеих падежей. В грузинском, напротив, эргативный и винительный парадигматически противопоставлены, но синтагматически несовместимы: если III выражено эргативным

падежом, то Дп не может быть выражено винительным, а если Дп выражено винительным, то III не выражается эргативным. Опять-таки, это какой-то другой тип "эргативно-аккузативной" конструкции. Третий тип - в ассамском языке, где эргатив и аккузатив совместимы и парадигматически и синтагматически.

Ясно, что исчерпывающей классификацией была бы такая, которая указывала бы наличие/отсутствие парадигматически противопоставленных форм, различающих данные ЧП и синтагматическую совместимость этих форм. Последовательное применение этого принципа дало бы настолько дробную классификацию, что количество выделяемых типов могло бы превзойти количество привлекаемых к сравнению языков. В данной работе принято компромиссное решение: характеризуются прежде всего системы именного словоизменения. Если у существительных есть СФ аккузатива, язык называется аккузативным, при наличии СФ эргатива - эргативным, при наличии обеих СФ - эргативно-аккузативным. При необходимости даются сведения о парадигматической совместимости. Подробнее см. в "Приложении 2"

"Тактические" конструкции

§ 61. Порядок слов, безусловно, может использоваться для различения членов предложения даже в тех языках, где эти члены различаются и другими средствами. Очевидно, что в каждом языке есть какой-то предпочитаемый порядок расположения подлежащего, сказуемого и дополнения. Поэтому при переходном глаголе III и Дп всегда различаются: либо III чаще предшествует Дп, чем следует за ним, либо наоборот. Вряд ли есть язык, где оба порядка имели бы абсолютно одинаковую частотность.

В случае, когда сказуемое обычно расположено между III и Дп, классификация конструкций не представляет трудностей.

Аккузативная конструкция

Эргативная конструкция

III+C+Дп
IIH+C

переходное сказуемое
непереходное сказуемое

III+C+Дп
C+IIH

В первом случае III и IIH занимают одно и то же место относительно C, Дп занимает другое место, то есть III=IIH, а Дп отличается от них обоих. Во втором случае одинаковую позицию занимают IIH и Дп, а III отличается от них обоих.

§ 62. Рассмотрим, однако, такой вариант расположения членов предложения:

III+Дп+C
IIH+C

Рассуждая так же, как в предыдущих случаях, можно сказать, что по расположению относительно C все три члена не отличаются друг от друга, так как все они располагаются перед сказуемым. Но в этом случае конструкцию следует назвать индефинитной (§60). В то же время, при индефинитной конструкции III не должно отличаться от Дп, а в данном случае они различаются по своей позиции: III предшествует Дп. Создается парадокс: две сущности, по-рознъ идентичные третьей, не идентичны друг другу, а именно: III=IIH, Дп=IIH, но III≠Дп.

Избежать этого парадокса можно учитывая другие ориентиры, по которым определяется позиция членов предложения, например косвенные дополнения (Дк). При этом однозначная классификация достигается, например, для варианта а), но не для варианта б):

а) III+Дк+Дп+C
IIH+Дк+C

б) III+Дп+Дк+C
IIH+Дк+C

Вариант а) классифицируется как аккузативная конструкция

(ШИПН оба предшествуют Дк, Дп следует за Дк), а классификация варианта б) остается неопределенной.

Поскольку далеко не всегда можно найти дополнительный ориентир, позволяющий однозначно классифицировать конструкцию, этот способ, очевидно, непригоден.

§ 63. Поэтому для того, чтобы избежать появления парадокса придется игнорировать очевидный факт всеобщего различения ШИ и Дп порядком слов. В самом деле, поскольку это различие существует во всех языках, оно нерелевантно для их классификации. Кроме того, сам парадокс возникает только потому, что классифицируя ЧП по позиции относительно С, мы добавляем к этому еще один признак - позицию ЧП относительно друг друга. Последний признак неприменим к ПН, так как по определению ПН не может сосуществовать с ШИ и/или Дп в одном и том же предложении. Следовательно, учитывая только расположение ЧП относительно сказуемого, можно, помимо приведенных аккузативной и эргативной конструкций, выделить еще одну - индефинитную, а именно

ШИ+Дп+С или С+ШИ+Дп или С+Дп+ШИ
ПН+С С+ПН С+ПН

считая, что здесь все три ЧП неотличимы друг от друга по своей позиции.

В принципе, возможна еще одна конструкция: например:

ШИ+Дп+С но для нее, к счастью, не нужно придумывать названия,
С+ПН так как в обследованных языках она не встретилась.

§ 64. До сих пор я сознательно игнорировал тактический вариант активной конструкции, чтобы не запутывать изложение. Теперь можно к этому вернуться. Ясно, что активная конструкция

должна выражаться в том, что III и Пнд располагаются по одну сторону от глагола, а Пнс - по другую. Реально, на это очень похожа конструкция, встретившаяся в языках иврит, арабском, геэз, берберском, сапотек и майя, а именно:

Глагольное сказуемое: С+П
Именное сказуемое: П+С

В соответствии с принятым определением подлежащего глаголов состояния данную конструкцию придется классифицировать как активную с той оговоркой, что в названных языках все глаголы ведут себя как глаголы действия, а аналогами глаголов состояния являются имена существительные и прилагательные в предикативной функции. Учитывая, что, например, в русском языке некоторые аспекты глагольного согласования следуют эргативной модели (см. § 68), вряд ли следует удивляться тому, что в таких сугубо аккумулятивных языках, как древнесемитские, порядок слов имеет черты активной модели. Ясно, что именные сказуемые - наименее "активные" из всех предикатов.

"Г л а г о л ь н ы е" к о н с т р у к ц и и

§ 65. Аффиксы, согласующие глагол с членами предложения, где этот глагол является сказуемым, также являются средством, указывающим на синтаксические функции этих членов. Аффиксы глагольного спряжения могут противопоставляться по следующим признакам: своей форме, своей позиции относительно корня глагола и своей позиции относительно других глагольных морфем.

Противопоставление аффиксов подлежащего и дополнения по их позиции относительно друг друга практически для классификации использовать нельзя по тем же причинам, по которым это невозможно для самостоятельных III и Дп (§§ 62-63). Приведу при-

меры из адыгейского языка /Кумахов 1967/

<u>сэ-кЮ</u>	"я-иду"	<u>сэ-о-хЫ</u>	"меня-ты-несешь"
<u>о-кЮ</u>	"ты-идешь"	<u>о-сэ-хЫ</u>	"тебя-я-несу"

Как видно из примеров, в этих случаях нельзя решить, совпадает ли позиция аффиксов ПН с позицией аффиксов ПШ или же с позицией аффиксов Дп. Правда, для адыгейского этот вопрос решается довольно легко, благодаря наличию дополнительных ориентиров: аффиксы ПН и Дп могут отделяться от корня различными деривационными морфемами, а аффиксы ПШ остаются на своем месте перед корнем. Следовательно, конструкция может быть классифицирована как эргативная. Однако, далеко не во всех языках дополнительный ориентир находится так легко, поэтому во многих случаях ничего не остается, кроме классификации случаев, подобных вышеприведенному, как индефинитной конструкции.

§ 66. Однако, трудности, возникающие при классификации глагольных конструкций, не исчерпываются такими случаями. Так, в том же адыгейском конструкция оказывается индефинитной только для форм 1-го и 2-го лица. В 3-ем лице при бесприставочных глаголах префиксы ПН ма-, ПШ е-, Дп Ø-, ср.: ма-кЮ "он-идет" (Ø-
-е-хЫ "(его)-он-несет". Естественно классифицировать конструкцию для данного случая как аккузативно-эргативную (все три ЧП выражены разными по форме префиксами).

Противоречия на этом не кончаются. Действительно, при действии 1-го и 2-го лица на 3-е можно усмотреть наличие обычной аккузативной конструкции (ПН и ПШ выражаются одними и теми же префиксами, Дп отличается от них). При действии 1-го и 2-го лиц на 1-е и 2-е конструкция индефинитная (ПШ, ПН и Дп выражаются оди-

наковыми префиксами). При действии 3-го лица на 1-е и 2-е конструкции эргативная (префиксы ПН и Дп одинаковы, префикс ПШ отличается от них). При действии 3-го лица на 3-е конструкция эргативно-аккузативная.

Выход из этих противоречий часто находят в ориентации на максимальные различия, объявляя совпадающие по форме аффиксы грамматическими омонимами (подобно тому как русская форма дом в дом высокий и вижу дом считают принадлежащими к разным падежам, поскольку эти падежи различаются в стена высокая и вижу стену). Получается следующая таблица (речь идет только о бесприставочных глаголах; я допускаю вообще значительные упрощения реальной картины, так как адыгейские примеры здесь служат лишь иллюстрацией трудностей классификации, а не подтверждением правильности той или иной трактовки адыгейского глагольного спряжения):

	ПН	ПШ	Дп
1 лицо	сэ-	сэ-	сэ-
2 лицо	о-	о-	о-
3 лицо	ма-	е-	∅-

§ 67. Однако, этот способ далеко не всегда достаточно эффективен. Так, количество и характер противопоставлений аффиксов спряжения зачастую зависит от формы глагола. Например, в адыгейском аффиксы ПН и Дп противопоставлены в бесприставочных глаголах (ма- / ∅-), но совпадают в глаголах с приставками (∅-). Кроме того, в разных глаголах или их формах один и тот же аффикс может иметь совершенно разные синтаксические роли. Так, в грузинском в презенсных и аористных временах аффиксы ПН и ПШ в общем одинаковы, аффиксы Дп отличаются от них. В перфектных (результативных) временах переходных глаголов первая серия аффиксов начи-

нает обозначать Дп, а вторая - III; при этом III попрежнему обозначается первой серией. То есть в презенсных и аористных временах конструкция спряжения аккузативная, а в перфектных - эргативная. Но если составить таблицу, аналогичную приведенной для адыгейских префиксов, для всей парадигмы грузинского глагола, окажется, что любой аффикс может иметь значения всех трех ЧП.

Разные грамматические категории, по которым глагол согласуется со своими актантами, могут следовать разным конструкциям предложения, что еще более запутывает вопрос о конструкции спряжения в целом. Так, в ряде нахско-дагестанских языков (например, в бацбийском и табасаранском) глагол согласуется по категории грамматического класса в соответствии с эргативной моделью (то есть в глаголе одинаковым образом отражается класс III и Дп, класс III не выражается). В то же время согласование по категории лица следует аккузативной модели, то есть в глаголе одинаково выражается лицо III и III, но не выражается лицо Дп. Вопрос о том, какова в целом конструкция спряжения, еще больше запутывается, если учесть, что категория числа выражается как классными префиксами (по эргативной модели), так и личными суффиксами (по аккузативной модели).

Сказанное убеждает в том, что однозначная классификация конструкции спряжения возможна только в том случае, если в языке имеется очень простая система спряжения, как например в русском (аккузативная система) или в аварском (эргативная система: согласование глагола по классу с III и Дп). В других случаях эффективнее простое перечисление глагольных аффиксов с указанием синтаксических функций каждого из них. Я буду называть такие системы "сложными", не причисляя их к какому-либо определенному типу.

"Селекционные" конструкции

§68. Употребляясь как сказуемое, всякий глагол требует заполнения своих актантных мест словами определенных лексико-грамматических подклассов, выполняющими определенные семантические роли. Так, глагол читать предполагает, как правило, одушевленное личное подлежащее и неодушевленное предметное дополнение, глагол перестрелять требует чтобы его прямое дополнение, выраженное исчисляемым именем, было во множественном числе, глагол убивать требует семантической роли "Агенс" у подлежащего и "Пациенс" - у дополнения и т.п. Эти явления могут быть описаны как правила селекции /Хомский 1972 [1965]//.

В любом языке имеются соотносительные пары однокоренных глаголов, различающиеся переходностью-непереходностью (типа варить-вариться, кипеть-кипятить и т.п.). Для таких пар можно рассматривать сходства и различия правил селекции для III, II и Дп по тем или иным лексико-грамматическим категориям или по семантической роли. Если эти правила одинаковы для II и III, но отличаются от правил для Дп, то перед нами аккумулятивная селекционная конструкция, если правила одинаковы для II и Дп, но отличаются от правил для III, то эта конструкция может быть названа эргативной, а если правила одинаковы для всех трех упомянутых членов предложения, то конструкция индефинитная. Вопрос о возможности других конструкций для данных признаков здесь не рассматривается.

Так, в русском и многих других языках имеются так называемые глаголы "множественного" действия, которые, как правило имеют эргативные правила селекции по числу, ср.: она нарожала

они нарожали /ему детей /но не *ребенка/; в квартире рас-
плодились тараканы /но не *расплодился таракан/. Такие гла-
голы /в русском языке их по крайней мере несколько десятков/
требуют обязательной множественности исчисляемых ПН и Дп, но
безразличны к числу III.

Другим примером может послужить селекция по семантической
роли. В паре крапива жжет - крапива жжется семантическая
роль /"то, что жжет"/ одна и та же у III и ПН, т.е. это акку-
зативные правила селекции. В паре Маша кипятит воду - вода
кипит одинаковая семантическая роль /"то, что кипит"/ у Дп и
ПН, т.е. правила здесь эргативные. Наконец, в примерах Маша
отправляет письмо - письмо отправляется - Маша отправляет-
ся представлена индефинитная система, так как обе семанти-
ческие роли переходного глагола допустимы и для ПН.

"Трансформационные" конструкции

§ 69. Как указывает Б.Комри /Comrie 1978/, при номинализа-
ции глагола-сказуемого грамматическое оформление связанных
с ним актантов может обнаруживать иные совпадения/различия,
чем в исходных предложениях. Ср. примеры Б.Комри:

Враг пришел - приход врага
Враг разрушил город - разрушение города врагом

ПН и Дп трансформируются одинаково - родительным падежом,
тогда как III - творительным. Такой тип номинализации, естест-
венно, должен быть назван эргативным. В русском языке есть и
аккузативная номинализация, не отмеченная Б.Комри, ср.:

Брут приехал в Рим - Брутов приезд в Рим
Брут убил Цезаря - Брутово убийство Цезаря

Здесь одинаково трансформируются III и ПН. Трансформация
Дп в форму относительного прилагательного выглядит по мень-
шей мере стилистически неряшливо, ср. Цезарево убийство /Брутом/

Трактовка английских номинализаций у Б.Комри представляется не вполне верной. Комри считает английскую номинализацию аккузативной, ср., однако, примеры:

The enemy arrived — { *the arrival of the enemy*
the enemy's arrival
**the arrival by the enemy*

The enemy destroyed the city — { *the destruction of the city by the enemy*
the enemy's destruction of the city
the city's destruction by the enemy
**the enemy's city's destruction*
**the destruction of the city of the enemy*

Из этого видно, что "саксонский родительный" трансформирует одинаково ПН, III и Дп (индефинитная система), предлог *of* — только ПН и Дп, а предлог *by* — только III (эргативная система).

"Кросс-референциальные" конструкции

§70. Синтаксические правила, определяющие возможность или необходимость опущения кореферентных актантов при сочинительных или подчинительных связях между предложениями и частями предложений, также могут реагировать на синтаксическую функцию опускаемого актанта. Ниже я рассматриваю, в основном, самые "наглядные" из таких правил — правила сочинительного сокращения. Ср. следующий чукотский пример /Недялков 1977/ с его русским переводом:

Ытлыг=э	таляйвы=нен	экык	ынкам	эквэт=гъи
отец=эргат.	побил=он=его	сын=номин.	и	отправился=он
{отец побил сына и отправился}				

Свойства оригинала и перевода различны. В русском языке действует правило, по которому опущенный актант второго из сочиненных глаголов кореферентен подлежащему первого глагола (т.е. "скрытым" подлежащим глагола отправился может быть только отец, но не сын). В чукотском (в данном примере) опущенный актант непереходного глагола может быть кореферентен как подлежащему, так и прямому дополнению сочиненного с ним переходного (т.е. данный пример можно понять и как то,

что отправился сын, и как то, что отправился отец/>. Соответственно в русском можно констатировать аккузативное сочинительное сокращение, а в чукотском — индефинитное (поскольку ПН "сокращается" не только с Ш, но и с Дп).

Сочинительное сокращение тесно связано с так называемыми тематическими цепями, т.е. последовательностями событий (resp. предложений или глаголов), объединенными общим партиципантом (resp. темой). В языках типа русского в таких цепях кореферентный актант может быть опущен при следующих глаголах только в том случае, если он имеет при них ту же синтаксическую функцию, что и при первом глаголе (подлежащее), в чукотском опущение возможно и для кореферентных актантов с несовпадающими синтаксическими функциями. В тех языках, где есть противопоставление действительного и страдательного залогов, можно ожидать "жесткого" аккузативного сочинительного сокращения, поскольку в них, при необходимости вставить Дп в тематическую цепь и опустить его, можно преобразовать это Дп в подлежащее, ср. сын был побит отцом и отправился. В языках, где нет залоговых противопоставлений, такое преобразование невозможно, поэтому в них вероятнее встретить индефинитное сочинительное сокращение. Последнее было отмечено в чукотском /Недялков 1977/, тангутском /Кепинг 1977/, арчинском /А.Е.Кибрик — устное сообщение/ и, отчасти, в йидинь /Dixon 1977/. Хотя во всех этих языках нет залоговых противопоставлений, их количество недостаточно для удовлетворительной надежности соответствующей универсалии.

Из сказанного ясно, что эргативное сочинительное сокращение, т.е. правило, по которому при кореферентности ПН и Дп одно из них может быть опущено, но при кореферентности

II и III такое опущение невозможно, вряд ли может быть сколь-нибудь распространенным и устойчивым в языках мира. Отсюда универсалия:

Ун-ия 9. В любом языке при сочинении глаголов с коррентными II и III существует возможность опущения одного из этих подлежащих.

§ 71. В литературе, однако, утверждалось, что эргативное сочинительное сокращение имеет место в австралийском языке дирбал, описанном Р.Диксоном (Hale 1970; Dixon 1972, 1979; Anderson 1976; Keenan 1976; Van Valin 1977; Comrie 1978; Недялков 1977 и др.). Если это утверждение верно, то дирбал оказывается исключением не только из ун-ии 9, но и из еще по меньшей мере десятка других лингвистических универсалий. Представляется, однако, что вносить дирбал в списки исключений преждевременно. Ниже я попытаюсь показать, что трактовка дирбала как "синтаксически эргативного" языка это не более чем результат своеобразного *qui pro quo* и дирбал на самом деле - вполне "допропорядочный" аккузативный язык, который в рассматриваемых аспектах довольно мало отличается, например, от русского языка (в том числе и по своим правилам сочинительного сокращения)

Предикативная конструкция в языке дирбал

§ 72. Все примеры заимствованы из работ автора единственного грамматического описания языка дирбал Р.Диксона (Dixon 1972, 1979). Глагол в дирбале не согласуется с именными членами. Имена склоняются; существенными для дальнейшего изложения являются три падежа: именительный (Им), "эргативный" (Эр), и дательный (Дат). Переходные глаголы имеют две основные формы с разными моделями управления: форму $\text{-}\emptyset$ и форму $\text{-}\text{pa}\text{u}$. Обе они широко употребительны, но форма $\text{-}\emptyset$ более контекстно-

6. <I+3> *ɲita banaga-nʉɕ /ɔ/ bɪɾal-ŋa-nʉɕ yabu-ɟɕ*
отец=Им возвращаться /и/ видеть=ŋaу мать=Дат
(отец вернулся и увидел мать)

7. /I+4/ *ɲita banaga-nʉɕ /ɔ/ yabu-ɟɕ bɪɾan*
отец=Им возвращаться /и/ мать=Эр видеть=∅

NB : это предложение вполне нормально для дирбала и адекватно переводится русским "отец вернулся и был увиден матерью". Оно никак не соответствует результату, получаемому при проведении соответствующих операций над русскими переводами примеров I и 4: (?) "отец вернулся и мать увидела".

§ 73. Внимательный читатель уже, вероятно, заметил, что все "странности" сочинительного сокращения в дирбале тут же исчезнут, если считать примеры 2 и 4 конструкциями страдательного залога и переводить их соответственно "мать увидена отцом" и "отец увиден матерью". Тогда имя в именительном падеже нужно везде считать подлежащим, имя в дательном — прямым дополнением, а имя в "эргативе" — косвенным агентивным дополнением. Все их существенные синтаксические свойства тогда будут совпадать со свойствами соответствующих членов в русском языке^I, а правила сочинительного сокращения полностью совпадут с русскими правилами. Следовательно:

1. /Поверхностным/подлежащим в дирбале является во всех случаях актанта в именительном падеже.
2. Форма *-ŋaу* является формой действительного залога /ДЗ/, а форма *-∅* — формой страдательного залога /СЗ/.
3. Падеж на *-ɟɕ* назван "эргативным" лишь по недоразумению (по тем же основаниям так можно было бы назвать и русский творительный падеж), так как им нигде не выражается подлежащее.
4. Дирбал не эргативный а чисто аккузативный язык (Дп в дательном падеже), единственное существенное отличие которого от языков типа русского состоит в том, что в нём страдательный залог более контекстно-независим и морфологически более прост, чем действительный.

Нелишне заметить, что, если актанта в номинативе, называемый Р.Диксоном "темой", действительно соответствует теме ти-

^I В частности, имя в "эргативе" в примерах 2 и 4 может быть свободно опущено, давая абсолютно нормальные неэллиптические предложения ("мать была увидена", "отец был увиден"), тогда как опущение имени в номинативе может восприниматься только как контекстуально восполнимый эллипсис.

пичного актуального членения данных предложений, то на основании предложенного здесь определения залогов и членов предложения все эти выводы будут сделаны без всякого обращения к правилам сочинительного сокращения. А правила сочинительного сокращения, закономерности построения тематических цепей и типичный порядок слов <"тема" впереди других членов> в дирбале свидетельствуют о том, что "topic" Р.Диксона вероятнее всего обычно соответствует теме актуального членения.

§ 74. Как это ни удивительно, но все упомянутые в §71 исследователи полностью согласны с первым из выводов § 73, но при этом не делают остальных трех логически с ним связанных выводов, т.е. они считают конструкцию примеров 2 и 4 /§72/ эргативной и относят ее к действительному залогу /ДЗ/, рассматривая конструкцию примера 3 как особую залоговую форму, не имеющую аналогий в европейских языках <"антипассив">.

При такой трактовке, однако, возникает ряд трудностей и просто логических противоречий. Действительно, чтобы прийти к таким выводам, необходимо определять конструкцию предложения по тому, как выражаются его "глубинные", а не "поверхностные" члены <при этом считается, что в примерах I - 4 "глубинные" члены такие же, как "поверхностные" члены русских переводов>. Но тогда конструкцию страдательного залога /СЗ/ европейских языков тоже придется называть эргативной! Ни один из названных авторов, однако, с последним выводом не согласен, поскольку в европейских языках СЗ морфологически сложнее, чем ДЗ, а в дирбале форма -∅ является морфологически наиболее простой из форм переходного глагола.

Последнее рассуждение, однако, неприменимо к большому числу языков. Морфология, - как справедливо указывает

Б.Комри /неопубликованная работа/ — не может служить универсальным тестом для различения залогов хотя бы потому, что во многих языках ДЗ и СЗ каждый характеризуется особым ненулевым показателем. Действительно, что морфологически сложнее: лат. *ornatus* "украшаем" или *ornatur* "украшаемся"?

Трудности и противоречия возникают и если определять "немаркированность" ДЗ как большую частотность или контекстную независимость, поскольку в целом ряде австронезийских, салишских, нилотских языков СЗ более частотен и имеет меньше ограничений на употребление, чем ДЗ.¹ Так, например, в мальгашском изолированное предложение должно предпочтительно иметь конструкцию СЗ /Keenan 1978/.

Критерии различения ДЗ и СЗ, предложенные в данной работе, свободны от всех этих недостатков, так как они не используют ни относительной частотности форм, ни контекстной свободы, ни морфологической сложности, ни сведений о трансформационной производности одной формы от другой. Эти критерии вполне однозначно заставляют сделать именно те выводы, которые приведены в § 73, и данные грамматики Р.Диксона полностью их подтверждают.² Таким образом, дирбал — представитель достаточно многочисленного подтипа аккузативных языков с определенной "гипертрофией" страдательного залога.³

¹В некоторых таких языках (яванские) СЗ по ряду параметров и морфологически проще, чем ДЗ /Отлоблин 1978/.

²Косвенным подтверждением правильности залоговой идентификации форм дирбала в данной работе является, в частности, семантика их производных. От формы $-\emptyset$, *biŋa-n*, образуется *biŋa-ŋi* "увиденный", тогда как от формы $-\eta a u$, *biŋal-ŋa-nŋi*, образуется *biŋal-ŋa-ŋi* "увидевший" /ср. аналогичный тест, применявшийся Ю.Х.Сирком /1975/ для бугийского языка/.

³При этом аккузативом является падеж, названный Диксоном "дательным". Падеж личных местоимений, в котором при форме $-\emptyset$ стоит "тема", являющаяся "глубинным прямым дополнением", (падеж на $-\eta a$), это не аккузатив, а особый падеж подлежащего глагола страдательного залога /"патетив"/, т.к. синтаксические свойства такой "темы" не отличаются от свойств "темы" в именительном падеже.

Страдательный залог /СЗ/, действительный залог /ДЗ/
и эргативная конструкция предложения /ЭК/

§75. При явном сходстве оформления членов предложения в СЗ и ЭК, они совершенно различны синтаксически: в СЗ типичной темой /и, следовательно, подлежащим/ является имя Пациенса, а в ЭК — имя Агенса. Поэтому нет ничего невозможного в наличии особой конструкции СЗ и в тех языках, где в ДЗ имеется только эргативная конструкция, и такие языки не так уж редки /ср. /Храковский 1974/ и примеры в § 83/. Для констатации наличия залоговых противопоставлений ДЗ/СЗ необходимо и достаточно, чтобы некоторое изменение формы глагола и/или модели управления более или менее регулярно сопровождалось изменением актуального членения предложений. Это, однако не означает, что при таком определении нет никаких специфических трудных случаев.

Одним из таких случаев, безусловно, является наличие в языке только одной глагольной формы и модели управления. Эта форма может считаться залогово нейтральной только в том смысле, что ей не противопоставлены другие. Но, поскольку в предложенном определении ДЗ и СЗ идентифицируются независимо друг от друга /см. §§50-52/, вопрос о залоговой принадлежности этой формы должен быть поставлен и решен. Похоже, что во всех таких случаях это решение должно соответствовать ун-ии 8 /§44/, т.е. во всех языках связные тексты устроены так, что имена Агентов тематизируются чаще, чем имена Пациентов. А из этого следует, что единственная форма принадлежит к ДЗ /ср. Кацнельсон 1972:71/ и должна сравниваться не с каким-нибудь, а именно с действительным залогом других языков /что соответствует обычной практике типологии/. В принципе, однако, такое решение должно быть не априорным, а основываться на тех же критериях, что и языках с различ-

ными залоговыми формами.

§ 76. Но как согласуется утверждение о преимущественной тематизации Агенсов с тем фактом, что в языках типа некоторых австронезийских, салишских, нилотских и дирбала СЗ имеет большую частоту и/или контекстную свободу, чем ДЗ? Не свидетельствует ли это о каком-то особом "пассивном" мировосприятии носителей этих языков, как бы рассматривающих все события главным образом "с точки зрения" Пациенсов, а не Агенсов? Думается, что для такого вывода нет достаточных оснований и данное явление объяснимо с помощью менее метафизических соображений.

Ясно, что для некоторой вероятно весьма значительной части предложений связного текста по крайней мере некоторые аспекты актуального членения либо нерелевантны так, первое предложение текста и изолированное предложение не членится на данное и новое и т.п., либо полностью предсказуемы из контекста.

Далее: видимо, в большинстве языков ДЗ и СЗ не вполне идентичны по составу своих видо-временных и модальных форм. Вполне вероятно, что в некотором языке какое-то из этих значений выразимо в одном залоге, но не выразимо в другом.

Наконец, достаточно часты и чисто формальные парадигматические и/или синтагматические ограничения на употребление того или иного залога типа дефектных парадигм и т.п.

Во всех таких случаях коммуникативная мотивированность выбора того или иного залога отсутствует. Вопрос о том, какой же все-таки залог следует употреблять в таких случаях назовем их позициями нейтрализации тогда будет связан либо с чисто формальными правилами типа: "поскольку от русского глагола ждать не образуется СЗ, употребляй всегда ДЗ",

либо с необходимостью выражения дополнительных значений (временных, стилистических и т.п.), либо, наконец, чисто вероятностными правилами для позиций контекстуальной нерелевантности или предсказуемости, специфическими для конкретных языков. В одних языках в таких позициях чаще употребляется ДЗ, в других - СЗ. Преобладание последнего в позициях нейтрализации и создает впечатление "пассивной" ориентации в данном языке. Действием подобных правил и объясняется то, что первое предложение текста или изолированное предложение (например, послышица) в нейтральном стиле в русском или японском должно быть предпочтительно в ДЗ, а в дирбале или мальгашском - в СЗ.

§ 77. Можно привести целый ряд примеров разнообразных ограничений на употребление залогов. Так, в сквамиш СЗ в целом употребительнее, чем ДЗ: при Пациенсе 1-го и 3-го лица СЗ предпочтительнее, а при Пациенсе 2-го лица и Агенсе 3-го лица возможен только СЗ. В шусвап при Агенсе 1-го лица множ. числа в индикативе (но не в императиве) возможен только СЗ. В алгонкинских (реальная картина здесь существенно упрощена) при действии 3-го лица на 3-е возможен и СЗ и ДЗ, при действии 1-го и 2-го лица на 3-е - только ДЗ, а при действии 3-го лица на 1-е и 2-е - только СЗ. В дирбале "эргативный" падеж не образуется от указательных местоимений, поэтому если они имеют семантическую роль Агенса, то возможен только ДЗ/Dixon 1979:120/. В масаи при действии 1-го и 2го лица на 1-е и 2-е возможен только ДЗ. Вообще, имеется определенная тенденция к отсутствию форм для косвенного дополнения агента в СЗ у личных местоимений и их "неохотному" употреблению в данной функции, поскольку именно при актантах - личных местоимениях актуальное членение часто бывает предсказуемым или нерелевантным (см. в этой связи Halliday 1967-68, Givón 1976 и §§ II6-II8 настоящей работы).

Очень часто противопоставление ДЗ и СЗ "догружается" целым рядом дополнительных функций. Так, общеизвестны стилистические функции залоговых противопоставлений в европейских языках. Практические учебники ряда полинезийских языков предупреждают, что одно и то же предложение в СЗ будет звучать "вежливее" или "изысканнее", чем в ДЗ /Marsack 1962/. В индонезийском одна из форм СЗ /формы *di* - глагол-*nja*/ служит показателем связности текста, причем попытки заменить СЗ на ДЗ в таких предложениях информантами отвергаются "... по тем мотивам, что нарушается связь между предложениями, каждое предложение воспринимается как новое, отдельное" /Полозова 1978:272/.

Наличие таких дополнительных функций и возможность вытеснения ими в ходе языковой эволюции основных функций залогов не вызывают особого удивления, поскольку основная функция залогов - выражение актуального членения - во всех языках может, видимо, выражаться и другими способами (в первую очередь меной словопорядка и интонации).

В лингвистической литературе неоднократно отмечалась связь между перфектом (значение действия, обнаруживаемого по его результатам) и СЗ. Происхождение форм перфекта из оборотов со страдательным причастием зафиксировано в очень многих языках. В русском наиболее четко выраженное перфектное значение также наблюдается в формах СЗ (ср. стол накрыт, стакан разбит). Естественно, что если в ходе развития языка форма СЗ становится единственным способом выражения перфекта, а ее модель управления не изменяется, то функция выражения актуального членения может полностью утратиться и тогда перед нами случай, когда в языке имеется ЭК только в прошедших временах (ср. частые переходы перфект → аорист в истории многих языков). Не исключено, что именно этим объясняется наличие ЭК только в прошедших временах и/или временах с перфектным значением в целом ряде языков (грузинский, бурушаски, древний майя, калкатунгу). Во всяком случае именно такой путь исторически засвидетельствован во многих индоиранских языках /Бенвенист 1974; Эдельман 1974; Comrie 1978/. Сходное развитие наблюдается в самоанском, где, согласно Дж.Б.Милнеру, основной функцией "бывшей" формы СЗ сейчас является выражение перфектного значения /Milner 1962/.

§78. Таким образом, при наличии дополнительных значений, выражаемых только в СЗ, для правильной идентификации необходимо выяснить, в какой степени этот СЗ сохранил свою первичную функцию — выражение особого актуального членения. Если эта функция полностью утрачена, приходится констатировать, что перед нами не СЗ, а эргативная конструкция. Но если этот СЗ еще сохраняет специфическое актуальное членение, то даже если ДЗ употребляется гораздо реже и в специфических случаях, наличие ЭК констатировать нельзя.

Нередко встречается ситуация, когда в одном и том же языке ЭК и аккузативная конструкция встречаются одновременно и не распределены дополнительно, как, например, во многих австралийских языках. В них показатели в эргативной конструкции материально родственны показателям СЗ дирбала, а показатели аккузативной — показателям ДЗ дирбала. Однако обе они относятся к ДЗ, поскольку, в отличие от дирбала, они не противопоставлены по актуальному членению (и, в частности, порядок слов в них одинаков). При этом дополнительными значениями "догружена" обычно аккузативная конструкция (например, зна-

чение субъектной версии - см. *Hale 1970*).

Следует заметить, что если в такой ситуации аккузативная конструкция встречается реже эргативной, то принятое здесь определение /§§ 50-52/ не признает ее формой ДЗ (хотя и не отнесет ее к СЗ), поскольку в каждом залоге выделяется только одна - наиболее частотная - форма. Соответственно при такой "аккузативной" конструкции Агенс не может быть признан III, а Пациенс Дп (постольку, поскольку их грамматическое оформление иное, чем в ЭК). Тогда Агенс будет признан ПН, глагол - непереходным, а пациенс - косвенным дополнением. Поэтому саму конструкцию невозможно будет называть "аккузативной". В литературе для подобных случаев предлагался термин "антипассив" /*Van Valin 1977; Comrie 1978; Недалков 1979* и др./.

Сходные отношения между ЭК одного языка и СЗ другого, родственного ему, языка отмечены, помимо австралийской и в других языковых семьях: полинезийских /*Hohepa 1969*/, чукотско-камчатских /*Володин 1974:19*/ . Во всех этих случаях падеж подлежащего ЭК одного языка материально родственен падежу косвенного агентивного дополнения в СЗ другого языка.

История изучения чукотско-камчатских в этом отношении особенно поучительна. Поскольку наиболее изученные из этих языков характеризуются ЭК, то долгое время ительменская конструкция, с падежом Агенса, материально родственным эргативному падежу других языков этой семьи, считалась также ЭК, пока анализ ее синтаксических свойств не показал, что это СЗ /*Володин 1974*/.

§ 79. Сказанное выше отнюдь не означает, что эргативная конструкция во всех языках происходит из СЗ; в литературе имеются убедительные доказательства других возможных путей ее возникновения /*Климов 1974, 1977; Comrie 1978; Dixon 1979*/ . Обсуждение вышеприведенных фактов предпринято с целью показать наличие возможных переходных случаев между ЭК и СЗ, представляющих трудности для правильной идентификации конструкций. Во всех таких случаях окончательное решение может быть принято только путем выяснения преобладающего актуального членения с помощью статистического анализа текстов.

§80. Определенное "послабление" для критерия актуального членения можно, однако, допустить для случаев парадигматиче-

ских "дырочных" ограничений на противопоставления залогов. Если в какой-то форме или у какого-то члена парадигмы возможен только СЗ, то данная форма не должна относиться к ЭК, если в других формах или у других членов парадигмы ДЗ и СЗ противопоставлены и морфологические показатели СЗ одни и те же как там, где есть противопоставление СЗ и ДЗ, так и там, где возможен только СЗ (примеры таких "дырочных" ограничений см. в § 77). Подобное решение является общепринятым для грамматических описаний; оно принято и в данной работе. В частности, глаголы *passiva tantum* считаются принадлежащими к парадигме СЗ; альтернативное решение (считать, что данные глаголы образуют эргативную конструкцию) идет вразрез с грамматической традицией. Поэтому формы типа русск. собравшимися выдвинута резолюция не будут считаться ЭК только на том основании, что их можно счесть временными (перфектными), а не залоговыми (кроме того, значение перфекта, хотя и не так дифференцировано, выразимо в русском языке и в ДЗ).

О классификации конструкций трехчленного СЗ

§ 81. Нижеследующие замечания представляют собой лишь предварительный набросок такой классификации. Последняя не проверялась на всем материале привлеченных к сравнению языков, поскольку основное внимание в данной работе было сосредоточено на способах выражения субъектно-объектных отношений в ДЗ. Можно надеяться, тем не менее, что приводимый опыт классификации сможет, по крайней мере, послужить отправной точкой для более детального исследования.

Классификация проводится отдельно по двум параметрам: 1) выражение подлежащего глагола в СЗ (Псз) и косвенного агентивного дополнения (Дкаг) по сравнению с выражением подлежащего непереходного глагола (Пн) и 2) выражение Псз и Дкаг по сравнению с выражением подлежащего (Пп) и прямого дополнения (Дп) переходного глагола в ДЗ, а также наличие или отсутствие различной маркировки глагола при разных залогах.

§ 82. Классификация по первому параметру.

1. "Индефинитный" СЗ. Все три члена выражены одной и той же формой. Примеры /по крайней мере для выражения именных актантов/: киче, билаан, бугийский, цоцил, майя, сапотек, отчасти индонезийский.



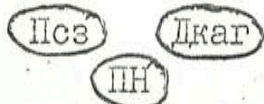
2. "Агентивный" СЗ. Псз и ПН выражены одинаково, но для Дкаг есть особая форма. Это наиболее распространенный тип СЗ. Примеры: русский, латинский и др.



3. "Патетивный" СЗ. Дкаг и ПН выражены одинаково, но для Псз есть особая форма. Встретился только в масаи (Псз - аккузатив (в масаи имя в аккузативе при глаголе СЗ по всем своим синтаксическим свойствам и актуальному членению идентифицируется как подлежащее), Дкаг и ПН - номинатив) и дирбале (личные местоимения: Псз - патетив, Дкаг и ПН - номинатив).



4. "Патетивно-агентивный" СЗ. Все три члена оформлены по-разному. В оформлении именных актантов тип встретился только в дирбале (личные имена: Псз - патетив (факультативно), Дкаг - "эргатив", ПН - номинатив). Этот тип, однако, нередок в глагольном спряжении. Ср. в латинском (презентс индикатива): одна серия личных окончаний для П сз (-or, -ris, -turi и т.д.), другая - для ПН (-o, -s, -t и т.д.) и, наконец, Дкаг в спряжении выражается нулем (∅).

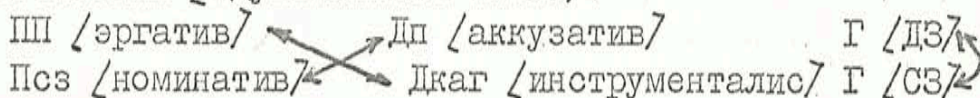


Реализация пятой логической возможности не встретилась.

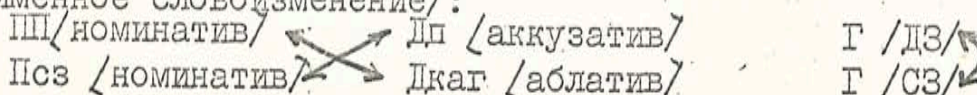
§ 83. Классификация по второму параметру /порядок символов в иллюстративных схемах произволен/.

А. "Глагольный" СЗ. При смене залога изменяется по крайней мере форма глагола.

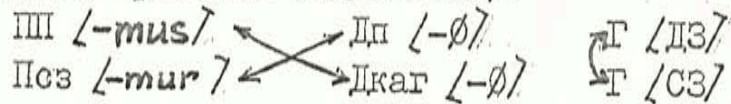
А.1. "Полный" СЗ. Формы всех актантов сигнализируют как об их семантической роли, так и о синтаксической функции. Пример - ассамский /одушевленные имена/:



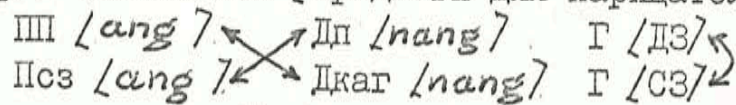
А.2. "Субъектный" СЗ. Формы подлежащих сигнализируют только об их синтаксической функции, но не о семантической роли. Формы не-подлежащих обозначают и то и другое. Пример - латинский /именное словоизменение/:



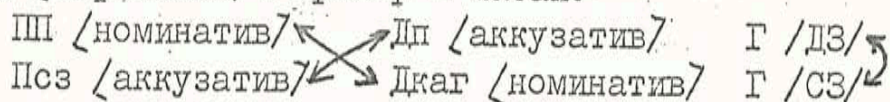
А.3. "Объектный" СЗ. Формы не-подлежащих указывают только синтаксическую функцию /"не-подлежащее"/, но не семантическую роль. Формы подлежащих обозначают и то и другое. Тип встречался только в спряжении глаголов. Пример - латинский /в скобках даны глагольные согласовательные морфемы для I-го лица множ. числа презенса индикатива/:



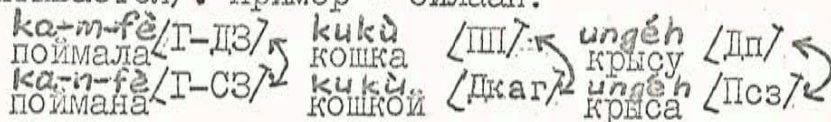
А.4. "Фиксированный" СЗ. Формы всех актантов обозначают только их синтаксическую функцию /"подлежащее" или "не-подлежащее"/ но не семантическую роль. Тип обычно имеет ограниченную дистрибуцию /только некоторые подклассы имен и/или глаголов/. Пример - тагальский /предлоги для нарицательных имен/:



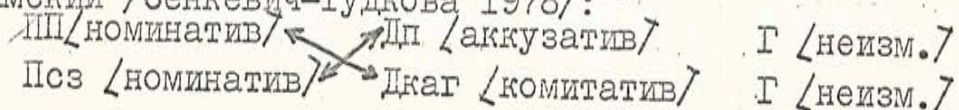
А.5. "Пермутационный" СЗ. Формы всех актантов обозначают только их семантическую роль, но не синтаксическую функцию. Тип встретился только в масаи /склонение и спряжение/ и кхам /спряжение/. Пример - масаи:



А.6. "Индефинитный" СЗ /см. § 82/. Формы актантов не обозначают ни синтаксической функции, ни семантической роли /порядок слов как кодирующее средство в данной классификации не учитывается/. Пример - билан:



Б. "Именной" СЗ. Различие между СЗ и ДЗ выражается изменением формы по крайней мере одного из именных актантов, но форма глагола остается неизменной. Тип встретился в древнекитайском, современном китайском /если совр. кит. *bèi* именной, а не глагольный показатель/, деху /настоящее и будущее время/, индонезийском /небольшой подкласс глаголов/, саамском. Пример - саамский /Сенкевич-Гудкова 1978/:



§ 84. На основании изложенного выше можно дать следующее общее определение залога: залог — это изменение формы глагола и/или его модели управления, статистически коррелирующее с изменением актуального членения предложения. Это определение, в сущности, является модификацией известного определения С.Е.Яхонтова /1974/, однако последнее требует одновременного изменения формы глагола и модели управления и не учитывает актуального членения. Поэтому оно, с одной стороны, не признает "именного" типа СЗ [тип Б, § 83], а с другой стороны, без специальных оговорок может признать залоговым изменение модели управления, вызываемое, например, изменением видо-временной формы глагола.

§ 85. Заканчивая рассмотрение данного круга вопросов, я приведу ряд лингвистических универсалий, так или иначе относящихся к обсуждаемой теме.

Ун-ия I0

В большинстве языков именное и местоименное Псз имеет такое же грамматическое оформление, как и подлежащее глагола состояния и именного сказуемого.

Исключения: дирбал, масаи.

Ун-ия II

В большинстве языков Дкаг занимает относительно глагола в СЗ ту же позицию, что и Дп относительно глагола в ДЗ.

Исключения: ихил, дирбал

Ун-ия I2

Если в доминирующем порядке слов подлежащее предшествует глаголу, то Дкаг занимает относительно Псз такую же позицию, как Дп относительно III.

Ун-ия I2 не случайно содержит оговорку о предшествовании подлежащего глаголу, поскольку во многих языках, где подлежащее обычно следует за глаголом это правило не соблюдается [сквамиш, шусвап, ихил, цоцил, ряд филиппинских языков].

Ун-ия I3

Если существует эргативная конструкция или страдательный залог в непроедших или имперфективных временах, то они существуют и в прошедших или перфективных временах

Данная закономерность (в несколько более узкой формулировке и без статистической проверки) уже отмечалась в лингвистической литературе, см., например, /Comrie 1978:370-374; Dixon 1979:94/.

*Ун-ия I4

Если существует нейтрализация противопоставлений ДЗ и СЗ или эргативной и неэргативной конструкции в формах третьего лица, то такая нейтрализация есть и в формах не-третьего лица.

Ун-ия I5

Если существует трехчленный СЗ, то существует и двухчленный СЗ, получаемый из трехчленного простым опущением Дкаг

*Ун-ия I6

Если в языке есть формы СЗ от непереходных глаголов, то в нем есть СЗ и у переходных глаголов.

Ун-ия I7

В большинстве языков глагольные формы ДЗ морфологически не сложнее форм СЗ.

Исключения: дирбал, некоторые австронезийские /см. Оглоблин 1978/.

Ун-ия I8a

Если ДЗ и СЗ отличаются в оформлении глагола, то соответствующие конструкции различаются и в оформлении хотя бы одного из именных актантов.

Исключения: майя, киче, сапотек, цоцил, билаан, бугийский.

Этот список далеко не полон, но уже из него ясен возмущающий фактор - доминирующий порядок слов с антепозицией глагола (надежность 0,94).

Ун-ия I8б

Если ДЗ и СЗ отличаются по грамматическому оформлению хотя бы одного из именных актантов, то имеются различия и в грамматическом оформлении глагола.

Исключения к этой универсалии перечислены в § 83 (тип Б).

ГЛАВА IV

СПОСОБЫ КОДИРОВАНИЯ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

I. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ИМЕН И МЕСТОИМЕНИЙ

§ 86. Как уже отмечалось (§ 60), однозначная классификация именной конструкции предложения в некотором языке возможна лишь тогда, когда все склоняемые слова данного языка имеют одинаковый набор формально отличающихся падежных форм и никакой падежный показатель не является факультативным. Рассмотрим в качестве примера следующие русские предложения:

1. Мать любит дочь
2. Отец любит сына
3. Мать любит сына
4. Отец любит дочь

В (1) каждый из двух именных членов по своей форме может быть идентифицирован и как III и как Дп, каждый из них, кроме того, не изменяя своей формы может служить и Пн. Таким образом, отнесение конструкции предложения (1) к аккузативной - чистая условность, поскольку в данном случае ситуация аналогична той, которая наблюдается, например, во вьетнамском языке, где конструкция предложения является индефинитной.

В (2) первое имя может быть только III и Пн, а второе - только Дп (возможность служить косвенным дополнением и присвя- зочным членом именного сказуемого здесь не учитывается); кон- струкция - аккузативная.

В (3) первое имя может быть III, Пн и Дп, не изменяя своей формы, но второе - только Дп. Ясно, что такая система отличает-

ся от типичной аккузативной. В чистом виде она встречается во многих алтайских языках.

В (4) первое имя может быть только III или ПН, но второе может быть III, ПН и Дп. Ясно, что подобная система также представляет особый тип (в чистом виде она встречается, например, в нама (готтентотском), ава).

Таким образом, в русском языке необходимо, строго говоря, выделять четыре различные конструкции предложения. Еще большее количество типов необходимо выделять в тех языках, где грамматическое оформление тех или иных именных членов является факультативным. Характеризуя подобное положение в тангутском языке, К.Б.Кеппинг /1977/ отмечает, что "... каждая из конструкций по оформлению одних членов может быть отнесена к номинативному типу, а по оформлению других членов - к эргативному типу".

§ 87. Наиболее простым альтернативным решением является следующее. Каждый язык можно характеризовать по ассортименту грамматически оформленных имен, способных выполнять определенные синтаксические функции, которым этот язык располагает. Так, в русском языке имеются формы типа а) вода, отец, сёстры, дочери, сыновья, которые могут в предложении служить только III или ПН, но не Дп; б) воду, отца, сестер, дочерей, сыновей, которые могут быть только Дп, но не III и не ПН; в) кенгуру, стол, вóды, стола, дочь, которые могут выполнять функцию любого из трех членов предложения: III, ПН или Дп. Зная это, можно предсказать все разновидности конструкций предложения, способные существовать в русском языке.¹⁾

1) С указанием, при необходимости, на синтагматическую несовместимость каких-то форм (см. § 60).

Для тангутского языка, аналогично, выделяются три типа грамматического оформления /Кепинг 1977/: а) имя с аналитическим показателем ndzei vie⁴, функционирующее как III, но не IИ и не Дп; б) имя с послелогом ṭn, служащее Дп, но не III и не IИ; в) имя без грамматических показателей, служащее III, IИ или Дп. Опять-таки, эта информация достаточна для того, чтобы перечислить все возможные в тангутском языке разновидности оформления предложений.

§ 88. В принципе, любой сегмент речевого потока может быть охарактеризован по тем синтаксическим функциям, которые этот сегмент может выполнять. Все сегменты, которые имеют одинаковый набор выполняемых ими синтаксических функций, можно считать принадлежащими к одной и той же синтаксической форме (далее СФ). Однако в данной работе изучались с этой точки зрения только формы существительных и местоимений (то есть не учитывались сочетания двух и более знаменательных слов типа большой кенгуру, прилагательные, наречия и глаголы в функции именных членов предложения). Кроме того, из всех возможных синтаксических функций были избраны только четыре: подлежащее переходного глагола в форме действительного залога (III), подлежащее непереходного глагола действия (IИд), подлежащее непереходного глагола состояния и именного сказуемого (IИс), прямое дополнение переходного глагола в форме действительного залога (Дп).

Сегментом, следовательно, здесь называется существительное или местоимение, состоящее из корня и всех относящихся к нему грамматических и полуграмматических показателей

(аффиксов, предлогов, послелогов, частиц, служебных слов, тоновых контуров, разновидностей внутренней флексии и т.п.). Фонологически совпадающие последовательности, отличающиеся по своему синтаксическому значению, относятся к разным сегментам, то есть разными сегментами считаются такие последовательности, как, например, По́ля (женское имя, им.пад. ед.ч.) и по́ля (род.пад. ед.ч. от поле) или мышь (им.пад. мн.ч.) и мышь (род.пад. ед.ч.).

§ 89. Способность или неспособность некоторого сегмента, по крайней мере в отдельных предложениях, выполнять функции каждого из четырех перечисленных членов (Ш, Шс, Шд, Дп) назовем синтаксической матрицей данного сегмента. Если по крайней мере в одном предложении данный сегмент может служить в качестве данного члена предложения, будем записывать это как +Ш и/или +Шс и/или +Шд и/или +Дп. Если ни в одном предложении данный сегмент не может выполнять функцию данного члена предложения, это записывается соответственно -Ш и/или -Шс, -Шд, -Дп. Приведу примеры синтаксических матриц для русского языка.

<u>Синтаксическая матрица</u>	<u>сегменты, имеющие такую матрицу</u>
+Ш+Шс+Шд+Дп	<u>стол</u> , <u>мать</u> , <u>реки</u> , <u>кенгуру</u>
+Ш+Шс+Шд-Дп	<u>вода</u> , <u>отец</u> , <u>грачи</u>
-Ш-Шс-Шд+Дп	<u>реку</u> , <u>отца</u> , <u>грачей</u>
-Ш-Шс-Шд-Дп	<u>рекой</u> , <u>у отца</u> , <u>грачам</u> , <u>от кенгуру</u> , <u>на стол</u>
+Ш-Шс-Шд-Дп	В русском языке нет примеров

Все сегменты, имеющие одну и ту же синтаксическую матрицу, будем относить к одной и той же синтаксической форме (далее СФ). Более строго СФ можно определить

так: синтаксической формой называется абстракция отождествления всех сегментов всех языков, имеющих одну и ту же синтаксическую матрицу (то есть способных выполнять функции одних и тех же членов предложения из следующего списка: III, Пнд, Пнс и Дп).

§ 90. В своей более ранней работе /Козинский 1979/ я, очень неудачно, называл падежами то, что здесь названо синтаксическими формами. Несмотря на близость основных принципов выделения СФ и падежей, они отнюдь не совпадают, поэтому такое переопределение понятия падеж вносит совершенно ненужную путаницу.

Я далее буду говорить о падежах, только имея в виду специфические словоформы конкретных языков, относимые к тому или иному падежу в конкретных грамматических описаниях этих языков.

Критерии выделения падежей в грамматических описаниях довольно разнообразны и, в основном, являются результатом компромисса между следующими тремя требованиями: а) таблицы склонения должны быть составлены так, чтобы правила управления (выбора той или иной падежной формы) были максимально простыми и одинаковыми для всех слов данного языка; б) структура таблицы склонения (количество и наименования различных падежных форм) должна быть одинакова для всех слов данного языка, как склоняемых, так и несклоняемых; в) следует по возможности избегать выделения категориальных форм падежей, которые у всех или подавляющего большинства слов данного языка формально совпадают с другими категориальными формами. В подавляющем большинстве языков выполнить одновременно все три требования невозможно, поэтому в конкретных грамматиках приходится идти на какой-то компромисс, при этом степень, в которой автор грамматики жертвует

тем или иным из этих требований, весьма индивидуальна. Различные виды компромиссов и характер возникающих противоречий (морфологически несамостоятельные падежи, неполные падежи, слабо дифференцированные падежи и др.) подробно охарактеризованы в работах А.А.Зализняка /1967 и особенно 1974/. Ясно, что ввиду неуниверсальности характера компромиссов даже одинаково называемые падежные формы в грамматиках разных языков (а иногда даже в грамматиках одного и того же языка) становятся несопоставимыми и, следовательно, не могут быть использованы при типологическом изучении языков и формулировке универсалий.

Понятие синтаксической формы (СФ) лишено всех этих недостатков, так как выше приведено универсальное определение. Важным преимуществом СФ является также то, что отнесение сегмента к той или иной СФ совершенно не зависит от характера грамматического оформления имени, являющегося ядром этого сегмента. Известно, что падежами обычно называются только синтетические словоформы, хотя в отдельных случаях к падежам причисляют и имена, оформленные служебными словами, а также предложно-падежные сочетания. При этом грамматические традиции различных языков также не отличаются единообразием и последовательностью.

Т е о р е т и ч е с к и в о з м о ж н ы е с и н т а к - с и ч е с к и е ф о р м ы

§ 91. Поскольку СФ в данной работе определяются на матрице, состоящей всего из четырех различных членов предложения, нетрудно перечислить все теоретически возможные СФ. После этого можно проверить, какие из данных СФ реально встречаются в языках и какие ограничения существуют на совместную встречаемость двух и более различных СФ в одном и том же языке. Ответы на эти вопросы

и будут искомыми лингвистическими универсалиями.

Синтаксическая матрица СФ	Название СФ	Некоторые языки, где встречается данная СФ
1. +ПП+ПНд+ПНс+Дп	СФ индефинитива	русский, вьетнамский
2. +ПП+ПНд+ПНс-Дп	СФ субъектива	русский, масаи
3. -ПП-ПНд-ПНс+Дп	СФ аккузатива	русский, монгольский
4. +ПП-ПНд-ПНс-Дп	СФ эргатива	кус, лакский, баскский
5. -ПП+ПНд+ПНс+Дп	СФ абсолютива	лакский, питянтятяра
6. -ПП+ПНд+ПНс-Дп	СФ интранзитива	ассамский
7. +ПП-ПНд-ПНс+Дп	СФ транзитива	грузинский, чукотский
8. +ПП+ПНд-ПНс-Дп	СФ актива	читимача, бацбийский
9. -ПП-ПНд+ПНс+Дп	СФ статива	понка
10. -ПП-ПНд+ПНс-Дп	СФ №10	нет примеров
11. -ПП+ПНд-ПНс-Дп	СФ №11	нет примеров
12. +ПП-ПНд+ПНс-Дп	СФ №12	нет примеров
13. -ПП+ПНд-ПНс+Дп	СФ №13	нет примеров
14. +ПП-ПНд+ПНс+Дп	СФ №14	нет примеров
15. +ПП+ПНд-ПНс+Дп	СФ №15	нет примеров
16. -ПП-ПНд-ПНс-Дп	Косвенная СФ	существует во всех языках

Названия СФ подбирались так, чтобы они были достаточно близки к традиционной лингвистической номенклатуре падежей или мнемонически представляли матрицу данной СФ. Так, СФ индефинитива без различия выражает все четыре интересующих нас члена предложения. СФ субъектива выражает только подлежащее (любого глагола) но не прямое дополнение, СФ абсолютива ассоциируется с обычным представлением о функциональной нагрузке абсолютного падежа

эргативных языков, а СФ актива и СФ статива - с активным и инактивным (стативным) падежом активных языков. СФ интранзитива выражает только подлежащее непереходного (интранзитивного) глагола, а СФ транзитива - оба важнейших именных члена переходного (транзитивного) глагола: III и Дп. Реально не встретившиеся СФ оставлены безымянными.

§ 92. Внимательный читатель наверняка уже обратил внимание на то, что пока ни разу не встретился такой широко употребительный лингвистический термин как "номинатив". В действительности под этим термином могут скрываться различные СФ. Анализ грамматических описаний, где употребляется этот термин, позволяет прийти к выводу, что им обозначаются в различных языках или в одном и том же языке формы, соответствующие СФ индефинитива, субъектива, абсолютива, интранзитива и статива (№№ I, 2, 5, 6, 9). Матрицы этих СФ имеют только одно общее место: везде в них стоит знак "+" перед Пнс. Действительно, все эти СФ имеют общие свойства: они, как правило, выражаются только нулевым грамматическим оформлением и в системе словоизменения представляют собой семантически и грамматически немаркированные элементы. Неудивительно, поэтому, что целый ряд универсалий относится к области противопоставления некоторых СФ любой из вышеперечисленных СФ (безразлично какой). Раз так, то удобно иметь для этих СФ общее название: СФ н о м и н а т и в а. Таким образом, С Ф н о м и н а т и в а - это сегмент, который способен выражать по крайней мере подлежащее непереходного глагола состояния. Его синтаксическую матрицу естественно записать так: $\pm\text{III}\pm\text{Пнд}+\text{Пнс}\pm\text{Дп}$. Следует только помнить, что понятие "СФ номинатива" никакого самостоятельного теоретического значения не имеет, а служит

лишь удобным сокращением для выражения: "СФ индефинитива и/или СФ субъектива и/или СФ абсолютива и/или СФ интранзитива и/или СФ статива".

§ 93. Действительно, было бы ошибкой считать СФ номинатива какой-то особой 17-ой СФ или обозначением "омонимии" нескольких СФ. Выражение типа: "В данном языке СФ X совпадает с СФ У" при принятом здесь определении понятия "синтаксическая форма" бессмысленно. Из самой процедуры определения СФ следует, что любой сегмент любого языка принадлежит к одной и только одной из перечисленных 16-ти синтаксических форм.

Естественно, что это утверждение не может считаться универсалией, так как оно следует из процедуры выделения СФ, а не из эмпирических наблюдений. В самом деле, любой сегмент либо способен употребляться в функции одного или нескольких из перечисленных членов предложения /III, IIIд, IIIс, Дп/ — и тогда он принадлежит к одной из СФ №№ I—15, либо не способен употребляться в функции ни одного из них, — и тогда он принадлежит к СФ № 16; *tercium non datur*.

СФ номинатива и остенсивное определение
/форма названия предмета/

§ 94. Помимо функции "быть подлежащим по крайней мере непереходного глагола состояния" в традиционном представлении о номинативе присутствует еще одно его свойство "быть формой названия предмета вне предложения". Это та форма, в которой предмет называется в ответ на слово-стимул другого языка или в ответ на неязыковой стимул /жест, указывающий на предмет/.

Эмпирическая проверка показывает, что такое совмещение функций действительно имеет высокую статистическую вероятность, а именно:

*ун-ия I9

В подавляющем большинстве языков форма оstenсивного определения (называния предмета) принадлежит к СФ номинатива

Исключения: масаи, майду (не все диалекты), сомали (не все существительные), а также все или большинство языков, где СФ номинатива оформляется обязательным аналитическим показателем: абак, капампанг, сама бангинги, самал, таусуг, тернате,¹⁾ ряд полинезийских языков²⁾

Я вынужден предупредить читателя, что очень возможно, что некоторые из перечисленных языков (кроме масаи, сомали и майду) исключениями не являются, так как заключения о них сделаны по косвенным данным. Дело в том, что подавляющее большинство грамматических описаний совершенно не упоминают того, какая из форм имени служит формой оstenсивного определения. Очень похоже, также, что на самом деле этот список исключений может быть значительно расширен. Важно, что ун-ия I9 отнюдь не является тривиальной, как это может показаться на первый взгляд, именно потому, что связь "номинатива" и формы оstenсивного определения во все не является свойством всех без исключения языков.

В языках, перечисленных в данном списке, противопоставлены СФ субъектива и СФ аккузатива, причем форма оstenсивного определения совпадает с СФ аккузатива.

В масаи данное противопоставление реализуется различными тоновыми контурами на существительном. При назывании предмета вне предложения тоновой контур на существительном идентичен тоновому контуру СФ аккузатива.

¹⁾ /Constantino 1965/.

²⁾ /Hohera 1969/.

В майду СФ субъектива характеризуется суффиксом -m, для выражения СФ аккузатива используется чистая основа без суффиксов. В качестве остенсивного определения используется чистая основа в одних идиолектах (у старшего поколения) и форма с суффиксом -m - в других [Shipley 1964]

Аналогично майду устроено именное словоизменение в еще одном американском языке - юма. В обоих языках СФ субъектива имеет ненулевой и обязательный суффикс, СФ аккузатива - чистая основа. К сожалению, в использованном описании юма ничего не говорится о форме остенсивного определения /Halpern 1946/.

В упомянутых филиппинских языках (абак, капампанг и др.) как подлежащее, так и прямое дополнение обязательно маркируется предлогами. Однако в одном случае (при порядке слов ГДП) предлог прямого дополнения опускается [Constantino 1965]. Таким образом форма без предлога может быть отнесена к СФ аккузатива. Эта же форма является и формой остенсивного определения.

§ 95. В таком языке, как тагальский, где и подлежащее и прямое дополнение маркированы предлогами, как кажется, во всех случаях, форма остенсивного определения, видимо, совпадает с формой имени в функции именного неопределенного сказуемого; ср.

tumakbo¹ ang²bata³ "ребенок^{2,3} бежал^I"

ang¹ bata² ang³tumakbo⁴ "этот^I ребенок² и был⁴ тем³ кто³ бежал⁴"

bata¹ ang²tumakbo³ "бежавший^{2,3} был ребенком^I"

doktor¹ si²Pedro³ "Педро^{2,3} - врач^I"

bata "ребенок"; Pedro "Педро"; doktor "врач" ("словарные" формы).

В тех немногочисленных случаях, когда один из именных членов предложения не маркирован предлогом, принятое здесь определение членов предложения не признает этот член ни подлежащим, ни прямым дополнением, так как в эталонных предложениях эти члены в тагальском всегда маркированы. Пример такого случая:

walang¹ mais² sa³ palengke⁴ "отсутствует¹ кукуруза² на³ рынке⁴"

Здесь mais "кукуруза" не может считаться ни подлежащим (так как не имеет предлогов ang~si) ни прямым дополнением (так как отсутствуют показатели последнего - предлоги nang~kay). Все примеры заимствованы из / Ramos 1971/.

Таким образом, в языках, подобных тагальскому, форма оstenсивного определения может не совпадать ни с СФ субъектива, ни с СФ аккузатива.

§ 96. Видимо, форма оstenсивного определения по большей части совпадает с чистой основой имени. Однако в ряде языков это не так. В некоторых говорах майду, как уже говорилось, оstenсивным определением служит форма с ненулевым окончанием. В аккадском языке форма с нулевым окончанием может служить именным сказуемым, тем не менее в качестве "словарной формы" приводится форма именительного падежа (СФ субъектива) с ненулевым окончанием.

Несовпадение формы названия и СФ номинатива можно в некоторых случаях предполагать и на ранней стадии развития романских языков. Известно, что большинство существительных в этих языках восходят к латинскому винительному (а не именительному) падежу. Однако именительный падеж продолжал некоторое время противопоставляться винительному как СФ субъектива/СФ аккузатива, например в старофранцузском. Возможно, что при этом СФ аккузатива приняла на

себя функции оstenсивного определения раньше, чем исчезли морфологические различия этих форм¹.

§ 97. Характерно, что когда в данном языке и/или в данном существительном форма оstenсивного определения не совпадает с формой подлежащего, наблюдается специфическая картина словоизменения, а именно

*Ун-ия 20

Если у некоторого существительного форма оstenсивного определения не совпадает с одной из СФ, объединяемых термином "СФ номинатива", то у данного существительного существуют противопоставление "СФ субъектива/СФ аккузатива" и отсутствует СФ индефинитива.

Ун-ия 21

Если у некоторого существительного имеется СФ индефинитива, то форма оstenсивного определения совпадает с этой СФ.
Исключение: нама (готтентотский).

В нама противопоставлена форма без окончания, способная быть только подлежащим (СФ субъектива), форме с окончанием -а, способной быть как подлежащим, так и прямым и косвенным дополнением (СФ индефинитива). В использованном описании / *Tindall 1857* / нет эксплицитно сформулированных правил о форме оstenсивного определения, но судя по приводимым "словарным формам" имен - это скорее форма без окончания, то есть СФ субъектива.

§ 98. Существенно, что ни в одном языке не обнаружено совпадение формы оstenсивного определения с синтаксическими формами, выступающими только в функции III и/или IИд, откуда универсалия:

Ун-ия 22

Форма оstenсивного определения всегда совпадает с СФ номинатива, и/или СФ аккузатива, и/или с косвенной СФ № 16.

¹ Интересно, в этой связи, что в латыни один из случаев абсолютного употребления имен требует именно винительного падежа (*accusativus exclamatioms*; ср. *O me miserum!* и т.п.).

Иначе говоря, эта форма никогда не совпадает с СФ эргатива, транзитива или актива.

А с с о р т и м е н т с и н т а к с и ч е с к и х ф о р м
и о г р а н и ч е н и я н а и х р а з н о о б р а з и е

§ 99. Из перечня синтаксических форм (§ 91) видно, что СФ № 10-15 не встретились ни в одном языке. Это свидетельствует о том, что на форму синтаксических матриц имеются определенные ограничения, а именно:

Ун-ия 23

Если выражение Дп и выражение Пнд входят в число синтаксических функций некоторого сегмента, то в число синтаксических функций этого сегмента входит и выражение Пнс

Эта универсалия запрещает безымянные СФ № 13 и 15.

Ун-ия 24

Если выражение Пп и выражение Пнс входят в число функций некоторого сегмента, то в число его функций входит и выражение Пнд

Эта универсалия запрещает безымянные СФ № 12 и 14.

Ун-ия 25

Если в число синтаксических функций сегмента не входит выражение ни Дп, ни Пнд, то в это число не входит и выражение Пнс

Эта универсалия запрещает безымянные СФ № 10 и 12.

Ун-ия 26

Если в число синтаксических функций сегмента не входит выражение ни Пп ни Пнс, то в него не входит и выражение Пнд

Эта универсалия запрещает безымянные СФ № 11 и 13.

§ 100. Если допустить небольшое число исключений, то вместо этих четырех универсалий можно обойтись двумя, точнее одной уни-

версалией - эквиваленцией. Я все же сформулирую прямую и обратную импликации отдельно, так как список исключений к ним не вполне идентичен:

Ун-ия 27

Если в число синтаксических функций сегмента входит выражение ПНс, то в их число входит и выражение ПНд
Исключения: понка.

Ун-ия 28

Если в число синтаксических функций сегмента входит выражение ПНд, то в их число входит и выражение ПНс
Исключения: понка, бацбийский, читимача.

Бацбийские исключения относятся только к словоформам личных местоимений I-го и 2-го лица. Используемое в данной работе описание /Ю.Д.Дешериев 1953/ выделяет у этих местоимений, как и у существительных два падежа: эргативный и номинативный. Однако, если у существительных это противопоставление соответствует противопоставлению СФ эргатива/СФ индефинитива (не абсолютива, так как бацбийский номинатив может употребляться и как III!), то у личных местоимений эргативный падеж является СФ актива, так как он употребляется и при переходных глаголах действия (главным образом, глаголах движения), в отличие от эргативного падежа существительных. Номинативный падеж как имен, так и местоимений может употребляться в качестве III при всех глаголах, по крайней мере если глагол образует перифрастические формы со связкой. Поэтому бацбийский не исключение к ун-ии 27.

В читимача /Swadesh 1946/ имеется факультативный показатель подлежащего, который употребляется только при переходных глаголах и переходных глаголах действия, то есть имя или мес-

тоимение с таким показателем - это СФ актива. Без показателя имя и местоимение может иметь любую синтаксическую функцию, то есть это СФ индефинитива.

В понка [*F. Boas, J. Swanton 1969 (1911)*] имеется сложная система препозитивных именных "артиклей" - классификаторов, обозначающих форму, число и расположение предметов и лиц. Для одушевленных существительных эти же классификаторы обозначают и синтаксическую роль соответствующего имени, напр. ama' "множ. число, ПП или ППд" и ma "множ. число, ПНс или Дп". Соответственно имя с первым показателем является СФ актива, а со вторым - СФ статива. Понка является единственным из рассмотренных языков, где обнаружена последняя СФ.

§ 101. Следует отметить, что практически в каждом эргативном языке существует сравнительно небольшое число непереходных глаголов, требующих в качестве своего "подлежащего" эргативного падежа имени. Однако лишь в немногих языках эти глаголы в семантическом отношении могут быть действительно объединены в особый класс глаголов действия. Критическим параметром является количество глаголов произвольного движения в этой группе. Если большинство таких глаголов данного языка оказываются в группе, требующей эргативного падежа одного из актанта, тогда определение подлежащего признает этот актант особой разновидностью подлежащего (§531), а соответствующий падеж будет признан СФ актива (§ 91). В противном случае, если, как это обычно бывает, в группе непереходных глаголов, требующих эргативного падежа, окажется сборная селянка из глаголов типа "смеяться", "чихать", "кашлять", "кричать", то определение не признает существи-

тельное-агенса в эргативном падеже подлежащим таких глаголов и, соответственно, этот падеж не будет признан СФ актива.

В ряде языков имеется факультативный показатель СФ субъектива (ава, помо, боро, уаффа, каморо и др.). Не исключено, что частота употребления этого показателя зависит от переходности-непереходности и/или от принадлежности глагола к глаголам действия или состояния. В случае, если в каком-либо из этих языков существует достаточно представительная группа непереходных глаголов, при которых употребление такого показателя невозможно и в числе которых нет глаголов произвольного движения, то тогда формы с данным показателем следует относить не к СФ субъектива, а к СФ актива. Тем не менее сведения о чем-либо подобном в использованных грамматических описаниях отсутствуют, поэтому у меня не было оснований причислять именованное словоизменение этих языков к активному типу.

О г р а н и ч е н и я н а в о з м о ж н о с т ь
с о с у щ е с т в о в а н и я о т д е л ь н ы х С Ф в
о д н о м и т о м ж е я з ы к е

§ 102. Нетрудно заметить, что СФ можно сгруппировать в согласованные пары, где у одной из СФ знаки "+" и "-" противоположны этим знакам у второй СФ. Такими парами являются: СФ субъектива (+III+IIId+IIIs-Dp) и СФ аккузатива (-III-IIId-IIIs+Dp); СФ эргатива и СФ абсолютива (соответственно: +III-IIId-IIIs-Dp и -III+IIId+IIIs+Dp), СФ транзитива и СФ интранзитива, СФ актива и СФ статива, и наконец СФ индефинитива и косвенная СФ № 16 (см. § 91). Как будет показано ниже, взаимоотно-

шения СФ внутри пар весьма разнообразны и, если в одних парах наличие одной СФ предполагает наличие второй, то в других парах одна из них исключает другую.

§ 103. В паре СФ индефинитива /косвенная СФ последняя, как уже говорилось, имеется во всех языках. Действительно, как будто в любом языке есть именные словоформы, маркированные так, что ни в одном предложении они не могут быть ни подлежащим ни прямым дополнением (различные косвенные дополнения и обстоятельства). Возможным исключением является только древнекитайский язык /С.А.Старостин - устное сообщение/, так как в нем как будто все дополнения - прямые; эта точка зрения, однако, не является общепринятой.

§ 104. Отличительной особенностью СФ индефинитива также является ее всеобщее распространение. Во-первых, имеется много языков, где эта СФ является единственным средством выражения как подлежащего, так и прямого дополнения (вьетнамский, абхазский, руанда,¹⁾ кавава, чатино, тиви, сирiono и др.). Во-вторых, в очень многих языках, в которых выражение субъектно-объектных отношений распределено между двумя или более синтаксически различными СФ, в парадигме словоизменения ряда существительных или в правилах употребления различных слов при тех или иных синтагматических условиях "предусмотрено" неразличение всех субъектно-объектных членов предложения (словоформы типа стол, окно, мышь в русском, латинском и др. языках). В-третьих, даже в тех языках, где все исконные имена во всех случаях различают синтаксические функции, возможно употребление недавних заимствований, варваризмов, а также неизменных частей речи типа наречий,

¹⁾ /Е.З.Дубнова - устное сообщение/.

инфинитивов глаголов и т.п. В роли подлежащего и дополнения без характерной для имен маркировки. Тем не менее, похоже, что в некоторых языках третий случай практически не встречается, в особенности в таких языках, где члены предложения маркируются обязательными аналитическими показателями (тагальский и другие филиппинские). Сведения на этот счет в грамматиках обычно не приводятся, поэтому единственное, что можно наверняка сказать об исключениях из универсалии 29 - это, что даже если они есть, их очень немного:

Ун-ия 29

В подавляющем большинстве языков существует СФ индефинитива.

Другая особенность СФ индефинитива - это то, что она обычно выражается только нулевыми алломорфами:

Ун-ия 30

В подавляющем большинстве языков в числе показателей СФ индефинитива есть нулевые или эта СФ имеет только нулевые показатели

Исключения: нама, туника.

О языке нама уже говорилось (§ 97); напомним, что в нем СФ индефинитива имеет ненулевые, а СФ субъектива - нулевые показатели.

В туника / Naas 1946/ существительные имеют ненулевые суффиксы рода-числа, которые, однако, употребляются только при именах, играющих роль подлежащего или прямого дополнения. Следовательно, эти суффиксы необходимо признать ненулевыми показателями СФ индефинитива (другими средствами именные III, ПН и Дп в языке туника не различаются).

§ 105. В согласованной паре СФ субъектива/СФ аккузатива обе СФ, как правило, взаимообусловлены, а именно:

Ун-ия 31

Если в именном словоизменении существует (обязательная или факультативная) СФ субъектива, то в нем есть (обязательная или факультативная) СФ аккузатива.

Исключения: нама, ава, каморо,

В этих трех языках Дп выражается СФ индефинитива, а СФ субъектива во всех случаях факультативна. Ясно, что если СФ субъектива обязательна по крайней мере для одного существительного (т.е. это существительное всякий раз, будучи подлежащим, принимает эту синтаксическую форму), то у него не может не быть СФ аккузатива. В то же время, если СФ субъектива всегда факультативна (монгольский, помо, боро, уаффа и др.) или если отдельные синтагматические условия требуют выражения подлежащего через СФ индефинитива, а не субъектива, то, по крайней мере у некоторых существительных, есть и СФ аккузатива.

Указанные языки-исключения являются таковыми, если рассматривать только их именное словоизменение. Если же принимать во внимание самостоятельные личные местоимения, то эти языки исключениями не являются. Формы личных местоимений этих языков различают СФ субъектива и СФ аккузатива.

§ 106. Ун-ия 32

Если в языке существует СФ аккузатива, то в нем существует и СФ субъектива.

Число исключений к этой универсалии довольно велико и точное их количество определить затруднительно. Поэтому попытаемся сначала представить себе, как должен быть устроен язык, который был бы исключением к этой универсалии.

Первый случай - это язык, в котором существуют две синтаксические формы: СФ аккузатива и СФ индефинитива, причем первая факультативна у всех имен и местоимений. Случай факультативности СФ аккузатива для всех имен, независимо от их лексико-грамматического класса, определенности и синтагматических условий отмечены только в языках уаффа и бандяланг. Однако и в этих языках СФ аккузатива обязательна для личных местоимений. В очень большом числе языков (тюркские, монгольские, амхарский, гуарани и др.) употребление факультативной СФ аккузатива зависит от одушевленности и/или определенности прямого дополнения. Но в этом случае личные местоимения и некоторые разряды существительных, например личные имена, являются всегда определенными и одушевленными. Следовательно для них СФ аккузатива является обязательной, вследствие чего у них имеется и СФ субъектива.

Второй случай - это наличие правила, по которому прямое дополнение в некоторых чисто формальных синтагматических условиях выражается вместо винительного падежа именительным. Поскольку именительный падеж, по крайней мере в этих случаях, обозначает помимо подлежащего еще и прямое дополнение, его приходится считать СФ индефинитива, а не СФ субъектива, и такой язык будет исключением к ун-ии 32.

Именно такое положение существует в эстонском (и многих других финно-угорских). Здесь прямое дополнение при некоторых глагольных формах (в императиве) ставится в том же падеже; что и подлежащее - именительном, тогда как при других формах глагола Дп ставится в родительном или партитивном падеже. Следовательно, форма именительного падежа является СФ индефинитива, а

формы родительного и партитивного - СФ аккузатива (принятое определение подлежащего, видимо, не признает т.н. "подлежащего" в партитиве, - ср. эст.: kappis¹ on² leiba³ "в^I шкафу^I есть² хлеб³", tassis¹ on² piima "в^I чашке^I есть² молоко³", - подлежащим, в противном случае партитив также нужно будет классифицировать как СФ индефинитива).

Похожая картина - в языке хопи, где нормальной формой Дп является винительный падеж (СФ аккузатива), но при глаголе в императиве для именного дополнения употребляется именительный падеж. Хопи, однако, не является исключением, так как местоименное дополнение ставится в винительном падеже и в императиве, то есть у местоимений существует как СФ аккузатива, так и СФ субъектива.

На первый взгляд может показаться, что еще одним исключением к универсалии 32 является грузинский язык. В грузинском Дп при глаголах в настоящем времени ставится в дательном падеже, тогда как при других временных формах (аористных и перфектных) - в именительном, который, кроме того, выражает подлежащее непрерывных (во всех временах) и переходных (в презенсной серии времен) глаголов. Следовательно, в грузинском нет СФ субъектива, и именительный падеж является СФ индефинитива. Однако дательный падеж не является СФ аккузатива, так как в перфектной (результативной) серии времен именно в этом падеже ставится подлежащее переходного глагола. Следовательно грузинский дательный падеж является СФ транзитива (+III-IIIд-IIIс+Дп), а грузинский язык не является исключением к ун-ии 32.

§ 107. Во многих языках СФ аккузатива помимо выражения прямого дополнения имеет целый ряд других функций. Во-первых, в некоторых языках роль СФ аккузатива выполняют формы таких падежей как родительный или дательный, то есть именные формы, выражающие косвенные дополнения (адресата, бенефициата и т.п.), определения и обстоятельства. В соответствии с установившейся кавказоведческой терминологией (ср. "совмещающий эргатив" - "самостоятельный эргатив") такую СФ аккузатива уместно называть "совмещающей".

Анализ поведения СФ аккузатива в различных языках свидетельствует, что эта СФ почти всегда "догружена" дополнительными функциями, а именно: практически во всех обследованных языках имеются указания на возможность выражения этой формой обстоятельств времени и (несколько реже) места и направления; ср. русск. спал неделю, работал всю жизнь, лат. eo Roman и т.п.

Это свойство СФ аккузатива можно объяснить так. Поскольку типичным значением прямого дополнения является актант, семантическая роль и сама возможность наличия которого предсказываются значением глагола и, в то же время, Дп обыкновенно является наиболее информативным элементом предложения, неудивительно, что в форме, аналогичной форме Дп, ставится и обстоятельство времени, которое также в определенных речевых ситуациях может быть самым предсказуемым и одновременно самым информативным членом практически при любом глаголе.

Поэтому маркировка обстоятельства времени связана не только с СФ аккузатива, но и вообще со всеми СФ, в число функций

которых входит выражение Дп, то есть СФ индефинитива, СФ абсолютива и СФ статива.

§ 108. Внешнее сходство Дп и обстоятельства может в отдельных языках заходить очень далеко. Так, выбор падежа обстоятельства времени в финском почти в точности повторяет правила выбора падежа Дп, ср. примеры, приводимые в этой связи А.Соважо /*Sauvageot 1971*/: Odottakaa¹ hetki² "подожди¹ минутку²" (hetki в именит. падеже, требуемом формой императива для Дп); He¹ liikuivat² kotvasen³ ääneti⁴ "они¹ шли² некоторое время³ молча⁴" (kotvasen в генитиве; ср. с тем что говорилось выше (§ 106) о формах Дп в эстонском). В последнем случае можно превратить kotvasen, подобно истинному Дп, в нечто вроде подлежащего "пассивного" глагола: Ajeltiin¹ kotvanen² /имен.пад./ ääneti³ букв. "некоторое время² ехало(сь)¹ молча³". Вряд ли, однако, можно согласиться с мнением А.Соважо, будто эти и другие подобные примеры доказывают, что сама категория прямого дополнения "...est suggérée par des démarches de l'esprit qui n'ont rien à voir en elles-mêmes avec le phénomène linguistique". Простейшая формальная проверка (например, замена на местоимение) позволяет легко отличить истинное Дп от похожего на него обстоятельства (см. § 29; 5.2). Всеобщее распространение этого явления позволяет сформулировать следующую универсалию:

Ун-ия 33

В подавляющем большинстве языков формы, служащие для выражения прямого дополнения, могут употребляться также и для выражения обстоятельств, в особенности обстоятельств времени, причем в этом случае их употребление не зависит от переходности или непереходности глагола-сказуемого.

Почти-исключением из этой универсалии является язык питянтятяра и, возможно, некоторые другие близкородственные ему языки западной Австралии (гугадя, вальбири и др.). В питянтятяра обстоятельства (времени, места, образа действия и др.) в предложениях со сказуемым - непереходным глаголом по форме совпадают с СФ абсолютива, которой выражается и именное Дп, но при сказуемом-переходном глаголе эти обстоятельства совпадают по форме с СФ эргатива. В принципе, эта система довольно близка к финской, с тем отличием, что финские обстоятельства заимствуют форму Дп, а обстоятельства в питянтятяра заимствуют форму подлежащего.

§ 109. Общим признаком многих языков является совпадение СФ аккузатива с формой выражения косвенного дополнения адресата при глаголах типа "давать", "посылать" (что кому). Массовая распространенность этого явления позволяет предположить здесь действие целого ряда универсалий, из которых я сейчас сформулирую только одну (прочие пока еще не проверены).

Ун-ия 34

Если некоторая СФ способна выражать косвенное дополнение адресата и подлежащее непереходного глагола, то эта СФ способна выражать и прямое дополнение.

§ 110. Как уже говорилось, употребление СФ аккузатива иногда бывает связано с наличием дополнительного значения определенности у имени, являющегося Дп:

Ун-ия 35

Если неопределенное прямое дополнение ставится в СФ аккузатива, то в этой же СФ ставится и определенное Дп
Исключение: немепу

В немепу суффикс, маркирующий СФ аккузатива (а также ряд косвенных дополнений), имеет также значение неопределенной при-

надлежасти ("чейто", "какой-то"). Определенное Дп ставится в СФ индефинитива (с нулевым оформлением).

Дополнительное значение определенности показатель аккузатива имеет, например, в хакасском, амхарском, брагуи и многих других языках.

В монгольском, сора, румынском, гуарани и многих других показатель СФ аккузатива имеет дополнительное значение одушевленности; иначе говоря, СФ аккузатива употребляется преимущественно от одушевленных существительных.¹⁾

Во многих языках показатель СФ аккузатива в своем употреблении учитывает оба параметра: одушевленность и определенность имени. Это и неудивительно, так как в связном тексте одушевленные имена нормально оказываются и определенными:

Ун-ия 36

Если противопоставление СФ аккузатива/СФ номинатива имеется у неодушевленных имен, то такое же противопоставление есть и у одушевленных имен.

Напомню, что "СФ номинатива" - это сокращенное название для любой СФ, выражающей по крайней мере подлежащее глагола состояния.

К ун-ии 36 есть одно почти-исключение: язык лингала. В нем существует местоимение yango заменяющее только названия неодушевленных предметов в функции прямого дополнения. Все прочие именные и местоименные формы лингала употребляются как в функ-

1) Наличие такой тенденции впервые отмечено О.Есперсеном: "... В разных языках различие между этими двумя классами /одушевленными и неодушевленными существительными - И.К./ отражается в передаче дополнения, но поскольку средства, с помощью которых это достигается, совершенно различны, здесь, очевидно, проявляется черта, которая коренится в общности психологии людей во всем мире" /Есперсен 1958 (1924): 278/.

ции подлежащего, так и прямого дополнения, сохраняя неизменную форму /Топорова 1973/.

§ III. Среди стандартных лексико-грамматических классов максимум одушевленности и определенности приходится на личные местоимения, в особенности, местоимения I-го и 2-го лица, а также 3-го лица класса лиц. Соответственно, противопоставление СФ аккузатива/СФ номинатива существует в них даже в тех языках, где все прочие слова имеют одно и то же оформление в функции подлежащего и дополнения. При этом в большинстве случаев в личных местоимениях противопоставлены СФ аккузатива и СФ субъектива, то есть оппозиция является контрадикторной, даже если у существительных имеется лишь партициптивная оппозиция (например, СФ аккузатива/СФ индефинитива) или оппозиция вообще отсутствует. Это свидетельствует о существовании следующей универсалии:

Ун-ия 37

Если противопоставление СФ аккузатива/СФ номинатива имеется у существительных, то оно имеется и у самостоятельных личных местоимений данного языка (хотя бы в одном из них).

И с к л ю ч е н и е: нганасанский

Нганасанский является единственным настоящим исключением из этого правила, так как в нем в функции III, ПН и Дп употребляется одна и та же форма личных самостоятельных местоимений, тогда как в склонении существительных формы для подлежащего и для прямого дополнения четко различаются.

Гораздо чаще встречается противоположный случай: когда СФ аккузатива существует только у личных местоимений, а у существительных отсутствует. Обычно это происходит при разрушении древней падежной системы, когда СФ аккузатива, начисто утраченная именами, продолжает сохраняться в личных местоимениях

(английский, норвежский, румынский и др.). Однако, в некоторых случаях можно заподозрить, что такое положение является скорее инновацией, чем архаизмом (йоруба, китайский). Так, в китайском личное местоимение, будучи прямым дополнением, меняет свой этимологический тон на редуцированный /А.А.Драгунов 1952/: *mǎi zhǐ* "купить бумагу", *mǎi ta* "купить ее", где ровный тон *tā* "он, она, оно" меняется на редуцированный *ta* "его, ее". Следует сказать, что в определенных условиях СФ аккузатива маркируется в китайском предлогом *bǎ* как у имен, так и у местоимений, но личные местоимения имеют особую форму СФ аккузатива (выражающуюся в изменении тона) в тех случаях, когда этот предлог вообще не употребляется, ср. приведенный пример. Невероятно, чтобы это явление каким-то образом было связано с различиями синтаксических функций личных местоимений древнекитайского языка /Ахонтов 1965; Крюков 1973/; скорее это инновация, вызванная фонетическими причинами.

Почти-исключением к данной универсалии является грузинский язык, где (в презенсной серии времен) форма Дп отличается от общей формы ПН и ПШ у существительных, но совпадает у личных самостоятельных местоимений 1-го и 2-го лица. Но формально грузинский - не исключение, поскольку в нем СФ аккузатива вообще отсутствует, а форма, выражающая прямое дополнение в презенсной серии времен, является СФ транзитива (см. § 106).

Существует несколько не вполне ясных случаев, когда подлежащее может выражаться самостоятельным личным местоимением, а прямое дополнение - не может, то есть для его выражения используются только несамостоятельные формы: глагольные клитики

и аффиксы объектного спряжения. При таком описании системы синтаксических функций личных местоимений приходится считать, что они имеют неполную парадигму, то есть у них вообще нет формы, которая могла бы выразить прямое дополнение. Однако, поскольку форма для подлежащего в этих случаях не может выражать Дп, здесь условно считается, что Дп выражается "нулевой формой" самостоятельного личного местоимения, дублируемой глагольными объектными аффиксами или клитиками. Второй вариант - включение в парадигму словоизменения личного местоимения на равных правах как самостоятельных словоформ, так и аффиксов (клитик) - кажется менее естественным. В любом случае, однако, констатируется наличие противопоставления СФ аккузатива/СФ номинатива.

Иногда СФ аккузатива у самостоятельных личных местоимений существует даже в языках, где у имен наблюдается чисто эргативная система словоизменения. Так, в языке питянтятяра (и многих других австралийских языках) у имен противопоставлены СФ эргатива (+III-III-Дп) и СФ абсолютива (-III+III+Дп), СФ аккузатива отсутствует. У самостоятельных личных местоимений (и аффиксов личного спряжения глагола) отсутствует СФ эргатива, а противопоставлены СФ аккузатива (-III-III+Дп) и СФ субъектива (+III+III-Дп).

Интересно, что при этом показатель СФ субъектива у личных местоимений, суффикс -lu, идентичен одному из алломорфов эргатива у существительных, а показатель СФ аккузатива личных местоимений -nuə идентичен одному из алломорфов СФ абсолютива существительных.

§ 112. Согласованная пара СФ эргатива/СФ абсолютива встречается вместе гораздо реже, чем это принято думать. Дело в том, что в очень многих эргативных языках при некоторых глагольных фор-

мах и/или в некоторых синтагматических условиях подлежащее переходного глагола должно ставиться в именительном падеже, вместо обычного эргативного. Следовательно именительный падеж в таких языках есть СФ индефинитива (+III+III+Дп), а СФ абсолютива (-III+III+Дп) отсутствует. Но и в тех языках, где СФ абсолютива имеется, она есть не у всех существительных, так как почти в каждом эргативном языке есть хотя бы несколько слов, где противопоставление форм эргативного и абсолютного падежей нейтрализуется. Таким образом наличие в языке СФ эргатива отнюдь не обязательно предполагает наличие СФ абсолютива; верно, скорее, обратное, а именно:

Ун-ия 38

Если в языке существует СФ абсолютива, то в нем есть и СФ эргатива.

Исключения: уаффа, юкагирский

В обоих языках-исключениях существуют показатели логического ударения (ремы?), которые маркируют при наличии логического ударения III и/или Дп, но не употребляются при существительном — подлежащем переходного глагола. Следовательно, помимо информации об актуальном членении, эти показатели несут и синтаксическую информацию: слово с таким показателем не может быть III. Стало быть, при наличии показателя можно классифицировать такую словоформу как СФ абсолютива. Но форма без показателя логического ударения может иметь в этих языках любую синтаксическую функцию, то есть это СФ индефинитива (+III+III+Дп). И уаффа и юкагирский — аккузативные языки и СФ эргатива не имеют.

Похожая ситуация в языке алава, но там, во-первых, показатель ремы может, хотя и очень редко, маркировать III, а во-вторых алава - эргативный язык и имеет специальный показатель СФ эргатива.

Отмечу в скобках, что я здесь называю язык эргативным, если в нем есть СФ эргатива, аккумулятивным, если в нем есть СФ аккумулятора. Язык, где есть обе эти СФ, естественно называть эргативно-аккумулятивным.

§ 113. Как и СФ аккумулятора, СФ эргатива может быть самостоятельной (служить для обозначения исключительно III) или совмещающей (т.е. кроме III обозначать еще и косвенные дополнения, обстоятельства и определения: среди Дк наиболее "популярны" дополнение инструмента и локативное обстоятельство со значением элатива).

Как и в паре СФ аккумулятора/СФ субъектива, СФ эргатива иногда бывает связана с выражением определенности (адыгейские языки) или одушевленности, но в последнем случае эта связь весьма слабая и никаких статистически достоверных выводов здесь сделать не удастся. Например, в языке бандьяланг факультативная СФ эргатива употребляется только от одушевленных имен, но в языке кус факультативная СФ эргатива становится обязательной, в частности если в роли III выступает существительное, не обозначающее человека (названия вещей и животных).
Случаи нейтрализации противопоставления СФ эргатива/СФ номинатива распределены по лексико-грамматическим разрядам существительных довольно беспорядочно и никакой четкой картины не обнаруживается.

§ II4. Все же в одном случае имеется необычайно четкая закономерность. Наиболее частая и обычная нейтрализация противопоставления СФ эргатива/СФ номинатива происходит в самостоятельных личных местоимениях I-го и 2-го лица (напомню, что СФ номинатива - это сокращенное название для любой СФ, укладывающейся в матрицу $\pm\Pi\Pi\pm\Pi\Pi\Pi\pm\Pi\Pi\Pi\pm\Pi\Pi$), а именно:

Ун-ия З9

Если противопоставление СФ эргатива/СФ номинатива имеется в самостоятельных личных местоимениях I-го и 2-го лица (хотя бы в одном из них), то такое же противопоставление имеется и у существительных данного языка.

Любопытно, что закономерность здесь диаметрально противоположна той, которая отмечается в универсалии З7 для противопоставления СФ аккузатива/СФ номинатива. Личные местоимения гораздо более, чем существительные, "склонны" иметь СФ аккузатива, но гораздо реже, чем существительные, имеют СФ эргатива.

Нейтрализация противопоставления СФ эргатива/СФ номинатива в самостоятельных личных местоимениях - общее место в грамматиках эргативных языков. Приблизительные подсчеты показывают, что такая нейтрализация наблюдается в 40-50% языков, имеющих СФ эргатива.

В ряде языков нейтрализация противопоставления СФ эргатива/СФ номинатива происходит не во всех личных местоимениях I-го и 2-го лица. Так в ботлихском¹⁾ и арчинском²⁾ оно сохраняется в I-м лице ед. числа, в чамалинском³⁾ - в I- и 2-м лицах ед. числа, а в цезском⁴⁾ напротив, - в тех же лицах множ. числа и т.д. Какой-либо системы здесь уловить не удалось.

§ II5. Местоимения 3-го лица ведут себя обычно иначе и, подобно существительным, различают СФ эргатива:

¹⁾Гудава 1967

²⁾Хайдаков 1967

³⁾Магомедбекова 1967

⁴⁾Бокарев 1967

Ун-ия 40

Если противопоставление СФ эргатива/СФ номинатива имеется у личных местоимений 3-го лица, то оно есть и у существительных

Ун-ия 41

Если противопоставление СФ эргатива/СФ номинатива имеется у существительных, то оно есть и у личных местоимений 3-го лица.

Исключения: алеутский, ассамский, бандяланг, тирахи.

В первых трех языках этого противопоставления нет и в местоимениях 1-го и 2-го лица. Вряд ли имеет смысл формулировать соответствующую универсалию, хотя язык тирахи был бы из нее исключением: в нем противопоставление есть и у имен и у местоимений 1-го и 2-го лица, но оно отсутствует в местоимениях 3-го лица.

Заслуживает внимания тот факт, что структура универсалий 37 и 39 совершенно однотипна с той лишь разницей, что закономерности, постулируемые в них, направлены в противоположные стороны. Существенное различие между этими двумя закономерностями относится только к трактовке местоимений 3-го лица. Для противопоставления СФ аккузатива/СФ номинатива местоимения 3-го лица ведут себя так же, как местоимения 1-го и 2-го лица, но не так, как существительные. По частоте наличия данного противопоставления можно составить следующий ряд (в порядке убывания): местоимения 1-го, 2-го и 3-го лица, личные имена, существительные, обозначающие людей, существительные, обозначающие животных, прочие существительные. Для противопоставления СФ эргатива/СФ номинатива четкое различие наблюдается только между местоимениями 1-го и 2-го лица, с одной стороны, и всеми прочими словами - с другой, причем местоимения 3-го лица включаются в последнюю категорию.

§ II6. Закономерности, отмечаемые универсалиями 35-4I, можно резюмировать так: противопоставление СФ аккузатива/СФ номинатива имеется прежде всего у личных местоимений, а противопоставление СФ эргатива/СФ номинатива проявляется прежде всего у существительных. Причины некоторых различий между разными универсалиями этой группы в трактовке одушевленных существительных и местоимений 3-го лица пока не ясны, но для отмеченных тенденций в целом можно предложить достаточно правдоподобное объяснение.

Предложенное в данной работе определение подлежащего и других членов предложения /§§46-56/ исходит из того, что функция темы более типична для подлежащего, чем для прямого дополнения, тогда как функция ремы более типична для прямого дополнения, чем для подлежащего. При этом чаще всего тематизируются имена, референты которых уже упоминались в данном тексте. Понятно, что одушевленные имена, особенно личные и собственные, чаще, чем неодушевленные, повторяясь в связном тексте, сохраняют кореферентность друг другу. То же можно сказать и о личных местоимениях. У личных местоимений I-го и 2-го лица это свойство выражено в наибольшей степени /см. об этом также /Козинский 1977/ и §46 настоящей работы/.

Следовательно для связного монологического текста вероятность того, что личное местоимение является подлежащим, должна быть хотя бы ненамного, но выше, чем вероятность того, что оно является прямым дополнением.

В таком случае для слушающего при анализе синтаксической функции встретившегося ему в тексте личного местоимения наиболее выигрышной стратегией будет, при прочих равных условиях, выдвижение гипотезы о том, что это местоимение является под-

лежащим.

Иначе говоря, для личного местоимения в некотором смысле "естественнее" быть темой \langle и, следовательно, подлежащим \rangle , чем ремой \langle и, следовательно, прямым дополнением \rangle . Если считать семантически немаркированным наиболее вероятное и "естественное" сочетание различных значений \langle например, коммуникативного и синтаксического \rangle , то именно таково употребление личного местоимения в функции подлежащего. Напротив, будучи прямым дополнением, личное местоимение остается кореферентным своим предшествовавшим упоминаниям в тексте, но при этом гораздо чаще является ремой. Этот случай можно, поэтому, считать семантически маркированным.

Из этого понятно, что вероятность быть подлежащим или дополнением \langle и степень относительной семантической маркированности в этих функциях \rangle для каждого слова связана с вероятностью его тематизации, зависящей от частоты его кореферентного употребления в связных текстах. Чем выше степень активности \langle одушевленности \rangle и определенности у некоторого слова, тем вероятнее, что его последовательные употребления в тексте будут кореферентными. Отсюда - роль этих признаков в рассматриваемых закономерностях¹.

§ II7. Если и в самом деле личное местоимение в функции подлежащего чаще, сравнительно с существительным, семантически немаркировано, а в функции Дп - чаще семантически маркировано,

¹Так, Б.Комри /Comrie 1978/ объясняет данные тенденции исходя из того, что случай, когда Агенса активный \langle одушевленный \rangle , а Пациенса инактивный \langle неодушевленный \rangle , является семантически наименее маркированным, а наиболее маркированным является противоположный случай. Дальнейшие рассуждения сходны с приводимыми в §§ II7-II9. Ясно, что это объяснение несколько не противоречит выдвигаемому здесь, являясь его частным случаем.

то это может отражаться и в морфологической маркированности/немаркированности личных местоимений в функции данных членов предложения. Рассмотрим, как обстоит дело в этом отношении у существительных.

Ун-ия 42

Если у существительных имеется СФ аккузатива, то по крайней мере часть ее алломорфов - ненулевые
Исключения: майду, сомали, юма.

Ун-ия 43

Если у существительных существует СФ эргатива, то по крайней мере часть ее алломорфов - ненулевые.

В последнем случае можно было смело говорить о том, что в с е алломорфы СФ эргатива ненулевые, поскольку у противопоставленной СФ (СФ абсолютива, индефинитива и т.п.) обычно имеются преимущественно или только нулевые алломорфы. Такая осторожная формулировка вызвана тем, что в принципе легко представить себе язык, где все прочие СФ имели бы ненулевые алломорфы, а СФ эргатива - и нулевые и ненулевые. Так, в ряде филиппинских языков СФ аккузатива имеет и нулевые и ненулевые алломорфы, так как противопоставленная ей СФ субъектива имеет только ненулевые алломорфы (см. § 94).

§ 118. Итак, и СФ эргатива и СФ аккузатива - морфологически маркированные формы. Морфологическая маркированность СФ эргатива противоречит семантической немаркированности личных местоимений в функции III. Поэтому показатель этой СФ может не употребляться с личными местоимениями, что объясняет их "склонность" не различать СФ эргатива и СФ номинатива. Семантическая маркированность личных местоимений в функции Дп соответствует морфологической маркированности СФ аккузатива, что объясняет

"склонность" личных местоимений различать ее даже в тех языках, где у существительных эта СФ отсутствует. Интересно, что в языке майду, где у существительных СФ субъектива маркирована, а СФ аккузатива немаркирована, у личных местоимений все обстоит как раз наоборот: СФ субъектива имеет нулевое выражение, а СФ аккузатива - ненулевое (в этом языке СФ аккузатива от личных местоимений образуется несупплетивно, - для последних это нечастое явление).

§ 119. В принципе, следует ожидать, что одушевленные существительные, особенно названия людей, личные имена, термины родства и т.п. будут вести себя подобно личным местоимениям. В случае универсалии 37 так оно и бывает, хотя и в меньшей степени (ун-ия 36, § 110), но в случае ун-ии 39 похожей закономерности уловить не удастся. Может быть, это объясняется тем, что одушевленные существительные по своим морфологическим особенностям все же тяготеют к прочим существительным и ведут себя соответственно в формообразовании, тогда как личные местоимения обычно составляют особый морфологический класс со своими собственными формообразовательными особенностями и им легче "не подчиниться" правилам, действующим у существительных.

§ 120. Согласованная пара синтаксических форм СФ транзитива (+III-III+Дп) и СФ интранзитива (-III+III-Дп), в отличие от всех предыдущих, никогда не встречается в одном и том же языке: СФ транзитива и СФ интранзитива являются взаимоисключающими.

СФ транзитива обнаружена в следующих языках: грузинском (дательный падеж существительных), чукотском (творительный падеж

существительных I-го склонения, творительный падеж ед. числа существительных 3-го склонения), вотапурн, торвали (ед. число личных местоимений), пашаи, тирахи (существительные в косвенном падеже). СФ интранзитива встретила только в одушевленных существительных ассамского языка. В ассамском для таких существительных показатели СФ эргатива и СФ аккумулятива являются обязательными: manuh-e "человек" (+III-III-Дп), manuh-ek "человека" (-III-III+Дп), manuh "человек" (-III+III-Дп). Последняя форма и есть СФ интранзитива. Аналогичные формы есть, видимо, и в других индоиранских языках с аналогичным устройством именного словоизменения. Универсалии, относящиеся к этим СФ таковы:

Ун-ия 44

Если в языке существует СФ транзитива, то в нем отсутствует СФ интранзитива

Ун-ия 45

Если существует СФ транзитива или СФ интранзитива, то есть и СФ эргатива.

§ 121. О последней из согласованных пар, СФ актива/СФ статива, ничего интересного сказать нельзя, так как обе синтаксические формы встречаются очень редко. В языке понка имеются обе СФ, в бацбийском (у личных местоимений) и читимача - только СФ актива.

СПОСОБЫ КОДИРОВАНИЯ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

2. ГЛАГОЛЬНОЕ СПРЯЖЕНИЕ

§ 122. Под глагольным спряжением здесь и далее понимается только согласование глагола-сказуемого с подлежащим и/или дополнением по некоторым грамматическим категориям (лицо, число, грамматический класс). В данном разделе будет рассмотрено только расположение аффиксов, осуществляющих такое согласование в глагольной словоформе, относительно корня глагола и безотносительно к наличию у согласовательных аффиксов каких-то других значений (вида, времени, наклонения и т.д.).

За исключением специально оговоренных случаев, все приводимые ниже универсалии относятся только к следующим случаям:

1) Глагольные формы действительного залога, способные служить сказуемым предложения, в изъявительном наклонении.

2) Согласовательные морфемы, являющиеся частью словоформы глагола, то есть настоящими аффиксами, а не отдельными (хотя бы и полусамостоятельными) словами (например, энклитиками и проклитиками), и выраженные ненулевыми сегментными единицами.

Разграничение аффиксов, с одной стороны, и клитик, - с другой, производилось в полном соответствии с грамматической традицией и использованными грамматическими описаниями конкретных языков, поскольку дать универсальное определение тем и другим не удалось. Однако в подавляющем большинстве языков клитики, специально служащие для выражения категории лица/числа подлежащего и/или дополнения глагола (то есть не выражающие других зна-

чений: времени, наклонения и т.п. — в последнем случае их можно считать скорее энклитическими или проклитическими вспомогательными глаголами) ведут себя совершенно аналогично аффиксам. Поэтому в тексте упоминаются и такие языки, где субъектное и/или объектное согласование обслуживается подобными клитиками, хотя при расчетах надежности универсалий эти языки не учитывались.

§ 123. По синтаксической функции аффиксы делились на аффиксы, согласующиеся с подлежащим данного глагола (условное обозначение -п-) и аффиксы, согласующиеся с прямым дополнением (условное обозначение -д-). Корень (основу) глагола обозначим -Г-.

По позиции в глагольной словоформе аффиксы можно разделить на суффиксы (Г-п, Г-д), префиксы (п-Г, д-Г), конфиксы (п-Г-п, д-Г-д) и инфиксы (Г-п-Г, Г-д-Г). Формы с конфиксами и/или инфиксами, за исключением специально оговоренных случаев, не рассматривались. Кроме того, из рассмотрения исключались также все формы, в которых согласовательный аффикс (-п- и/или -д-) представлен нулем, так как в этом случае классификация нулевого аффикса как суффикса или префикса вряд ли имеет смысл.

§ 124. Еще раз следует подчеркнуть, что рассматривалось только расположение согласовательных аффиксов относительно корня глагола, но не относительно друг друга: аффиксальная конструкция типа д-п-Г считается разновидностью конструкции п-д-Г, поскольку как аффикс -п-, так и аффикс -д- занимают одну и ту же позицию относительно корня глагола (префиксальную). Аналогично конструкция Г-д-п считается разновидностью конструкции

Г-п-д. Но аффиксальные конструкции вида д-Г-п и п-Г-д считаются разными конструкциями.

Исходя из этих ограничений, можно выделить в парадигме переходного глагола, согласующегося как с подлежащим, так и с прямым дополнением, (далее для краткости - двухличная парадигма) всего четыре различных конструкции субъектно-объектного спряжения: 1) Г-п-д; 2) п-д-Г; 3) п-Г-д; 4) д-Г-п. Теоретически в двухличной парадигме можно ожидать любые сочетания этих четырех конструкций в одном и том же языке. Ниже перечислены все 15 априорно возможных сочетаний с указанием языков, в которых имеется данное сочетание.

Языки, где имеется только одна конструкция

Тип 1; Г-п-д; 44 языка: мордовский (эрзя и мокша), хантыйский, мансийский, энецкий, ненецкий, нганасанский; айсорский, амхарский, ахвахский; раванг; эскимосский (сиреникский, азиатский, гренландский), алеутский; эламский¹⁾; кхервари, сантали, мундари; дага, селепет, насиои, лагаха, амеле, нобоноб, каморо; димуга; питянтятяра, вембавемба, вальбири, гарадари, тиви; нама; сквамиш, шусвап, таос, килеут, кус, тараскский, суислав, квакиутл, сапотек, такелма; кечуа.

Тип 2; п-д-Г; 33 языка: абхазский, абазинский, адыгейский, кабардинский; далабон, йивадя, маранунгку, маунг, суахили, зулу, луганда, масаи, теусо; клаллам, чипева²⁾; агуакатек, яки, науатл³⁾; киче, онондага, чероки, тлингит, хупа, чинук, сиу (понка, лакхота), кауилья, ючи, юма; яте⁴⁾; карибский⁵⁾; вайяна, гуарани, сирионо.

1) /Дьяконов 1967/.

2) /Li Fang Kuei 1946/.

3) /Steele 1976/.

4) Lapenda 1968

5) Hoff 1968

Тип 3; п-Г-д; II языков: каювава; отоми, цоцил, ихил; нанди, сук, луо; бугийский, барез; ненема, нигумак.

Тип 4; д-Г-п; 7 языков: туника; даргинский, табасаранский; бурушаски; аюана, усаруфа, гадсуп.

Языки, в которых имеются только две конструкции

тип 5; Г-п-д + д-Г-п; 5 языков: ава, кате, уманакайна, тонкава, бацбийский.

Тип 6; Г-п-д + п-Г-д; 10 языков: аккадский, арабский, иврит, самаритянский, геэз; берберский; цимшиан; паренги, сора, жуанг.

Тип 7; п-д-Г + п-Г-д: I язык: волио.

Тип 8; п-Г-д + д-Г-п; нет примеров.

Тип 9; Г-п-д + п-д-Г; нет примеров.

Тип 10; п-д-Г + д-Г-п; нет примеров.

Языки, в которых имеется три и четыре конструкции

Тип 11; п-Г-д + д-Г-п + п-д-Г; 5 языков: грузинский, занский,¹⁾ сванский,²⁾ шумерский,³⁾ алава.

Тип 12; п-Г-д + д-Г-п + Г-п-д; 6 языков: алгонкинские (меномини,⁴⁾ фокс, малесит-пассамокводди, оджибе,⁵⁾ кри,⁴⁾ чукотский (и, вероятно, другие чукотско-камчатские).

Тип 13; д-Г-п + п-д-Г + Г-п-д; нет примеров.

Тип 14; п-Г-д + п-д-Г + Г-п-д; нет примеров.

Тип 15; п-д-Г + д-п-Г + п-Г-д + д-Г-п; 5 языков: кхам; кер д'ален,⁶⁾ теда, даза; баскский.

§ I25. Наличие типов, для которых не нашлось примеров из более, чем ста рассмотренных языков, и явная неравномерность распределения языков по типам свидетельствуют о существовании каких-то ограничений на возможное разнообразие конструкций в

1) Кизириа 1967/
2) Топуриа 1967/
3) Дьяконов 1967/

4) Bloomfield 1946/
5) Bloomfield 1957/
6) Reichard 1938/

одном и том же языке. Эти ограничения и являются искомыми универсалиями.

Ун-ия 46

Если в двухличной парадигме есть конструкции п-д-Г и д-Г-п, то в ней есть и конструкция п-Г-д.

Ун-ия 47

Если в двухличной парадигме есть конструкции п-д-Г и п-Г-д, то в ней есть и конструкция д-Г-п.

Исключение: волио (тип 7).

Ун-ия 48

Если в двухличной парадигме есть конструкции п-д-Г и Г-п-д, то в ней есть и конструкция д-Г-п.

Очевидно, что в таком языке должна быть и конструкция п-Г-д (в силу ун-ии 46).

Ун-ия 49

Если в двухличной парадигме есть конструкции д-Г-п и п-Г-д, то в ней есть также конструкция п-д-Г и/или Г-п-д.

§ 126. Сравнивая характер согласования переходных и непереходных глаголов, можно отметить еще ряд закономерностей:

Ун-ия 50

Если существует согласование переходных глаголов с прямым дополнением, то существует и согласование непереходных глаголов с подлежащим.

Исключение: курку

Данная универсалия была предложена в виде гипотезы Б.А.Успенским /1966:92/, в несколько иной формулировке и без указания на наличие исключений. Там же Б.А.Успенский выдвигает еще одну гипотезу, а именно: если глагол согласуется с косвенным дополнением, то существует и согласование глагола с прямым дополнением. Однако несмотря на то, что такая иерархия кажется совер-

шенно естественной, реально наблюдаются случаи, когда имеется согласование с косвенным дополнением, но согласование с прямым дополнением отсутствует. Можно выделить два случая: первый, когда имеется согласование только с подлежащим и косвенным дополнением адресата - лица /Джадр/ при глаголах типа "давать", "посылать", "говорить" (ряд папуасских языков: гадсуп, таирора, бенабана, агарабе и др. /Wurm 1965/) и второй, когда из всех видов дополнений в глаголе отражается только косвенное агентивное дополнение в пассиве (такие формы в индонезистике получили название "субъектного пассива"): индонезийский, яванский /Теселкин 1961/; динка и, видимо, другие нилотские: нуэр, луо, аколи /Bryan 1948/. В индонезийском, яванском и динка глагол с подлежащим не согласуется, в нуэр, луо и аколи есть согласование и с подлежащим.

Поэтому верно, скорее, обратное: при наличии согласования с прямым дополнением те же самые или другие аффиксы обслуживают и согласование с Джадр, причем если в языке всего один ряд таких аффиксов, а в предложении два дополнения (прямое и косвенное), то одушевленное Джадр имеет абсолютный приоритет на согласование с глаголом (ср. также ун-ию 34, § 109). Отсюда две следующие универсалии:¹

Ун-ия 51

Если существует согласование глагола с прямым дополнением, то глагол согласуется также и с косвенным дополнением адресата - лица.

¹Приоритет в обнаружении этих универсалий (здесь № 51 и 52) принадлежит Талми Гивону /Givón 1976/, подробно рассматривавшему данную закономерность, случаи исключений (венгерский, айсорский, геэз) и возможные возмущающие факторы. Замечу, что объем выборки в работе Т. Гивона недостаточен для статистической верификации; геэз вероятно все-таки не исключение (см. Старинин 1967:103-105 и эфмонский текст Бытия III, 1-24, приложенный к этому очерку); еще одним исключением является табасаранский (А.Е.Кирилик: устное сообщение)

Ун-ия 52

Если прямое дополнение и косвенное дополнение адресата-лица обозначаются одними и теми же глагольными согласовательными аффиксами, то преимущественное право на согласование с глаголом имеет косвенное дополнение адресата-лица.

§ 127. Вернемся вновь к ун-ии 50. Наличие согласования переходного глагола с прямым дополнением влечет наличие согласования непереходного глагола с подлежащим, но далеко не всегда с подлежащим согласуется и переходный глагол. Такую систему согласования можно назвать эргативной (подробнее см. §§ 65-66); в таких языках, как русский, она существует в неграмматикализованном виде: имеется в виду согласование в числе с глаголами типа поумирать/поубивать (см. § 68). В грамматикализованном виде такую систему можно наблюдать в помо, хопи, чероки, чеченском, ингушском и всех дагестанских, кроме лезгинского, агульского и удинского. Но интересно, что во всех таких случаях речь идет о согласовании только в числе и/или в грамматическом классе (разновидностью последнего можно считать согласование по форме и консистенции предметов). Если же ограничиться согласованием по категории лица, можно предложить более сильную универсалию, чем ун-ия 50, а именно:

Ун-ия 53

Если формы переходного глагола согласуются в лице с прямым дополнением, то по крайней мере часть этих форм согласуется в лице и с подлежащим.

Исключения: вайгали, ашкун, курку, калкатунгу, тирахи.

В курку согласование с подлежащим вообще отсутствует, а в остальных языках глагол может согласовываться либо с подлежащим, либо с дополнением, но не одновременно и с тем и с другим.

Таким образом, по категории лица согласование с подлежащим имеется всегда как в переходном, так и в непереходном глаголе,

но по другим категориям непереходный глагол может согласоваться с подлежащим, а переходный — только с прямым дополнением. Не наблюдалось случаев, когда переходный глагол согласуется с подлежащим по какому-то признаку, а непереходный — нет. Отсюда следующие универсалии.

Ун-ия 54

Если существует согласование переходного глагола с подлежащим по некоторому грамматическому признаку, то непереходный глагол согласуется со своим подлежащим по всякому такому признаку.

§ I28. Согласование глагола с подлежащим отнюдь не влечет наличия такого же согласования с прямым дополнением. Однако, если мы взглянем на список языков, в которых местоименные аффиксы указывают только на подлежащее, но не дополнение (индоевропейские, уральские, алтайские и др. языки), бросается в глаза тот факт, что спряжение глагола во всех этих языках — строго суффиксальное. Для тех же языков, где спряжение по лицу подлежащего — префиксальное, всегда обнаруживается либо наличие спряжения по лицу прямого дополнения, либо по крайней мере возможность присоединения к глаголу местоименных клитик, указывающих на лицо-число прямого дополнения. Отсюда универсалия:

Ун-ия 55

Если имеется префиксальное согласование глагола с подлежащим, то в этом языке глагол выражает с помощью аффиксов или клитик лицо и/или число и/или грамматический класс прямого дополнения.

Исключение: аколи (?)

Сведения об аколи получены из обзорной работы [*Bryan 1948*], монографического описания этого языка нет, поэтому категорически утверждать о том, что аколи является исключением, пока невозможно.

Ряд языков (индонезийский, яванский, динка) префиксально согласуются с косвенным дополнением агента в пассиве. Понятно, что они не могут считаться исключениями к универсалии 55, хотя согласование с прямым дополнением в них отсутствует, так как в условии ун-ии 55 речь идет только о подлежащем.

Верно и утверждение, обратное ун-ии 55, а именно:

Ун-ия 56

Если глагол префиксально согласуется с прямым дополнением, то он согласуется и с подлежащим.

Существенно, что языки курку, калкатунгу, тирахи, вайгали и ашкун к этой универсалии исключениями не являются (ср. ун-ию 53).

§ 129. Соотношение префиксального и суффиксального согласования с подлежащим в переходных (двухличных) и непереходных (одноличных) глаголах выражается в следующих универсалиях.

Ун-ия 57

Если переходные глаголы имеют суффиксальное согласование с подлежащим, то по крайней мере часть непереходных глаголов имеют такое же согласование с подлежащим.

Обратное неверно, так как имеются языки, где все или часть непереходных глаголов имеют суффиксальное согласование с подлежащим, но переходные глаголы согласуются с подлежащим только префиксально (каювава, цимшиан, цоцил, бутгийский и др.).

Любопытно, что аналогичная универсалия может быть сформулирована и для префиксации, хотя здесь зависимость направлена в обратную сторону:

Ун-ия 58

Если непереходные глаголы имеют префиксальное согласование с подлежащим по категории лица, то такое же согласование имеется и у переходных глаголов.

Существенна оговорка о согласовании именно по лицу в ун-ии 58. Если рассматривать и согласование по другим признакам, то исключениями к ней будет по крайней мере большинство нахско-дагестанских языков. Вообще согласование переходных глаголов с подлежащим по любому признаку влечет наличие согласования подлежащего по этому признаку и с непереходными глаголами (см. ун-ию 54), поэтому утверждение, обратное универсалии 58, будет неверным лишь в смысле позиции согласовательной морфемы относительно корня глагола, но не в смысле самого наличия такой морфемы.

§ 130. Можно обнаружить и определенные корреляции между позициями относительно глагола аффиксов подлежащего и прямого дополнения.

Ун-ия 59

Если единственно возможной для аффикса подлежащего является префиксальная позиция во всех глаголах, то аффикс дополнения также занимает эту же позицию, по крайней мере в некоторых формах.

Более сильное утверждение о том, что при исключительно префиксальном согласовании с подлежащим имеется исключительно префиксальное согласование с дополнением имело бы одно исключение — язык волио (конструкции п-Г, п-д-Г и п-Г-д).

Для суффиксации зависимость направлена в противоположную сторону:

Ун-ия 60

Если единственно возможной для аффикса дополнения является суффиксальная позиция, то аффикс подлежащего (если он есть) по крайней мере в некоторых формах также занимает эту позицию.

§ 131. Интересной особенностью суффиксов или энклитик, указывающих на подлежащее и/или дополнение глагола является их способность в ряде языков в определенных случаях помещаться перед глаголом. В этих случаях они либо становятся глагольными проклитиками, либо энклитиками (суффиксами) слова, непосредственно предшествующего данному глаголу. Условия, в которых происходит такое перемещение, весьма специфичны для каждого языка, но интересно, что одно из условий по-видимому является всеобщим: наличие перед глаголом препозитивного отрицания. После отрицания в предглагольную позицию перемещается энклитика прямого дополнения в португальском, румынском, берберском (в императиве - также в испанском и французском). Суффикс подлежащего перемещается аналогичным образом после отрицания в языках кхария и вийот [*Sherzer 1976*]. Наконец, в ряде австралийских языков (вальбири, гараджари и др.) такое перемещение испытывают суффиксы как подлежащего, так и дополнения. Проявлением той же закономерности являются, очевидно, и спрягаемые "отрицательные глаголы" в большинстве уральских языков (в утвердительной форме спрягается суффиксально основной глагол, в отрицательной форме основной глагол не изменяется, а суффиксальному спряжению подвергается стоящий перед ним вспомогательный глагол, выражающий отрицание)¹⁾. Отсюда следующая универсалия:

Ун-ия 61

Если суффикс или энклитика глагола, указывающая на подлежащее и/или дополнение может (обязательно или факультативно) перемещаться из послеглагольного положения в предглагольное в некоторых условиях, то одним из этих условий является наличие предглагольного отрицания.

1) То же наблюдается в повелительном наклонении языков зулу и латинского.

§ 132. Среди закономерностей, действующих в глагольном спряжении, можно привести еще несколько наблюдений, связанных с конфиксами. Конфиксом здесь считается всякое сочетание ненулевых суффикса и префикса при финитном глаголе, причем и суффикс и префикс указывают на один и тот же член предложения, хотя они могут выражать различные грамматические категории этого члена. Для двухличной парадигмы можно схематически разбить конфиксальные конструкции на три типа, а именно:

1. п-Г-п-д или п-д-Г-п
2. д-Г-п-д или п-д-Г-д
3. п-д-Г-п-д

Первый тип иллюстрируется семитскими языками, языками сапотек, сук, маринд, вайяна и др. В них конфикс всегда указывает на подлежащее, а дополнение выражается только суффиксами или префиксами.

Третий тип представлен чукотско-камчатскими языками и языками кивай. В них весь конфикс представляет собой единую, неразложимую при синхронном анализе, синтетическую морфему, где, как правило, невозможно выделить по отдельности сегменты, относящиеся к подлежащему и дополнению. В языках кивай, например, префиксальная и суффиксальная части обычно выражают разные грамматические категории, но и та и другая относится и к подлежащему и к дополнению. Типичное значение префиксальной части "действие первого лица на не-первое", типичное значение суффиксальной - "действие одного на многих", следовательно общее значение конфикса: "действие первого лица ед. числа на не-первое лицо мн. числа" [Carroll 1964].

Конфигсация по второму типу, когда конфигсами может выражаться только дополнение, но не подлежащее, была обнаружена только в одном языке (цоцил). Отсюда универсалия:

Ун-ия 62

Если в языке существуют глагольные формы, в которых прямое дополнение выражено конфигом, то в нем существуют (эти же или другие) формы, где конфигами выражено подлежащее.

Исключение: цоцил.

§ 133. Обычно в языках, где дополнение выражается в некоторых формах конфигами, существуют так называемые "инверсивные" формы, в которых показатели подлежащего и дополнения взаимно меняются ролями друг с другом (алгонкинские, картвельские). В алгонкинских языках такая система доведена до своего логического завершения: правила построения глагольной словоформы зависят только от лица участников действия, но не от их синтаксической роли, а именно: префиксом или конфигом выражается 2-е лицо; при отсутствии среди участников действия 2-го лица префиксом или конфигом выражается 1-е, при отсутствии и 1-го и 2-го - 3-е лицо. Синтаксическая роль выражена особыми "инвертирующими" суффиксами, указывающими, во-первых, синтаксическую роль лица, выраженного префиксом или конфигом, а во-вторых, синтаксическую роль и лицо второго участника действия. Приведу пример из языка малесит-пассамокводии, несколько упрощая морфологическое членение:

ktəlapəm-a-wə "вы-видите-его-вы" (п-Г-д-п)

k-təlapəm-əkwə-wə "вас-видит-он-вас" (д-Г-п-д)

В этих примерах конфигом *k-...-wə* "вы", а *-a-* и *-əkwə-* - взаимно "инвертирующие" суффиксы, обозначающие соответственно

"действие не-третьего лица на третье" и "действие третьего лица на не-третье".

§ 134. Преимущественное использование конфиксов для выражения подлежащего, а не дополнения, находит свое отражение и в следующей универсалии:

Ун-ия 63

Если подлежащее определенного (но не третьего) лица, числа и грамматического класса выражается конфиксом в некоторой форме переходного глагола, то в соответствующей форме по крайней мере части переходных глаголов то же подлежащее также выражается конфиксом (хотя и не обязательно тем же самым, что и у переходных глаголов).

Для подлежащего третьего лица эта универсалия часто нарушается, ср. примеры из языка малесит-пассамокводди:

<i>k-təlapəm=a-wa</i>	"вы-видите=его-вы"	<i>k-təlap-oltipa</i>	"вы-смотрите-вы"
<i>k-təlapəm=i-pa</i>	"вы-видите=меня-вы"		
	<i>w-təlapəm=a-wa-l</i>	<i>lap=oltowək</i>	"они-видят=его-они-его"
			"смотрят=они"

Языки с конфиксальным выражением подлежащего переходного глагола явно тяготеют к аккузативной, а не к эргативной системе спряжения. В них конфиксы, выражающие подлежащее по крайней мере части переходных глаголов, совпадают по крайней мере частично с конфиксами для подлежащего переходного глагола. В моем материале нет языка, в котором конфиксы подлежащего переходного глагола были бы полностью отличны от конфиксов подлежащего переходного глагола, что конституирует эргативную систему спряжения и наблюдается сравнительно часто для суффиксов и префиксов. Этот факт находит свое отражение в следующей универсалии:

Ун-ия 64

Если подлежащее переходного глагола выражается конфиксом, то по крайней мере одна из частей такого конфикса (префиксальная и/или суффиксальная) может обозначать и подлежащее переходного глагола (без учета чисто фонетических позиционных изменений).

Это положение иллюстрируется примерами к универсалии 63. Префиксальная часть конфиксов остается неизменной у переходных и непереходных глаголов, тогда как суффиксальные части различаются, то есть налицо своеобразное объединение эргативной и аккузативной систем спряжения: префиксальная часть (обозначающая лицо) одинакова для всех глаголов, а суффиксальная (обозначающая главным образом число) — нет. Верно и обратное, а именно:

Ун-ия 65

Если подлежащее непереходного глагола выражается конфиксом, то по крайней мере одна из его частей (префиксальная и/или суффиксальная) может обозначать и подлежащее переходного глагола.

В качестве иллюстрации могут послужить многие нахско-дагестанские языки (например, табасаранский), где окончания (обозначающие лицо подлежащего) одинаковы у переходных и непереходных глаголов. У непереходных глаголов часто имеется и префикс (обозначающий грамматический класс подлежащего), образующий таким образом вместе с окончанием конфикс. Однако у переходных глаголов префикс относится уже не к подлежащему, а к дополнению, указывая грамматический класс последнего. Опять-таки здесь своеобразное сочетание эргативной и аккузативной систем спряжения.

Следует сказать, что по-видимому в большинстве языков конфиксы переходных и непереходных глаголов совпадают полностью.

§ 135. Ун-ия 66

Если в двухличной парадигме существуют конфиксальные конструкции д-Г-п-д, то в ней есть и аффиксальные конструкции вида д-Г-п
Исключение: цоцил.

Ун-ия 67

Если в двухличной парадигме есть конфиксальные конструкции вида п-Г-п-д, то в ней есть и аффиксальные конструкции вида п-Г-д

Исключение: амхарский.

Эти две универсалии не требуют особых комментариев и вытекают из того общеизвестного факта, что обыкновенно конфиксы оформляют лишь часть форм в парадигме. Чаще всего конфикс образуется, как уже отмечалось, вследствие того, что суффиксальная и префиксальная его части, указывая на один и тот же член предложения, выражают различные грамматические категории этого члена. Обычно по одну сторону от корня глагола выражается лицо, а по другую - число и грамматический класс. Необходимо отметить одну, очень регулярную особенность этой закономерности, а именно: тенденцию к суффиксальному выражению категории числа, выражаемую в следующих универсалиях.

Ун-ия 68

Если число выражается в префиксальной части конфикса, то оно выражается и в его суффиксальной части.

Поскольку множественное число является маркированной категорией, вполне естественной представляется следующая универсалия:

Ун-ия 69

Если в парадигме существуют конфиксальные формы, то по крайней мере часть из них указывает на подлежащее и/или дополнение множественного числа.

Согласно этой универсалии, существуют языки, где конфиксами оформлены вообще все формы парадигмы (настояще-будущее время в амхарском), формы только множественного числа (картвельские, алгонкинские), формы и единственного и множественного числа (обычно с явным преобладанием конфиксации в последних), как во многих афроазиатских (арабский, геэз, берберский), но не встречается наличие конфиксов только в единственном числе при их отсутствии во множественном.

СПОСОБЫ КОДИРОВАНИЯ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

3. ПОРЯДОК СЛОВ

§ 136. Я буду употреблять привычный термин "порядок слов" вместо более точного "порядок членов предложения". В данном разделе приводятся наблюдения над относительным расположением подлежащего, сказуемого и прямого дополнения в простых нераспространенных утвердительных предложениях, содержащих эти члены, выраженные отдельными словами (существительными и/или самостоятельными личными местоимениями). Таким образом не будут рассматриваться никакие предложения без подлежащего или сказуемого, а если сказуемое - переходный глагол, то и без прямого дополнения. Из этого ясно, что речь идет везде, - если не оговорено иначе, - о предложениях действительного залога.

В первую очередь, приходится вновь уточнять употребляемые термины. Назовем рецессивным такой порядок, который в данном языке встречается с нулевой или близкой к нулю частотой. Любой другой порядок слов, не являющийся рецессивным, назовем альтернативным. Из альтернативных словопорядков назовем вслед за Дж.Гринбергом /1970 (1961)/ доминирующим или основным такой, который имеет наивысшую частоту встречаемости в связанных монологических текстах на данном языке.

Сведения о доминирующем порядке слов содержатся почти во всех сколько-нибудь подробных описаниях языков, но сведения об альтернативных и рецессивных порядках зачастую отсутствуют. Кроме того, в подавляющем большинстве случаев сведения о частоте

те различных порядков слов представляют собой чисто импрессионистские утверждения, не основанные на каких-либо подсчетах. Поэтому при формулировке универсалий тактика была такой: если число грамматических описаний, содержащих нужные сведения, было достаточным для статистической проверки (хотя бы эти сведения были чисто импрессионистского характера), то такая универсалия после проверки на 99% уровне значимости считалась истинной, если при этом в прочих грамматических описаниях не содержалось эксплицитно сформулированных и противоречащих этой универсалии данных. Такая стратегия, думается, позволяет застраховать предлагаемые ниже универсалии если не от отдельных неточностей, то по крайней мере от грубых ошибок.

§ 137. Некоторые закономерности, связанные с порядком слов, были изучены Дж.Гринбергом /1970 (1961)/. Ему, в частности, принадлежит следующая универсалия:

"В повествовательных предложениях с именным субъектом и объектом почти всегда преобладает такой порядок слов, при котором субъект предшествует объекту".

Согласно этой универсалии, в качестве доминирующего может существовать один из следующих порядков: ЦДГ, ШГД или ГЦД, но не может - один из порядков: ДШГ, ДГШ или ГШД.¹⁾ Сам Дж.Гринберг называет три языка-исключения к этому правилу: суислав, кус и кер д'ален.

В моем материале встретились еще семь таких языков: каюва-ва; отоми, древний майя, цоцил; мальгашский, ненема, нигумак.

1) Ц - подлежащее, Д - прямое дополнение, Г - глагол-сказуемое, Ш - любое сказуемое.

Все десять названных языков имеют основной порядок ГДП. Очевидно, возмущающим фактором к цитированному правилу Дж.Гринберга является доминирование начальной позиции сказуемого. Исходя из этого наблюдения, можно предложить более сильную универсалию, а именно:

Ун-ия 70

Если в языке доминирует порядок ДП, то в нем доминирует и порядок ГД.

Эта универсалия допускает существование в качестве основных порядков ПДГ, ПГД, ГПД и ГДП, запрещая лишь доминирование порядков ДГП и ДПГ. Возможным исключением являются языки дирбал и хурритский, для которых утверждается доминирование последнего порядка. Однако в дирбале такой порядок характерен лишь для "эргативной" конструкции предложения, тогда как в "аккузативной" доминирует порядок ПДГ. Постановка реципиента на первое место очевидно свидетельствует о том, что он является в предложениях с такой конструкцией чаще всего темой. А это заставляет признать, в соответствии с предложенным в главе II определением подлежащего, данную конструкцию не эргативной, а попросту страдательным залогом (см. подробнее §§ 72-74). Хурритский в материал данной работы не вошел, но соображения, приводимые С.Андерсоном /Anderson 1976/, рассматривавшим оба языка, свидетельствуют, скорее всего, о том же для хурритского.

§ 138. Говоря о доминирующем порядке, я обычно подразумеваю статистическое преобладание такого порядка в целом по всем типам предложений. Однако, в разных типах предложений могут, изредка, преобладать разные порядки. В частности, в неко-

торых языках порядок слов зависит от того, является ли сказуемое именным или глагольным, выражено ли оно переходным, непереходным или страдательным глаголом, оформлен ли глагол той или иной аффиксальной конструкцией, выражено ли подлежащее именем или личным местоимением и т.д. Подчеркну, что речь идет именно о зависимости доминирующего, то есть стилистически наиболее нейтрального, порядка от формы подлежащего и/или сказуемого.

Здесь не учитывались, разумеется, изменения порядка слов, связанные с изменением актуального членения и/или с выражением какой-либо стилистической функции.

Факты таковы: расположение самостоятельного дополнения относительно сказуемого может зависеть от того, выражено ли это дополнение именем или местоимением, но не зависит от характера сказуемого. Расположение же подлежащего относительно сказуемого может зависеть как от того, чем выражено подлежащее, так и от характера сказуемого. Наличие, в зависимости от выражения дополнения, двух доминирующих порядков ГД и ДГ не встречается в языках, где доминирует порядок ГП. Наличие в разных типах предложений двух доминирующих порядков ГП и ПГ не встречается в языках, где доминирует порядок ДГ. Ниже приведены соответствующие универсалии.

Ун-ия 71

Если доминирующее расположение подлежащего относительно сказуемого зависит от морфологических характеристик первого или второго, то в таком языке доминирует порядок ГД.

Ун-ия 72

Если доминирующее расположение дополнения относительно глагола зависит от морфологических характеристик дополнения, то в таком языке доминирует порядок ПГ.

Ун-ия 73

Если подлежащее, выраженное самостоятельным личным местоимением, обычно следует за глаголом, то за глаголом следует и именное подлежащее.

Ун-ия 74

Если дополнение, выраженное самостоятельным личным местоимением или объектной клитикой (но не аффиксом), обычно следует за глаголом, то за глаголом следует и именное дополнение.

Нелишне напомнить, что универсалия 74 была сформулирована Дж.Гринбергом /1970 (1961)/ с непринципиальными отличиями в формулировке (у Гринберга ун-ия 25). Здесь она приведена для полноты картины и для удобства перекрестных ссылок.

§ 139. Ун-ия 75

Если доминирует постройка подлежащего после переходного глагола, то доминирует постройка подлежащего и после непереходного глагола.

Данная универсалия предполагает существование языков, в которых доминирует порядок ГП при непереходном глаголе и ПГ при переходном. Такое правило в моем материале эксплицитно сформулировано только для трех языков: иаи, чаморро¹⁾ и тиви. Но в грамматических описаниях многих языков указано, что частотности порядков ГП и ПГ зависят от переходности глагола, даже если в обоих случаях доминирующим является один и тот же порядок, причем эти указания совершенно однотипны, а именно: частотность порядка ПГ выше при переходном глаголе, частотность порядка ГП выше при непереходном глаголе (науатл.²⁾ деху, киче, агуакатек, бандяланг, алава, гавайский). Так, для языка багдяланг указано, что порядок ГПД встречается примерно вдвое реже доминирующего порядка ППД (прочие порядки имеют очень низкую частотность) в предложениях с переходным глаголом, но в предложениях с непереходным глаголом порядки ПГ и ГП имеют примерно равную частот-

¹⁾ /Culicover, Wexler 1974/.

²⁾ /Steele 1976/.

ность. В гавайском языке порядок ПГ при непереходном глаголе является крайне редким и нетипичным (т.е. его следует относить к рецессивным), тогда как при переходном глаголе порядок ПГД встречается довольно часто, хотя и не является доминирующим (доминирует ГПД).

Не вполне ясно отношение к универсалии 73 языка калкатунгу. Основным порядком слов является П(Д)Г, например:
ʔukuji kupaʔuru icaia "собака старика укусила" (порядок в переводах копирует порядок оригинала)
masumpa kaʔirku aili "кенгуру траву ест"
wamra saa luna "девочка эта плачет"

Но для личного местоимения действует следующее правило: "Если подлежащее выражено личным местоимением и предложение не следует за /,/ или /?/ (т.е. за предложением с перечислительной или вопросительной интонацией), то это подлежащее должно быть вторым словом в предложении" /B.Blake 1967/. Примеры:
marari ʔaʔu naʔa "ящерицу я видел"
kaanta ʔai "ушел я"
ʔaunkuna ʔai iʔka "в=город я иду"
iʔka ʔai ʔaunkuna "иду я в=город"
wakaria ʔai ʔaunkuna iʔka "за=рыбой я в=город иду"
malta ʔaʔu kuʔu ʔaʔʔamaia "много я яиц нашел"

Вполне возможно, что указанное правило является возмущающим фактором, делающим калкатунгу исключением к ун-ии 73, хотя для верификации этого необходимы подсчеты, доказывающие, что личное местоимение-подлежащее в калкатунгу стоит чаще после глагола, чем перед ним (в отличие от именного подлежащего).

§ 140. Ун-ия 76

Если доминирует постановка подлежащего после именного сказуемого (СП), то подлежащее ставится и после глагольного сказуемого (ГП), по крайней мере если глагол - непереходный.

Обратное неверно по крайней мере для древнего майя, сапотек; самоанского; берберского, арабского и геэз. В них подлежащее обычно предшествует именному, но следует за глагольным сказуемым.

В отдельных языках существуют и другие типы зависимости между порядком слов и характером сказуемого. Так, в языках деху и киче порядок ГП доминирует и в некоторых случаях (в деху) является обязательным при глаголе в страдательном залоге, тогда как с глаголом в действительном залоге доминирует порядок ПГ. В языках семьи пано (чакобо, мовима, итсанама¹⁾ и др.) при доминировании порядка П(Д)Г и довольно свободном порядке слов, порядок ГП (~ ДГП ~ ГДП) становится обязательным, если глагольная форма обозначает незаконченное действие. Примеры, однако, немногочисленны или принадлежат к одной языковой семье, поэтому статистически надежными здесь будут только малоинтересные универсалии-эквиваленции, формулировать которые вряд ли необходимо.

§ 141. При изучении порядка слов в предложении вряд ли можно ограничиться только доминирующим порядком. Приведу пример: в классической латыни и в японском доминирует один и тот же порядок слов ПДГ. Однако различия между этими языками явно очень велики. Действительно, в латыни можно встретить любой из шести априорно возможных порядков слов: *gutta cavat lapidem,*
gutta lapidem cavat, cavat lapidem gutta и т.д., тогда как в японском возможны только порядки ПДГ и (реже) ДПГ. В таких случаях можно говорить о том, что в латыни нет рецессив-

¹⁾ / Coos 1973/.

ных порядков, а в японском любой порядок с постановкой П и/или Д после глагола является рецессивным. Очевидно, что наличие каких-либо рецессивных порядков не менее важно для типологической характеристики языка, чем доминирующий порядок. Ниже приводятся некоторые наблюдения над альтернативными и рецессивными порядками.

Ун-ия 77

Если порядок ДГ не является рецессивным, то порядок ПГ также не рецессивен.

Ун-ия 78

Если порядок ГП не рецессивен, то порядок ГД также не рецессивен.

*Ун-ия 79

Если доминирует порядок ПДГ, то одним из альтернативных является порядок ДПГ.

Обратное очень часто неверно. Достаточно вспомнить, что в русском языке порядок ДПГ (кашу Маша варит) является альтернативным, но порядок ПДГ не является доминирующим. Вероятно, интереснее была бы следующая формулировка:

* Ун-ия 80

Если порядок ПДГ является одним из альтернативных, то порядок ДПГ также является одним из альтернативных.

Обратное неверно, например для английского языка, где предложения типа the bill John paid при всей своей редкости вполне допустимы, тогда как предложения вида John the bill paid практически невозможны. Однако в использованных грамматических описаниях данных для проверки этой универсалии как односторонней импликации недостаточно, поэтому она здесь предлагается только как эквиваленция.

Ун-ия 81

Если порядок ГПД является одним из альтернативных, то порядок ГДП также является одним из альтернативных
Исключение: сквамиш (?)

Интересно, что в сквамиш порядок ГПД является доминирующим, но порядок ГДП встречается по выражению автора использованного грамматического описания "очень редко" /*Kuipers 1969*/. Обычно я интерпретировал содержащиеся в грамматиках выражения типа: "данный порядок встречается очень редко" как синоним выражения "данный порядок является рецессивным", но не исключено, что в ряде случаев такое приравнивание не вполне корректно. Поэтому я не могу категорически утверждать, что сквамиш является исключением.

§ 142. Существенно, что утверждение, обратное универсалии 81, в большом числе случаев неверно. Так, в числе альтернативных порядков для языка чакобо указываются ПДГ, ДПГ, ПГД, ДГП и ГДП, но не ГПД /*Loos 1973*/, для языка тхаргари - ПДГ, ПГД и ГДП, но, опять-таки, не ГПД /*Klokeid 1969*/; для языка тиви при доминирующем порядке ПГД в число рецессивных включены порядки ПДГ, ДПГ и ГПД /*Osborne 1974*/. Наконец, в языке каювава при доминирующем порядке ГДП порядок ГПД является, видимо, рецессивным.

Нормальный порядок в каювава иллюстрируется следующим примером (русский перевод копирует порядок оригинала): aritikaharie kiasi kinaba "укусила человека собака". Но когда в таких предложениях переставляли именные члены aritikaharie kinaba kiasi, то информанты воспринимали сказанное как остроту, интерпретируя смысл как "укусил собаку человек" /*H. Key 1967*/.

§ I43. Можно попытаться предложить одно из вероятных объяснений наблюдающегося распределения доминирующих и альтернативных порядков в языках мира. Напомню, что в определение подлежащего входит, в частности то, что оно в норме совпадает с темой предложения. "В норме" предполагает, в числе прочего, и нормальный, т.е. доминирующий порядок слов. С другой стороны, дополнение вместе с глаголом нормально входит в рему. Если учесть, что языки отдают явное предпочтение контактному расположению составляющих, входящих в единицу высшего яруса, перед дистактным, то следует ожидать преимущественно контактного расположения составляющих сказуемого, образующего рему: дополнение и глагола. Действительно, не удается обнаружить исключений к следующему утверждению:

Ун-ия 82

В числе альтернативных порядков существует по крайней мере один, при котором глагол и прямое дополнение расположены контактно.

§ I44. С другой стороны, универсалией с высокой статистической достоверностью является и уже цитированное утверждение Дж.Гринберга о преобладании постановки подлежащего перед дополнением в доминирующем порядке (§ I37). Если доминирует порядок ПДГ, или ПГД универсалия Дж.Гринберга и требование контактного расположения Д и Г не противоречат друг другу. Если же глагол стоит перед именными членами, то одно из этих правил неизбежно должно быть нарушено. При доминировании порядка ГПД сохраняется универсалия Дж.Гринберга, но нарушается требование контактности Д и Г. При доминировании порядка ГДП требование контактности удовлетворяется, но нарушается порядок ПД.

Тем не менее, существуют как языки с порядком ГПД (ок.15 % всех языков), так и языки с основным порядком ГДП (ок.5%). Значит, нарушение одного из этих двух принципов вообще возможно, хотя и не очень часто. Невозможно, видимо, лишь одновременное нарушение обоих принципов, что давало бы основной порядок ДПГ, который реально не встретился.

§ I45. Но при порядке ДГП также нарушается только один из указанных принципов (принцип Дж.Гринберга о предшествовании подлежащего дополнению). Тем не менее, такие языки не встречаются, хотя, как уже было показано, нарушение только одного из принципов не невозможно. Это заставляет предположить, что при основном порядке ДГП нарушается, помимо принципа Гринберга, еще какой-то принцип. Очевидно, этот принцип - возможность контактного расположения подлежащего и дополнения в основном порядке (в том смысле, что между ними не вклинивается глагол). Перечислю все три принципа, управляющих распределением основных порядков слов в языках.

Принцип I (Дж.Гринберга)

В основном порядке подлежащее предшествует дополнению.

Принцип 2 (Ун-ия 83)

В основном порядке дополнение и глагол расположены контактно (т.е. между ними не вклинивается подлежащее)

Принцип 3 (Ун-ия 84)

В основном порядке подлежащее и дополнение расположены контактно (т.е. между ними не вклинивается глагол).

§ I46. Рассмотрим теперь, какие из этих принципов нарушаются при том или ином порядке слов. В скобках указана относительная частота

тельная частотность языков с каждым словопорядком и 95%-ный доверительный интервал (ДИ).

Порядок ЦДГ (ок.50% языков, ДИ: 43-57%). Соблюдаются все три принципа

Порядок ШД (ок.30% языков, ДИ: 23,7÷36,5%). Нарушается принцип 3

Порядок ГЦД (ок.15% языков, ДИ: 10,3÷20,4%). Нарушается принцип 2.

Порядок ГДШ (ок.5% языков, ДИ: 2,4÷8,5%). Нарушается принцип 1.

Порядок ДШГ (нет примеров, ДИ: $\leq 1,5\%$). Нарушаются принципы 1 и 2.

Порядок ДГШ (нет примеров, ДИ: $\leq 1,5\%$). Нарушаются принципы 1 и 3.

Отсюда правило выбора доминирующего порядка в языках:

Ун-ия 85

В основном порядке слов может нарушаться не более одного из принципов (1,2 или 3).

Очевидно, что в таком случае отсутствие языков с основным порядком ДШГ или ДШГ объясняется тем, что в них нарушалось бы одновременно по два принципа. Очевидно, также, что эти три принципа имеют неодинаковую "силу". Наиболее "сильным" является принцип 1, наименее - принцип 3. Соответствующим образом распределяется и численность языков, нарушающих эти принципы. Наконец, наибольшую вероятность имеет основной порядок слов, в котором не нарушается ни один из принципов, то есть порядок ЦДГ. Это не только объясняет реально наблюдающиеся сильные различия в частоте встречаемости различных доминирующих порядков, но и согласуется с высказывавшимся в литературе мнением о психолингвистической первичности порядка ЦДГ, основанным на фактах детской речи, языка глухонемых и ряде психолингвистических экспериментов /Леонтьев 1969; II4-II5, 266/.

§ 147. Тем не менее, я не решаюсь настаивать на этом объяснении распределения основных порядков. Если принцип Гринберга и принцип контактности дополнения и глагола кажутся, в общем, естественными, то принцип контактности подлежащего и дополнения выглядит довольно-таки странно. Ниже я попытаюсь построить альтернативное объяснение наблюдаемых фактов, не прибегая к этому принципу.

Если постулировать только один универсальный принцип (а именно, принцип Гринберга: "П перед Д", то его нарушение можно объяснить действием специфического возмущающего фактора: принцип Гринберга может нарушаться (хотя и не обязательно), если в основном порядке глагол предшествует и подлежащему и дополнению а именно:

Ун-ия 86

В любом языке в основном порядке слов соблюдается принцип Гринберга ("П перед Д") и/или глагол занимает начальную позицию.

Эта универсалия совершенно равносильна универсалии 70, отличаясь от нее только формулировкой. Порядки ДПГ и ДПД запрещаются принципом Гринберга, поскольку позиция глагола в них не начальная. Порядки ПДГ и ПГД допускаются принципом Гринберга и возмущающий фактор здесь также отсутствует. При начальной позиции глагола, являющейся возмущающим фактором, принцип Гринберга становится необязательным, вследствие чего возможны в качестве основных оба порядка: ГПД и ГДП.

Второе объяснение, к сожалению, никак не предусматривает реально наблюдаемого абсолютного преобладания порядка ПДГ и распределения относительных частотностей прочих порядков слов. Я предоставляю выбор между этими объяснениями читателю.

СПОСОБЫ КОДИРОВАНИЯ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

4. КОРРЕЛЯЦИИ МЕЖДУ ПОРЯДКОМ АФФИКСОВ ГЛАГОЛЬНОГО СПРЯЖЕНИЯ И ПОРЯДКОМ СЛОВ В ЯЗЫКАХ .

§ 148. Наличие связей между синтагматикой морфем в пределах слова и синтагматикой слов в пределах предложения неоднократно отмечалось в лингвистической литературе. Таковы наблюдения Дж. Гринберга /1970 (1961)/ о связи тенденции к суффиксации с порядком слов ПДГ, тогда как языки с порядком слов ГПД более склонны к префиксации, о корреляции суффиксации с послелогом и постпозицией определения, а префиксации с предлогами и препозицией определения и т.д. Можно также показать, что в ряде работ такие связи понимаются чрезмерно прямолинейно и априорно: из внешнего подобия делаются далеко идущие, но не всегда обоснованные выводы. Так, из порядка аффиксов п-Г-д в ряде языков мунда Г.-Ю.Пиннов [*Pinnow* 1966] делает вывод о том, что порядок слов в прамунда был ПДГ (в современных языках - ПДГ). Аналогичный вывод на том же основании делает Т.Гивон [*Givón* 1975] для пра-семитского (словопорядок в древнесемитских - ГПД). У.П.Леманн [*Lehmann* 1975] утверждает, что сложные слова, образованные по модели Г+Д возможны только в языках, где Г и Д расположены контактно и Г предшествует Д, то есть в языках с порядком слов ПДГ, но не ПДГ и ГПД, а компаунды по модели Д+Г в индоевропейских языках (санскр. *madhu-pa* "медовый напиток", лат. *benefacere, male-dicere* и т.п.) свидетельствуют о наличии в праиндоевропейском порядке слов ПДГ, но не ПДГ.

Эти и другие подобные утверждения апеллируют исключительно к внешнему сходству и "здравому смыслу". Между тем, эмпирическая проверка показывает, что порядок аффиксов спряжения п-Г-д крайне нетипичен для языков с порядком слов ПГД, порядок инкорпорированного дополнения в словоформе глагола вида Д+Г столь же типичен для языков с порядком слов ПГД, как и ПДГ; напротив, инкорпорация вида Г+Д как раз специфична для языков с порядком слов ГПД. Это лишний раз свидетельствует о верности тезиса, выдвинутого в начале данной работы (§ 3): любые, даже кажущиеся самоочевидными, лингвистические обобщения должны подвергаться эмпирической проверке и статистической оценке; без этого никакие апелляции к "естественности" таких обобщений не доказывают их истинности.

§ 149. Рассмотрим две следующие универсалии:

Ун-ия 87

Если в двухличной парадигме существуют формы, префиксально согласующиеся с дополнением (д-Г), то в ней есть (эти же или другие) формы, префиксально согласующиеся с подлежащим (п-Г).

Исключения: туника, даргинский, табасаранский, бурушаски, аюана, усаруфа, гадсуп, ава, кате, уманакайна, тонкава, бацбийский.

Ун-ия 88

Если в двухличной парадигме есть формы, префиксально согласующиеся с подлежащим (п-Г), то в этой парадигме есть (эти же или другие) формы, префиксально согласующиеся с дополнением (д-Г).

Исключения: каювава, отоми, цоцил, ихил, нанди, сук, луо, бугийский, барез, ненема, нигумак, аккадский, арабский, иврит, самаритянский, геэз, берберский, цимшиан, паренги, сора, жуанг.

Такое необычно большое число исключений не случайно, так как я специально выбирал для обеих универсалий формулировки с максимальным числом исключений. Тем не менее обе универсалии имеют высокую надежность (см. §§ 8-II). Легко видеть, что к

ун-ии 87 исключениями являются языки, имеющие формы двухличного спряжения вида д-Г-п, но не имеющие форм вида п-Г-д. Исключения к ун-ии 88 имеют, напротив, формы п-Г-д, но не формы д-Г-п. На таком большом числе исключений нахождение возмущающего фактора не представляет трудностей. Действительно, все исключения к ун-ии 87, кроме языка тонкава, имеют порядок слов ППГ. Из 22 исключений к ун-ии 88 в 17 языках имеется порядок слов ГПД или ГДП.

Отсюда следующие универсалии:

Ун-ия 89

Если в двухличной парадигме есть формы вида п-Г-д, но нет форм вида д-Г-п, то в данном языке доминирует порядок слов с начальной позицией глагола (ГПД или ГДП)

Исключения: аккадский, луо, сора, паренги, жуанг.

Из языков-исключений луо имеет порядок ППД, прочие - порядок ПДГ. Подробнее эти языки-исключения рассматриваются в /Козинский 1977а/.

Ун-ия 90

Если в двухличной парадигме есть формы вида д-Г-п, но отсутствуют формы вида п-Г-д, то в данном языке доминирует порядок слов с конечной позицией глагола в предложении (ППГ)

Исключение: тонкава (порядок ППД).

§ 150. Две других закономерности близки к ун-ям 89 и 90, но не идентичны им и заслуживают самостоятельной формулировки.

Ун-ия 91

Если в двухличной парадигме имеется хотя бы одна форма глагола префиксально согласующаяся с дополнением (т.е. хотя бы одна форма д-Г), то в таком языке самостоятельное подлежащее предшествует глаголу (доминирует порядок слов ППГ или ППД)

Исключения: масаи, теусо, науатл, агуакатек, чинук, волио, фокс, кер д'ален

Корреляция значима (вероятность ошибки менее 0,01, ожидаемое число исключений - 16), несмотря на большое число исключений. Все перечисленные языки имеют в двухличной парадигме формы вида п-д-Г. Не исключено, что наличие таких форм и является

возмущающим фактором (вероятность ошибки - чуть больше 0,01).

Ун-ия 92

Если в двухличной парадигме согласование с дополнением - только префиксальное (т.е. единственно возможными являются формы д-Г), то в таком языке самостоятельное подлежащее предшествует глаголу (порядок слов ПДГ или ПГД)

Исключения: масай, теусо, науатл, агуакатек, чинук

Очевидно, что эта универсалия - частный случай ун-ии 91, но надежность ее существенно выше (ожидаемое число исключений - 20).

§ 151. Ун-ия 93

Если в двухличной парадигме согласование с подлежащим - только суффиксальное (формы Г-п - единственно возможные), то в таком языке самостоятельное подлежащее предшествует глаголу (порядок слов ПДГ или ПГД)

Исключения: сквамиш, шусвап, килеут, кус, суислав, квакиутл, сапотек (ожидаемое число исключений - 16)

Во всех языках-исключениях единственно возможными формами в двухличной парадигме являются формы Г-п-д. С вероятностью ошибки менее 0,01 это и является возмущающим фактором, а именно:

Ун-ия 94

Если доминирует порядок слов ГП и в двухличной парадигме согласование с подлежащим - только суффиксальное, то согласование с прямым дополнением также только суффиксальное.

§ 152. Интересно, что все приведенные универсалии устанавливают корреляции между характером спряжения и позицией подлежащего в предложении и только универсалии 89 и 90 говорят еще и о позиции самостоятельного дополнения. Прочие возможные связи между порядком аффиксов субъектно-объектного спряжения и порядком слов в предложении оказались статистически незначимыми.

Интересно также своеобразное "зеркально симметричное" влияние различных конструкций спряжения на порядок слов. Конструкция п-Г-д обуславливает начальную позицию глагола в предложении, конструкция д-Г-п - конечную позицию глагола. В тех 16-ти языках, где сосуществуют обе эти конструкции, наблюдаются различные порядки слов, причем их распределение близко к среднестатистическому: то есть конструкции п-Г-д и д-Г-п как бы взаимно нейтрализуют свое действие на порядок слов. Ср. также симметричность возможных возмущающих факторов для универсалий 87 и 88, 91 и 93. Случай, когда для различных грамматических противопоставлений наблюдаются зеркально симметричные зависимости (т.е. соответствующие универсалии различаются лишь направлением стрелки импликации), довольно часты. В качестве примеров можно привести еще универсалии 77 и 78, 71 и 72, 37 и 39, 59 и 60, 57 и 58 и др.

§ 153. В заключение, рассмотрим универсалии, связанные с инкорпорацией. Здесь и далее под инкорпорацией понимается регулярное включение в финитную глагольную словоформу корня или основы имени, причем инкорпорирующим считается только такой язык, где существует возможность трансформации предложения типа: предложение с инкорпорированным в глагол именем - предложение с тем же именем, выступающим как самостоятельный член предложения. Требование регулярности означает, что окказиональные образования типа русск. плодоносить, благодарить, рукоплескать не рассматриваются и русский язык инкорпорирующим не считается. Требование финитности глагола означает, что инкорпорацией не считаются такие образования как русск. водонос, полотер, чистотел и т.п. Во многих языках, где в глагол включаются корни именного проис-

хождения, возможность трансформации предложения так, чтобы превратить включенный в глагол корень в самостоятельный член предложения, отсутствует. В этом случае скорее нужно говорить не об инкорпорации, а о наличии в составе глагола деривационных элементов, исторически восходящих к именам.

Наиболее обычной является инкорпорация прямого дополнения, типа русск. плодоносить. Очень часто встречается также инкорпорация косвенных дополнения и обстоятельств типа русск. руководить, благовестить. Инкорпорация подлежащего встретила только в языках онондага, таос, сора и чукотском. Во всех этих языках инкорпорированное и прямое дополнение. Отсюда универсалия:

Ун-ия 95

Если в языке существует инкорпорация подлежащего, то в нем существует и инкорпорация прямого дополнения.

§ 154. Представляет интерес и расположение инкорпорированного члена в глагольной словоформе. Оказывается, что расположение инкорпорированного члена перед или после корня самого глагола тесно связано с доминирующим порядком слов. При порядке ЦДГ инкорпорированное прямое дополнение предшествует глагольному корню, так же, как и самостоятельное дополнение: донгола, яте, валапай,¹⁾ таос, чероки и др. При доминировании порядка ШД инкорпорированное дополнение, в отличие от самостоятельного, также стоит перед глагольным корнем: чукотский, тиви, гуарани, онондага и др. При доминировании порядка ГЦД или ГДЦ инкорпорированное дополнение стоит после глагольного корня: волио, квакиутл цимшиан, фокс, салишский и др. Таким образом, позиция инкорпорированного дополнения зависит от доминирующей позиции самостоя-

¹⁾ /Sherzer 1976/.

тельного подлежащего. Отсюда универсалии:

Ун-ия 96

Если инкорпорированное прямое дополнение предшествует глагольному корню, то в данном языке самостоятельное подлежащее предшествует глаголу-сказуемому.

Ун-ия 97

Если инкорпорированное прямое дополнение следует за глагольным корнем, то в данном языке самостоятельное подлежащее следует за глаголом

Исключения: сора, паренги, гта¹⁾; оджибве²⁾ и, возможно, некоторые другие алгонкинские.

Порядок слов во всех языках мунда, к которым принадлежат сора, паренги и гта - ПДГ. Порядок слов в алгонкинских не одинаков. В некоторых из них этот порядок - ГПД (фокс), в других ПГД, но порядок ГПД является одним из альтернативных и достаточно частых во всех алгонкинских. Поэтому можно предположить, что постпозитивная инкорпорация в алгонкинских - это морфологический архаизм и в прошлом порядок слов во всех алгонкинских характеризовался начальной позицией сказуемого. Что касается языков мунда, то поскольку ряд из них (в том числе паренги и сора) имеет еще одну морфологическую черту, гармонирующую только с начальной позицией глагола в предложении (порядок аффиксов спряжения п-Г-д - см. ун-ию 89), можно предположить, что в древности они также имели порядок слов ГПД или ГДП (см. подробнее об этом /Козинский 1977a/).

1) /Zide 1976/.

2) /Bloomfield 1957/.

ВЫВОДЫ

1. Поскольку лингвистические универсалии являются эмпирическими обобщениями, получаемыми на выборке из ограниченного количества языков, их разделение на "абсолютные" и "статистические" является чисто иллюзорным. Степень надежности таких обобщений можно выяснить статистическими методами; при этом наличие или отсутствие исключений в использованной выборке не является решающим фактором для признания некоторого эмпирического заключения универсалией.

2. Такие члены предложения и синтаксические категории как подлежащее, различные дополнения, переходный и непереходный глагол, действительный и страдательный залоги могут получить универсальное определение, если в его основание положить определенные сочетания семантических ролей актантов, семантических характеристик сказуемых и актуального членения.

3. Классификация конструкций простого предложения может проводиться по различным параметрам. При этом по одному параметру конструкция может быть аккумулятивной, по другому — эргативной и т.д. в одном и том же языке. Сравнение языков позволяет выяснить, какие из этих параметров являются взаимозависимыми, а какие, напротив, обуславливают друг друга.

4. Грамматические способы, которыми языки обеспечивают передачу субъектно-объектных отношений, — именное словоизменение (включая аналитические формы), глагольное спряжение, залоговые противопоставления и порядок слов в предложении — обнаруживают целый ряд особенностей, общих для всех языков. Общезыковые ограничения на возможное разнообразие устройства каждой из этих подсистем (лингвистические универсалии) во многом специфичны для каждой конкретной подсистемы. Однако обще-

руживаются и области, в которых устройство одной из этих подсистем в данном языке зависит от устройства другой. Интересной особенностью является также и своеобразная "зеркальная симметричность" среди обнаруженных универсалий, когда в разных подсистемах или для разных лингвистических категорий действуют принципиально однотипные, но противоположно направленные, закономерности.

5. Обнаруженные синхронные закономерности позволяют, во-первых, использовать их для верификации языковых реконструкций и, во-вторых, поставить вопрос о их содержательном объяснении на основе каких-то новых теоретических предпосылок и взглядов на природу человеческого языка и характер его эволюционного развития, что является, разумеется, задачей дальнейших, более углубленных исследований.

ПРИЛОЖЕНИЕ I. СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ¹

- АК - аккумулятивная конструкция предложения
АТМ-форма - форма глагола с данным аспектуально-темпорально-
-модальным значением
Г - глагол-сказуемое
ГО - грамматическое оформление
Д - дополнение /в т.ч. прямое/
-д- - аффикс, согласующий глагол с дополнением
ДЗ - действительный залог
Дк - косвенное дополнение
Дкат - косвенное агентивное дополнение /в страдательном залоге/
Дкадр - косвенное дополнение адресата
Дп - прямое дополнение
МУ - модель управления глагола-сказуемого
П - подлежащее
-п- - аффикс, согласующий глагол с подлежащим.
ПН - подлежащее непереходного глагола
ПНд - " " " " " " действия
ПНс - " " " " " " состояния
ПНп - подлежащее переходного глагола действительного залога
Псз - подлежащее /переходного/ глагола страдательного залога
С - сказуемое /в т.ч. именное/
СЗ - страдательный залог
СФ - синтаксическая форма
Ун-ия - универсалия
ЧП - член/ы/ предложения
ЭК - эргативная конструкция предложения

¹Сокращения, используемые в списке рассмотренных языков, рас-
шифровываются на следующих страницах

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. РАССМОТРЕННЫЕ ЯЗЫКИ

Список рассмотренных языков оформлен в виде таблицы, в строках которой помещены названия языков, а в столбцах — некоторые из важнейших их типологических характеристик, указание на ареально-генетическую принадлежность языка и ссылки на источники.

Столбец 1. — Порядок слов. Указан доминирующий словоупотребительский порядок подлежащего, сказуемого и прямого дополнения < ПДГ, ПГД, ГПД, ГДП > в предложениях с переходным глаголом действительного залога. Если при непереходном глаголе расположение подлежащего относительно глагола отличается от его позиции при переходном глаголе, это указывается через запятую < ГП, ПГ >. Если изменение доминирующего словоупотребительского порядка происходит только при именном сказуемом, применяется символ С < ПС, СП >. Отсутствие указаний на словоупотребительский порядок в данном столбце означает недостаток сведений.

Столбец 2. — Глагольное спряжение. Цифрой указан тип субъектно-объектного спряжения переходных двухличных глаголов в соответствии с нумерацией этих типов в § 123. После запятой указывается тип спряжения < п-Г, Г-п, п-Г-п > непереходных глаголов, если позиция аффикса подлежащего отличается от таковой у переходных глаголов. Отсутствие указаний означает недостаток данных, прочерк — отсутствие спряжения.

Столбец 3. — Тип словоизменения < конструкция предложения >. При наличии в словоизменении СФ аккумулятива, конструкция называется аккумулятивной, обозначается А. При наличии СФ эргатива конструкция считается эргативной < обозначается Э >. Если имеются обе эти СФ, конструкция называется эргативно-аккумулятивной < ЭА >. При этом обозначение ЭА-1 означает, что эти две СФ не противопоставлены парадигматически < т.е. у одних слов чисто

аккузативная, а у других — чисто эргативная система словоизменения). Обозначение ЭА-2 означает, что в языке существует по крайней мере несколько слов, в парадигме которых имеются обе СФ. Если в языке нет ни той, ни другой СФ, то конструкция считается индефинитной (И), даже если в языке существуют некоторые другие СФ (СФ абсолютива, СФ транзитива). Активная именная конструкция обозначается без сокращений. Отсутствие обозначений означает недостаток сведений.

Столбец 4. — Ареальная и генетическая принадлежность. Учитываются только крупнейшие ареалы и языковые семьи. Сначала сокращенно обозначается ареал, потом, после двоеточия, языковая семья или группа семей, которые близки географически и типологически. Ареалы разграничены с известной долей условности и если какой-то язык распространен в одном ареале, а основная масса родственных ему языков — в другом, то он все равно указывается как принадлежащий к последнему ареалу. Список применяемых сокращений:

АФ — Африка, включая Ближний Восток (Аравия, Междуречье, Левант)
АФ:афр — афразийские
АФ:бан — банту
АФ:зат — западно-атлантические
АФ:нил — нилотские
АФ — прочие языки Африки

СЕ — Северная и западная Евразия
СЕ:кав — северокавказские и картвельские
СЕ:ие — индоевропейские
СЕ:тм — тюркские, монгольские, тунгусо-манчжурские
СЕ:ур — уральские
СЕ — прочие

ДЕ — восточная Евразия (примерно к югу от границы СССР, но исключая Ближний Восток и индонезийский архипелаг)

ДЕ:аз — австроазиатские
ДЕ:др — дравидийские
ДЕ:ие — индоевропейские (индоиранские)
ДЕ:тк — тибето-китайские
ДЕ — прочие

ОК — Океания, Австралия и Австронезия с Мадагаскаром
ОК:ане — австронезийские
ОК:авс — австралийские
ОК:пап — новогвинейские (папуасские) и прочие

СА - Северная Америка, включая Центральную
 СА:ав - алгонкинско-вакашские, включая сапешские
 СА:МК - майя-киче
 СА:НД - надене (агальаскские, тлингит, хайда)
 СА:лен - пенути
 СА:уа - уто-эстекские
 СА: - прочие

ЮА - Южная Америка
 ЮА:ка - карибские, аравакские
 ЮА:км - кечуа-аймара
 ЮА:лт - пано-такана
 ЮА:тг - тули-гуарани
 ЮА - прочие

Столбец 5. - Ссылки на источники (автор(ы) или первые слова названия + год издания)

	1	2	3	4	5
	словобло- рядок	спряжение	конструк- ция пред- ложения	ареаль- но-генеги- ческая при- надлежность	источник(и)
абазинский	ПДГ	2	И	СЕ:кав	Генко 1955; Ломтегидзе 1967а
абхазский	ПДГ	2	И	СЕ:кав	Брабжэ 1964; Ломтегидзе 1967б
ава	ПДГ	5	И	ОК:пап	The languages 1973
аварский	ПДГ	А-Г, П-Г	Э	СЕ:кав	Бокарев 1949; Мадиева 1967
агуакатек	ГЦД	2	И	СА:МК	McArthur et al. 1966
агульский	ПДГ	-	Э	СЕ:кав	Шаумян 1941
адыгейский	ПДГ	2	Э	СЕ:кав	Яковлев, Ашхамаф 1941; Кумахов 1967
айсорский	ПЦД	1	А	АФ:Афа	Арсанис 1968
аккадский	ПДГ	6	А	АФ:афа	Липин 1964
аколи	ГЦД	П-Г		АФ:нил	Бгуан 1948

	1	2	3	4	5
	порядок	спряжение	конструкция	принад- лежность	источник(и)
алава	ПДГ	II	Э	ОК:авс	Sharpe 1972
алеутский	ПГД?	I	Э	СЕ	Меновщиков 1968
алюторский	ПГД		Э	СЕ	Жукова 1968
амеле	ПДГ	I		ОК:пап	Capell 1969
амхарский	ПДГ	(п)-Г-п-(д)	А	АФ:афа	Титов 1971
арабский	ГЦД	6	А	АФ:афа	Karlivatsky 1942-1947
ассамский	ПДГ	Г-п	ЭА-2	ЮЕ:ие	Бабакаев 1961
африканс	ПГД	-	А	СЕ:ие	Мионов 1969
ахвахский	ПДГ	I	Э	СЕ:кав	Магомедбекова 1967
ашкун	ПДГ	Г-п, Г-д	ЭА-2?	ЮЕ:ие	Эдельман 1965
аяана	ПДГ	4	И	ОК:пап	The Languages 1973:181-400
банджанг	ПГД	-	ЭА-2	ОК:авс	Canningham 1969
бараньский	ПДГ	-	А	СЕ:тм	Тодаева 1964
барез	ГЦД	II	И	ОК:ане	Verguin 1959
бацбийский	ПДГ	5	Э	СЕ:кав	Дешериев 1953
берберский	ГЦД	6	И	АФ:афа	Завадовский 1967
билган	ГЦД	-	А	ОК:ане	Dean 1958; Pike 1963
боро	ПДГ	-	А	ЮЕ:тк	
брауи (брагуи)	ПДГ	Г-п	А	ЮЕ:др	Андронов 1971
бугийский	ГЦД	II	И	ОК:ане	Сирк 1975
бурушаски	ПДГ	4	ЭА-2	ЮЕ	Климов, Эдельман 1970
бурятский	ПДГ	Г-п	А	СЕ:тм	Бертагаев 1968
вайгали	ПДГ	Г-п, Г-д	ЭА-1	ЮЕ:ие	Эдельман 1965
вайяна	ПГД?	2	И	ЮА:ка	Jackson 1972

1	2	3	4	5
порядок	спряжение	констр.	принадлежн.	источник(и)
вальбири	И	Э	ОК:авс	Capell 1962
вембавемба	И	ЭА-1	ОК:авс	Hercus 1969
волио	7	И	ОК:ане	Anceвих 1952
вотанури	Г-п, Г-д	ЭА-2	ЮЕ:ие	Эдельман 1965
вьетнамский	-	И	ЮЕ:авз	Thompson 1965; Быстров и др. 1975
гавейский	-	А	ОК:ане	Hohera 1969
гавар	Г-п	ЭА-2	ЮЕ:ие	Эдельман 1965
гадсуп	4	ЭА-2	ОК:пап	Burling 1961
гарадари	И	ЭА-1	ОК:авс	Старинин 1967
гаро	-	А	ЮЕ:тк	Мионов 1965
гезз	6	А	АФ:афа	Чикобава 1967
голландский	Г-п	А	СЕ:ие	Gregores, Suarez 1967
грузинский	II	ЭА-2	СЕ:кав	Platt 1972
гуарани	2	И	ЮА:тг	Murane 1974
гугада	-	ЭА-1	ОК:авс	Van Valin 1977; Boas, Swanton 1969 (1971)
дага	И	И	ОК:пап	Capell 1962
дакота (слу)	И	И	СА:хс	Абдуллаев 1954
далабон	2	Э	ОК:авс	Tryon 1967
даргинский	4	А	СЕ:кав	Capell 1962:98-99
деху	-	А	ОК:ане	Nebel 1948
димуга	И	А	ОК:пап	Dixon 1972
динва	-	А	АФ:нил	Armbruster 1960
дирбал	-	А	ОК:авс	Андронов 1965
донгола	Г-п	А	АФ	
дравидийские	Г-п	А	ЮЕ:др	

	1	2	3	4	5
	порядок	спряжение	констр.	ареал, семья	источник(и)
древнекитайский	ПГД	-	И	ЮЕ:тк	Яхонтов 1965; Крюков 1973
жуанг	ПДГ	6		ЮЕ:авз	Pinnow 1966
зулу	ПГД	2	И	АФ:бан	Охотина 1961
мам	ПГД, ГП	-	А	ОК:ане	Труби 1968
иврит	ГПД	6	А	АФ:афа	Гезениус 1874
ингушский	ПДГ	п-Г, д-Г	Э	СЕ:кав	Долакова 1967
испанский	ПГД	Г-П	А	СЕ:ие	Левинтова, Вольф 1964
итальянский	ПГД	Г?	А	СЕ	Володин, Жукова 1968; Володин 1974
ихил	ГПД	-	И	СА:мк	Eliot 1960; Eliot, Eliot 1966
йиведя	ПГД?	2	И	ОК:авз	Capell 1962
йокутс	ПГД?	-	А	СА:пен	Newman 1946
йоруба	ПГД	-	А	АФ:зат	Яковлева 1963
кабардинский	ПДГ	2	Э	СЕ:кав	Яковлев 1948; Шагиров 1967
калалаш	ПДГ	Г-П		ЮЕ:ие	Эдельман 1965
калкатунгу	ПДГ	Г-П, Г-д	ЭА-2	ОК:авз	Blake 1967
калмыцкий	ПДГ	Г-П	А	СЕ:тм	Тодаева 1968
каморо	ПДГ	Г	И	ОК:пап	Capell 1969; Holmer 1971
каннада	ПДГ	Г-П	А	ЮЕ:др	Андронов 1962
кате	ПДГ	5		ОК:пап	Capell 1969:85-88
кати	ПДГ		ЭА-2	ЮЕ:ие	Эдельман 1965
каумля	ПГД	2		СА:уа	Jacobs 1975
качинский	ПДГ	-	А	ЮЕ:тк	Пузицкий 1968
кашмири	ПДГ	Г?	ЭА-2	ЮЕ:ие	Эдельман 1965
каювава	ГДП	3	И	ЮА	Key 1967

1	2	3	4	5
порядок	спряжение	констр.	арелл, семья	источник(и)
кваклуул	ГПД	А	СА:ав	Boas 1969(1911)
керекский	ПД?	ЭА-2	СЕ	Скорик 1968
кечуа	ПД	А	ЮА:км	Klassen et al 1965
кивай	ПДГ-ПД		ОК:пап	Capell 1969:72-78
килеут	ПД	И	СА:	Andrade 1938
китайский (соврем.)	ПД	А	ЮЕ:тк	Драгунов 1952
киче	ПД	И	СА:мк	Fox 1966
кваллам	ПД?	Э?	СА	Thompson 1971
коми	ПД	А	СЕ:ур	Современный комм... 1955; Лыткин 1968
корякский	ПД	Э	СЕ	Жукова 1968
курку	ПДГ	Г-А	ЮЕ:авз	Pinnow 1966
кус	ПД	Э	СА:пен	Frachtenberg 1969 (1911)
кхам	ПДГ	Э	ЮЕ:тк	Watters 1973
кхарма	ПДГ	А	ЮЕ:авз	Biligini 1965
кхервари	ПДГ		ЮЕ:авз	Pinnow 1966
кховар	ПДГ	ЭА-2	ЮЕ:ие	Эдельман 1965
лагаха	ПДГ		ОК:пап	Capell 1969:101-103
лакский	ПДГ	Э	СЕ:кав	Жирков 1955
лезгинский	ПДГ	Э	СЕ:кав	Жирков 1941; Мейланова 1967
ленди	ПДГ	ЭА-2	ЮЕ:ие	Смирнов 1970
лингала	ПДГ	И	АФ:бан	Топорова 1973
логухо	ПДГ	И	АФ:нил	Muratori 1938
луганда	ПДГ	И	АФ:бан	Яковлева 1961
луо	ПДГ	И	АФ:нил	Stafford 1967
лы	ПДГ	А	ЮЕ	Морев 1978

I	2 ^я	3	4	5
порядок	спряжение	конструкция	ареал	источник(и)
мадимэди	-	ЭА-1	ОК:авс	Hercus 1969
майду	Г-П	А	СА:пен	Shipley 1964
майя(древний)	4?	И	СА:МК	Кнорозов 1963
малесит-пассамокводди	12	И	СА:ав	Teeter 1971
малинке (мандинго)	-	И	АФ:зат	Токарская 1964
мальгашский	-	И	ОК:ане	Аракин 196
мансийский	1	А	СЕ:ур	Баландин, Вахрушева 1957
манчжурский	-	А	СЕ:ТМ	Пашков 1963
маранунгку	1	И	ОК:авс	Tryon 1970
маори	-	А	ОК:ане	Крупа 1967
маретхи	1	ЭА-2	ЮЕ:ие	Катенина 1963
марийский	Г-П	А	СЕ:ур	Современный марийский... 1961
масай	2	А	АФ:нил	Tucker, Ole Tompuraeji 1955
маунг	2	И	ОК:авс	Capell, Hinch 1970
монгольский	-	А	СЕ:ТМ	Санжеев 1964
мордовские(эрзя, мокша)	1	А	СЕ:ур	Грамматика мордовских... 1962
мундари	1	А	ЮЕ:аав	Pinnow 1966
наме	1	И	АФ:	Tindall 1857
нанди	3	И	АФ:нил	Hollis 1969 (1909)
насиои	1	А	ОК:пап	Capell 1969:109-111
нганасанский	1	А	СЕ:ур	Прокофьев 1937а; Терещенко 1966
ненема-нигумак	3	И	ОК:ане	Haudricourt 1963
ненецкий	1	А	СЕ:ур	Прокофьев 1937б; Терещенко 1966
нивхский	Г-П	И	СЕ	Панфилов

I	порядок	2	3	4	5
		спряж.	констр.	ареал	источник(и)
ниуэ	ГПД	-	Э	ОК:ане	Ночера 1969
нобоноб	ПДГ	1		ОК:пап	Carrell 1969
норвежский	ПГД	-	А	СЕ:ие	Стеблин-Каменский 1957
онюндага	ПГД	2	И	СА:хс	Chafe 1970
отоми	ГДП	3, П-Г, Г-П	И	СА	Hess 1968
паренги (горум)	ПДГ	6	А	ЮЕ:ааз	Aze 1973
пашаи	ПДГ	1	ЭА-2	ЮЕ:ие	Эдельман 1965
питянтятяра	ПДГ	1	ЭА-1	ОК:авс	Glass, Parker 1970
помо	ПДГ	-	А	СА:хс	Moshinsky 1974
понка	ПДГ	2	активная	СА:хс	Boas, Swanton 1969 (1911)
португальский	ПГД	Г-П	А	СЕ:ие	Арутюнова 1965
прасун	ПДГ	Г-П	А	ЮЕ:ие	Эдельман 1965
раванг	ПДГ	1	Э	ЮЕ:тк	Morse 1965
румынский	ПГД	Г-П	А	СЕ:ие	Релина 1968
саамский	ПДГ?	Г-П	А	СЕ:ур	Керт 1966
самаритянский	ГПД, ПС	6	А	АФ:афа	Вильстер 1974
самозанский	ГПД, ПС	-	ЭА?	ОК:ане	Аракин 1973; Marsack 1962; Chapin 1970
сантали	ПДГ	1		ЮЕ:ааз	Pinnau 1966
сапотек	ГПД, ПС	3	И	СА	Briggs 1961
селепет	ПДГ	1	И	Ок:пап	McElhannon 1972
селькупский	ПДГ	Г-П	А	СЕ:ур	Прокофьев 1935; Прокофьева 1966
синдхи	ПДГ	1	ЭА-2	ЮЕ:ие	Егорова 1966
сирионо	ПГД	2	И	ЮА:тг	Priest, McQuilkin 1965
сквамиш	ГПД	1	И	СА:ав	Kuijpers 1967-1969

I	2	3	4	5
порядок	спряжение	конструкция	ареал	источник(и)
сомали	Г-П	И	АФ:афа	Жолковский 1971
сора	6	А	ЮЕ:авз	<i>Biligiri</i> 1965; <i>Starosta</i> 1976; <i>Zide</i> 1976
суахили	2	И	АФ:буи	Мячина 1960
суислав	1	ЭА-2	СА:пен	<i>Frachtenberg</i> 1969 (1911)
сук	3	И	АФ:нил	<i>Beech</i> 1969 (1911)
табасаренский	4	Э	СЕ:кав	Магомедов 1965; Ханмагомедов 1967
тагальский	-	А	ОК:ане	<i>Ramos</i> 1971
такелма	1	И	СА:пен	<i>Sapir</i> 1969 (1911)
таос	2	Э	СА	<i>Trager</i> 1946
тараскский	1	А	СА	<i>Foster</i> 1969
теде-деза	15	И	АФ	<i>Le Coeur, Le Coeur</i> 1956
телефон	2	И	ОК:пап	Леонтьев 1974
те(у)со	2	И	АФ:нил	<i>Bryan</i> 1948
тиви	2	И	ОК:авс	<i>Osborne</i> 1974
тирахи	Г-П, Г-Д	ЭА-2	ДЕ:ие	Эдельман 1965
тлингит	2	И	СА:на	<i>Swanton</i> 1969 (1911)
тонганский	-	Э	ОК:ане	<i>Churchward</i> 1953
тонкава	5	А	СА	<i>Heijer</i> 1946
тунгусские (8 языков)	Г-П	А	СЕ:тм	ЯНСССР, т.5, 1968
туника	4, П-Г, Г-П	И	СА:хо	<i>Maas</i> 1946
турецкий	Г-П	А	СЕ:тм	Кононов 1956
тхарзари	-	ЭА-2	ОК:авс	<i>Klokeid</i> 1969
уайяна	2	И	ЮА:ка	<i>Jackson</i> 1972
уаффа	-	А	ОК:пап	<i>The Languages</i> 1973:181-400
удинский	Г-П	ЭА-2	СЕ:кав	Панчвидзе, Джейранишвили 1967

1	2	3	4	5
порядок	спряж.	констр.	ареал	источник(и)
Удмуртский	Г-п	А	СЕ:ур	Грамматика современного удмуртского... 19
уманакайна	5		ОК:пап	Caprell 1969:98-99
усаруфа	4	А	ОК:пап	The languages 1973:181-400
финский	Г-п	А	СЕ:ур	Хакулинен 1953-1955
фокс	12	А	СА:ав	Jones 1969 (1911)
хайда	2	И	СА:нд	Swanton 1969 (1911)
хантыйский	1	А	СЕ:ур	Штейниц 1937; Терешкин 1966
хеттский	Г-п	А	СЕ:ие	Иванов 1963
хингалугский	п-Г, Г-п, д-Г, Г-д	Э	СЕ:кав	Кибрик и др. 1972
хинди	Г-п, Г-д	ЭА-2	ЮЕ:ие	Катенина 1960
хопи	-	А	СА:уа	Whorf 1946
хула	2	И	СА:нд	Goddard 1969 (1911)
цимшиан	6	Э	СА:пен	Boas 1969 (1911)
цоцил	3, пд-Г-д, п-Г, Г-п	И	СА:МК	Cowan 1969
чакобо	Г-п	Э	ЮА:пт	Loos 1973
чагино	Г-п	И	СА:МК	Pride 1965
чероки	2	И	СА:хс	walker 1975
чеченский	2	Э	СЕ:кав	Яковлев 1940
чинук	2	И	СА:пен	Boas 1969 (1911)
читимача	2	активная	СА:хс	Swadesh 1946
чукотский	12	ЭА-2	СЕ	Скорик 1961
шведский	-	А	СЕ:ие	Попов, Попова 1969
шина	Г-п	ЭА-2	ЮЕ:ие	Эдельман 1965
шумашти	Г-п	ЭА-2	ЮЕ:ие	Эдельман 1965

	1	2	3	4	5
	порядок	спряж.	констр.	ареал	источник(и)
шувал	ГПД	1	И	СА:ав	Kuipers 1974
энецкий	ПДГ	2	А	СЕ:ур	Прокофьев 1937в; Терещенко 1966
эскимосский	ПГД	1	Э	СЕ	Меновщиков 1962-1967
эстонский	ПГД	Г-П	А	СЕ:ур	Каск 1966
юкагирский	ПДГ	Г-П	А	СЕ	Крейнович 1958
юма		2	А	СА:хс	Halpern 1946
ючи	ПДГ	2		СА	Wagner 1938
яки	ПДГ	5	И	СА:уа?	Johnson 1962
яте	ПГД	2	И	ЮА	Lapenda 1968

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Настоящий список содержит только те работы, на которые имелись ссылки в диссертации. Библиографическое описание составлено в соответствии с действующим ГОСТом. Принятые сокращения названий сборников и т.п. расшифровываются в общем алфавите авторов и названий.

- Абдуллаев З.Г./1967/. Даргинский язык. - в: ЯНСССР, т.4.
- Абдуллаев С.Н./1954/. Грамматика даргинского языка /Фонетика и морфология/. Махачкала, 1954.
- Андронов М.С. Дравидийские языки. М., 1965
- Андронов М.С. Язык брауди. М., 1971.
- Апресян Ю.Д./1974/. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Аракин В.Д. /1963/ Мальгашский язык. М., 1963.
- Аракин В.Д./1965/ Индонезийские языки. М., 1965.
- Аракин В.Д. /1973/. Самоанский язык. М., 1973.
- Арсанис Г.В. /1968/. Ассирийский /айсорский/ язык. - в: ЯНСССР, т. 5.
- Арутюнова Н.Д./1976/. Референция имени и структура предложения. - ВЯ, 1976, №2, с.24-35.
- Бабакаев В.Д./1961/. Ассамский язык. М., 1961.
- Баландин А.Н., Бахрушева М.П. /1957/. Мансийский язык. Л., 1957.
- Бенвенист Э. /1974/. Общая лингвистика. М., 1974.
- Бертагаев Т.А. /1968/. Бурятский язык. - в: ЯНСССР, т. 5.
- Бгабжа Х.С. /1964/. Бзыбский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1964.
- Бокарев А.А./1949/. Синтаксис аварского языка. М.- Л., 1949.
- Бокарев Е.А./1967/. Цезский язык. - в: ЯНСССР, т. 4.
- Быстров И.С., Нгуен Тай Кан, Станевич Н.В./1975/. Грамматика вьетнамского языка. Л., 1975
- Вардуль И.Ф./1967/. К обоснованию актуального синтаксиса. - в: Язык и мышление. М., 1967.

- Вардуль И.Ф. /1969/. Язык как система и языковые универсалии. - ЯУИТ 1969.
- Вильскер Л.Х. /1974/. Самаритянский язык. М., 1974.
- Володин А.П. /1974/ К вопросу об эргативной конструкции предложения. - ВЯ, 1974, №1
- Володин А.П., Жукова А.Н. /1968/. Ительменский язык. - в: ЯНСССР, т.5, 1968
- Вольф Е.М. /1977/. О соотношении содержательного и структурного в атрибутивных группах. - в: Тезисы симпозиума: "Проблема значения в современной лингвистике". Тбилиси, 1977.
- ВЯ. - журн. Вопросы языкознания.
- Гак В.Г. /1969/. К проблеме синтаксической семантики /семантическая интерпретация "глубинных" и "поверхностных" структур. - в: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.
- Гезениус В. /1874/. Еврейская грамматика. СПб., 1874
- Генко А.Н. /1955/. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта. М., 1955.
- Грамматика мордовских /1962/ ... языков. Ч.1. фонетика и морфология, Саранск, 1962.
- Грамматика современного удмуртского /1962/ языка /фонетика и морфология/. Ижевск, 1962.
- Гринберг Дж. /1964/. Некоторые обобщения, касающиеся возможных начальных и конечных последовательностей согласных. - ВЯ, 1964, №4.
- Гринберг Дж. /1970/. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов /1-е англ. изд. 1961/. - в: Новое в лингвистике. Вып. 5. М., 1970
- Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Дж. /1970/ 1-е англ. изд. 1961/ Меморандум о языковых универсалиях. - в: Новое в лингвистике Вып.5. М., 1970.
- Гудава Т.Е. /1967/. Вотлихский язык - в: ЯНСССР, т.4, 1967.
- Гухман М.М. /1972/. Позиции подлежащего в языках различных типов. - в: Члены предложения в языках различных типов. Л., 1970.
- Гухман М.М. /1973/. Лингвистические универсалии и типологические исследования. - ВЯ, 1973, №4.
- Дешериев Ю.Д. /1963/. Вацбийский язык. М., 1963.
- Дешериев Ю.Д. /1967/. Вацбийский язык. - в: ЯНСССР, т.4, 1967.

- Полакова Р.И. /1967/. Ингушский язык. - в: ЯНСССР т.4, 1967.
- Драгунов А.А. /1952/. Исследования по грамматике современного китайского языка. М.-Л., 1952.
- Цыренкова И.П. /1948/. Хакасский язык. Абакан, 1948.
- Цыконов И.М. /1967/. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
- Егорова Р.П. /1966/ Язык Синдхи. М., 1966.
- Есперсен О. /1958; 1-е англ. изд. 1924/. философия грамматики. М., 1958.
- Живов В.М. /1974/. Проблемы синтагматической фонологии в свете фонетической типологии языков. - ВЯ, 1974, №4.
- Жирков Л.И. /1941/. Грамматика лезгинского языка. Махачкала, 1941
- Жирков Л.И. /1955/. Лакский язык. фонетика и морфология. М., 1955
- Жолковский А.К. /1971/. Синтаксис сомали /глубинные и поверхностные структуры/. М., 1971.
- Жукова А.Н. /1968/. Алыторский язык. - в: ЯНСССР, т.5, 1968.
- Жукова А.Н. /1968/. Корякский язык. - в: ЯНСССР, т.5, 1968.
- Завадовский И.Н. /1967/. Берберский язык. М., 1967
- Закс Л. /1973; 1-е нем. изд. 1972/. Статистическое оценивание. М., 1973.
- Зализняк А.А. /1967/. Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Зализняк А.А. /1973/. О понимании термина "падеж" в лингвистических описаниях. 1. - в: Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.
- Звегинцев В.А. /1967/. Лингвистические универсалии и лингвистика универсалий. - в: Проблемы языкознания. М., 1967.
- Зыцарь Ю.В. /1977/. К типологической характеристике структуры языка басков. - ВЯ, 1977, № 3, с. 37-46.
- Иванов В.В. /1963/ Хеттский язык М., 1963.
- Каск А.Х. /1966/. Эстонский язык. - в: ЯНСССР, т. 3.
- Катенина Т.Е. /1960/. Язык хинди. М., 1960.
- Катенина Т.Е. /1963/. Язык маратхи. М., 1963.
- Кацнельсон С.Д. /1972/. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Кендел М. /1975; 4-е англ. изд. 1970/. Ранговые корреляции. М., 1975

- Кепинг К.В. /1977/. К вопросу об основной характеристике строя тангутского языка. - в: ПВЯ, ч.1.
- Керт Г.М./1966/. Саамский язык. - в: ЯНСССР, т.3.
- Кибрик А.Е. /1977/ Эргативность и дагестанские языки. - в: ПВЯ, ч.1.
- Кибрик А.Е. /1979/. Подлежащее и проблема универсальной модели языка. - Известия АН СССР. Сер. литературы и языка., 1979, т.38, №4.
- Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П. /1972/. Фрагменты грамматики хиналугского языка. М., 1972.
- Кизириа А.И. /1967/. Занский язык. - в: ЯНСССР, т.4.
- Климов Г.А./1973/. Очерк общей теории эргативности. М., 1973.
- Климов Г.А. /1977/. Типология языков активного строя. М., 1977.
- Климов Г.А. /1978/. Общеиндоевропейский и картвельский. - ВЯ 1978, № 4.
- Климов Г.А., Эдельман Д.И./1970/. Язык бурушаски. М., 1970.
- Кнорозов Ю.В./1963/. Письменность индейцев майя. М.- Л., 1963.
- Козинский И.Ш. /1977а/. К вопросу о реконструкции порядка слов в предложении австроазиатского праязыка. - в: ПВЯ, ч. 1.
- Козинский И.Ш. /1977б/. О некоторых связях между частями речи и единицами актуального членения предложения. - в: Тезисы симпозиума: "Проблема значения в современной лингвистике". Тбилиси, 1977
- Козинцева Н.А./1978/. Коммуникативная нагрузка членов предложения в активных, пассивных и неопределенно-личных предложениях /на материале армянского языка/. - в: Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978
- Кокорина С.И. 1979/. О семантическом субъекте и особенностях его выражения в русском языке. М., 1979.
- Колшанский Г.В. /1976/. Использование языковых универсалий для описания языков мира. - в: Принципы описания языков мира. М., 1976.
- Копонов А.Н./1966/. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.- Л., 1966.
- Крейнович Е.А./1958/. Юкагирский язык. М., Л., 1958.
- Крупа В. /1967/. Язык маори. М., 1967.
- Крыков М.В./1973/. Язык иньских надписей. М., 1973.

- Кульбак С. /1967; 1-е амер. изд. 1959/. Теория информации и статистика.
- Кумахов М.А. /1967/. Адыгейский язык. - в: ЯНСССР, т. 4.
- Лайонз Дж. /1978; 2-е англ. изд. 1972/. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
- Левинтова Э.И., Вольф Е.М. /1964/. Испанский язык. М., 1964.
- Лекомцева М.И. /1974/. К вопросу об однозначности фонологических решений. - в: Вопросы структуры языка. Синтаксис. Типология. М., 1974.
- Леонтьев А.А. /1974/. Папуасские языки. М., 1974.
- Леонтьев А.А. /1969/. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
- Липин Л.А. /1964/. Аккадский язык. М., 1964.
- Ломтатидзе К.В. /1967/. Абазинский язык. - в: ЯНСССР, т. 4.
- Ломтатидзе К.В. /1967/. Абхазский язык. - в: ЯНСССР, 1967, т.4.
- Лыткин В.И. /1966/. Коми-зырянский язык. - в: ЯНСССР, 1966, т.3.
- Лыткин В.И. /1966/. Коми-пермяцкий язык. - в: ЯН СССР, 1966, т.3.
- Магомедбекова З.М. /1967/. Чамалинский язык. - в: ЯНСССР, 1967, т.4.
- Магомедов А.А. /1965/. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965.
- Мадиева Г.И. /1967/. Аварский язык. - в: ЯНСССР, 1967, т.4.
- Майтинская К.Е. /1969/. Местоимения в языках разных систем. М., 1969.
- Мартемьянов Ю.С. /1964/. О форме записи ситуаций. - в: Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып. 8, 1964.
- Мейланова У.А. /1967/. Лезгинский язык. - в: ЯНСССР, 1967, т.4.
- Менюшиков Г.А. /1962-1967/. Грамматика языка азиатский эскимосов. М.-Л., 1962 /ч.1/; М.-Л., 1967 /ч.2/.
- Менюшиков Г.А. /1968/. Алеутский язык. - в: ЯНСССР, 1968, т.5.
- Мещанинов И.И. /1967/. Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
- Миронов С.А. /1965/. Нидерландский /голландский/ язык. М., 1965.
- Миронов С.А. /1969/. Язык африкаанс., М., 1969.
- Морев Л.Н. /1978/. Язык лш. М., 1978.
- Муркелинский Г.В. /1967/. Лакский язык. - в: ЯНСССР, 1967, т.4.
- Мячина Е.Н. /1960/. Язык суахили. М., 1960.
- Недяшков В.П. /1977а/. Поссесивность и инкорпорация в чукотском языке /инкорпорация подлежащего/. - в: Проблемы лингвистической типологии и структуры языка., Л., 1977.

- Недялков В.П. /1977/. Эргативность в чукотском языке. - в: ПВЯ 1977, ч.2.
- Недялков В.П. /1979/. Чукотский антипассив и вторичная транзитивация. - в: XI У Тихоокеанский научный конгресс. Хабаровск 1979. /.../ Тезисы докладов, т.2. М., 1979, с.266-268.
- Оглоблин А.К. /1978/ О соотношении актива и пассива в языках яванской группы. - в: Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978
- Охотина Н.В. /1961/. Язык зулу. М., 1961
- Падучева Е.В. /1973/. Анафорические связи и глубинная структура текста. - в: Проблемы грамматического моделирования. М., 1963.
- Панфилов В.З. /1968/. Нивхский язык. - в: ЯНСССР, 1968, т.5.
- Панфилов В.З. /1974/. Языковые универсалии и типология предложения. - ВЯ, 1974, №5.
- Панчвидзе В.Ч., /Джейранишвили Е.ф. /1967/. Удинский язык. - в: ЯНСССР, 1967, т.4.
- Пашков В.К. /1963/. Манчжурский язык. М., 1963.
- ПВЯ /1977/. - Тезисы докладов I Международного симпозиума ученых социалистических стран на тему "Теоретические проблемы восточного языкознания". ЧЧ. 1-2, М., 1977.
- Пиотровский Р.Г., Бектаев К.В., Пиотровская А.А. /1977/. Математическая лингвистика. Учеб. пособие, М., 1977.
- Полозова Н.В. /1978/. Пассивные конструкции с *aja* в индонезийском языке. - в: Проблемы теории грамматического залога, Л., 1978.
- Попов О.К., Попова Н.М. /1969/. Шведский язык. М., 1969.
- Прокофьев Г.Н. /1935/. Селькупская /остяко-самоедская/ грамматика. Л., 1935.
- Прокофьев Г.Н. /1937 а/. Нганасанский /тавгийский/ диалект. - в: ЯННС, 1937, ч.1.
- Прокофьев Г.Н. /1937 б/. Ненецкий /врако-самоедский/ язык. - в: ЯННС, 1937, ч.1.
- Прокофьев Г.Н. /1937 в/. Энецкий /енисейско-самоедский/ диалект в: ЯННС, 1937, ч.1.
- Прокофьева С.Д. /1966/. Селькупский язык. - в: ЯНСССР, т. 3.
- Пузицкий Е.В. /1968/. Качинский язык /язык чжинпхо/. М., 1968.
- Репина Т.А. /1968/. Румынский язык. М., 1968.
- Рождественский Ю.В. /1969/. Типология слова. М., 1969.
- Рождественский Ю.В. /1974/. Части речи и члены предложения как единицы описания в типологических исследованиях. - в: Вопросы структуры языка. Синтаксис, типология. М., 1974.

- Ромбандеева Е.И./1966/. Мансийский язык. - в: ЯНСССР, т. 3.
- Санжеев Г.Д./1964/. Старописьменный монгольский язык. М., 1964.
- Сенкевич-Гудкова В.В./1978/. К вопросу о пассивных конструкциях саамского языка /на материале саамского диалекта Кольского полуострова/. - в: Проблемы теории грамматического строя. Л., 1978.
- Серебренников В.А./1972/. О лингвистических универсалиях. - ВЯ, 1972, № 2.
- Серебренников В.А./1974/. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
- Сильницкий Г.Г./1974/. Глагольная валентность и залог. - в: Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. Л., 1974.
- Сирк Ю.Х./1975/. Бугийский язык. М., 1975.
- Скорик П.Я./1948/. Очерки по синтаксису чукотского языка. Л., 1948.
- Скорик П.Я./1961/. Грамматика чукотского языка. Ч. 1. Фонетика и морфология именных частей речи. М. - Л., 1961.
- Скорик П.Я./1968/. Керекский язык. - в: ЯНСССР, т. 5.
- Смирнов Ю.А./1970/. Язык ленди. М., 1970.
- Сова Л.З./1969/. Валентность и транзитивность с позиции лингвистического дуализма. - в: ЯУЛТ 1969.
- Современный коми /1955/ язык. Сыктывкар, 1955.
- Современный марийский /1956/ язык. Йошкар-ола, 1956.
- Соколовская Н.К./1970/. Категории лица и числа в личных местоимениях. /Неопубликованная/ дипломная работа: МГУ, филологический фак-т, отделение структурной и прикладной лингвистики, 1970.
- Старинин В.П./1967/. Эфиопский язык. М., 1967.
- Стеблин-Каменский М.И./1957/. Грамматика норвежского языка. М. - Л., 1957.
- Стебницкий С.Н./1934/. Ительменский язык. - в: ЯПНС, ч. 3.
- Степанов Ю.С./1975/. Основы общего языкознания. М., 1965.
- Суслов А.П./1978/. Общая теория статистики. М., 1978.
- Тепляшина Т.И./1966/. Удмуртский язык. - в: ЯНСССР, т. 3.
- Терешкин Н.И./1966/. Хантыйский язык. - в: ЯНСССР, т. 3.
- Терещенко Н.М./1966д/. Нганасанский язык. - в: ЯНСССР, т. 3.
- Терещенко Н.М./1966б/. Ненецкий язык. - в: ЯНСССР, т. 3.
- Теселкин А.С./1961/. Яванский язык. М., 1961.
- Титов Е.Г./1971/. Современный амхарский язык. М., 1971.
- Тодаева В.Х./1964/. Ваоаньский язык. М., 1964.

- Токарская В.П. /1964/. Язык малинке /мандинго/. М., 1964.
- Топорова И.Н. /1973/. Язык лингала. М., 1973.
- Топуриа В. Т. /1967/. Сванский язык. - в: ЯНСССР, 1966, т. 4.
- Трубецкой Н.С. /1960; 1-е нем. изд. 1939/. Основы фонологии. М., 1960.
- Успенский Б.А. /1965/. Структурная типология языков. М., 1965.
- Успенский Б.А. /1966/. Языковые универсалии и актуальные проблемы типологического описания языка. - в: ЯУЛТ 1966.
- Успенский Б.А. /1967/. Отношения подсистем в языке и связанные с ними универсалии. - Проблемы языкознания. М., 1967
- Успенский Б.А. /1970/. Проблема универсалий в языкознании. - в: Новое в лингвистике. Вып.5. М., 1970
- Успенский В.А. /1977/. К понятию диатезы. - в: Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. М., 1977.
- Фельдман Н.И. /1960/. Японский язык. М., 1960.
- Феоктистов А.П. /1966/. Эрзя-мордовский язык. Мокша-мордовский язык. - в: ЯНСССР 1966, т.3.
- Хайдаков С.М. /1967/. Арчинский язык. - в: ЯНСССР 1967, т.4.
- Хакулинен А. /1953-1955/. Развитие и структура финского языка. Ч.1. М., 1953; Ч.2. М., 1955
- Ханмагомедов Б. Г.-К. /1967/. Табасаранский язык. - в: ЯНСССР 1967, т.4.
- Хомский Н. /1972; 1-е амер. изд. 1965/. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972.
- Храковский В.С. /1974/. Пассивные конструкции. - в: Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. Л., 1974.
- Чейф У.Л. /1975; 1-е амер. изд. 1971/. Значение и структура языка. М., 1975.
- Чикобава А.С. /1967а/. Грузинский язык. - в: ЯНСССР 1967, т.4.
- Чикобава А.С. /1967б/. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. - в: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
- Шагиров А.К. /1967/. Кабардинский язык. - в: ЯНСССР 1967, т.4.
- Шаумян Р.М. /1941/. Грамматический очерк агульского языка. М.-Л. 1941.

Штеиниц В.К. /1937/. Хантыйский /остяцкий/ язык. - в: ЯПНС
1937, т. 1

Щедровицкий Г.П. /1969/. Методологический смысл проблемы универ-
салий. - в: ЯУЛТ 1969.

Эдельман Д.И. /1965/. Дардские языки. М., 1965.

Эдельман Д.И. /1974/. О конструкциях предложения в иранских язы-
ках. - ВЯ, 1974, № 1.

Яковлев Н.Ф. /1940/. Синтаксис чеченского литературного языка.
М., 1940.

Яковлев Н.Ф. /1948/. Грамматика литературного кабардино-черкес-
ского языка. М.-Л., 1948.

Яковлев Н.Ф., Алхамат Д.А. /1941/. Грамматика адыгейского ли-
тературного языка. М.-Л., 1941.

Яковлева И.П. /1961/. Язык ганда /луганда/. М., 1961.

Яковлева И.П. /1963/. Язык йоруба. М., 1963.

ЯНСССР. - Языки народов СССР. т. 3: М., 1966, т. 4. М., 1967.
т. 5. 1968.

ЯПНС. - Языки и письменность народов Севера. Ч. 1. М.-Л., 1937.
Ч. 3. М.-Л., 1934.

Ярцева В.Н. /1972/. О синтаксической роли прямого дополнения в
языках различных типов. - в: Члены предложения в языках раз-
личных типов /мещаниновские чтения/. Л., 1972.

ЯУЛТ. - Языковые универсалии и лингвистическая типология. М.,
1969.

Яхонтов С.Е. /1965/. Древнекитайский язык. М., 1965.

Яхонтов С.Е. /1974/. Формальное определение залога. - в: Типо-
логия пассивных конструкций. Диктезы и залогов. Л., 1974.

Яхонтов С.Е. /1978/. Классы глаголов и падежное оформление
актантов. - в: Проблемы теории грамматического залога.
Л., 1978.

- Aginsky B.V., Aginsky E.G. (1948). The importance of language universals. - *Word*, 1948, v. 4, N 3.
- Anceaux J.C. (1952). *The Wolio language.*'s-Gravenhage, 1952.
- Anderson S. (1976). On the notion of subject in ergative languages. - in: *S and T* 1976.
- Andrade M.J. Quileute. - in: *HAIL*. p. 3, 1938.
- Armbruster Ch. H. *Dongolese Nubian. A grammar.* Cambridge, 1960.
- Aze F.R. (1973). Clause patterns in Parengi (Gorum). - in: *Clause, sentence and discourse patterns in selected languages of India and Nepal.* p.1. Norman (Oma), 1973.
- Aztec Studies* (1969). p.1. Norman (Oma), 1969.
- Beach M.W.H. (1969) *The Suk, their language and folklore* N.Y., 1969 (1st ed. 1911).
- Bhat D.N.S. (1968). *Boro vocabulary.* (With a grammatical sketch). Poona, 1968.
- Biligiri H.S. (1965a). The Sora verb. A restricted study. - in: *Indo-Pacific linguistic studies.* p.2. Amsterdam, 1965.
- Biligiri H.S. (1965b). *Kharia. Phonology, grammar and vocabulary.* Poona, 1965.
- Blake B. (1967). A brief description of the Kalkatungu language. Unpublished MS. (Canberra. Austr. Institute of Aboriginal Studies, 1967).
- Bloomfield L. (1946). *Algonguian.* - in: *LSNA* 1946.
- Bloomfield L. (1957). *Eastern Ojibwa.* Ann Arbor, 1957.
- Boas F. (1969a). Kwakiutl. - in: *HAIL* p. 1, 1969 (1911)
- Boas F. (1969b). Tsimshian. - in: *HAIL* p.1, 1969.
- Boas F (1969c). Chinook. - in: *HAIL* p.1, 1969.

- Boas F., Swanton J.R. (1969). Siouan (Dakota). - in: HALL, p. 1, 1969.
- Briggs E. (1961) Mitla Zapotec grammar. Mexico, 1961.
- Bryan M.A. (1948). Distribution of the Nilotic and Nilo-Hamitic languages of Africa. London, 1948.
- Burling R. (1961) A Garo grammar. Poona, 1961.
- Cao Xuan Hao (1975). Le problème du phonème en Vietnamien. - dans: Études vietnamiennes, 1975, v.11, No. 40.
- Capell A. (1962). Some linguistic types in Australia. Sidney, 1962 (Oceania, linguistic monographs. N 7).
- Capell A. (1969). A survey of New Guinea languages. Sidney, 1969.
- Capell A., Hinch H.E. (1970) Maung grammar, texts and vocabulary. The Hague-Paris, 1970.
- Chafe W.L. (1970) A semantically based sketch of Onondaga. Bloomington, 1970. (Indiana Univ. publications in anthropology and linguistics. Memoir No. 25)
- Chafe W.L. (1976). Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics and point of view. - in: SANDT 1976.
- Chapin P. G. (1970) Samoan pronominalization. - Language 1970, v. 46, N 2, 366-378.
- Churchward C.M. (1953). Tongan grammar. London, 1953.
- Comrie B. Ergativity. - in: Syntactic typology. Studies in the phenomenology of language. Ed. by W.P. Lehmann. Austin - London, 1978; pp. 328-394
-
- Constantino E. (1965). The sentence patterns in 25 Philippine languages. - Lingua, 1965, v. 15, 71-124.
- Counts D.R. (1969). A grammar of Kaliai-Kowe (Lusi). Honolulu, 1969.
- Cowan M.M. (1969). Tzotzil grammar. Norman (Oma), 1969.
- Culicover P.V., Wexler K. (1974). The invariance principle and universals of grammar. Irvine (Cal.), 1974.

- Cunningham M.C. (1969). A description of the Yagumbir dialect of Bandjalang. St. Lucia (Australia), 1969.
- Dean J.C. (1958). Some principal grammatical relations in Bilaan. - in: Studies in Philippine linguistics. Sidney, 1958 (1961) (Oceania linguistic monographs No. 3)
- DeLuxy D.B., Chung J.H. (1950). Confidence limits for the hypergeometric distribution. Toronto, 1950.
- Dixon R.B. (1959). Maidu. - in: HALL 1969, p.1.
- Dixon R.M.W. (1972). The Dyirbal language of North Queensland. Cambridge, 1972.
- Dixon R.M.W. A grammar of Yidiñ. Cambridge, 1977
- Dixon R.M.W. Ergativity. - Language, 1979, vol.55, No.1, pp.59-138
-
- Elliott R. (1960). Ixil clause structure. - in: Mayan studies. p. 1. Norman (Oma), 1960.
- Elliott H., Elliott R. (1966). Ixil. - in: Languages of Guatemala. The Hague, 1966
- Fillmore Ch.J. (1968a). Lexical entries for verbs. - Foundations of language, 1968, v. 4, No.4.
- Fillmore Ch. J. (1968b). The case for case. - in: Universals in linguistic theory. New York, 1968.
- Fillmore Ch.J. (1969). Types of lexical information. - in: Studies in syntax and semantics. Dordrecht, 1969.
- Foster M.L. (1969). The Tarascan language. Berkeley, 1969.
- Fox D. (1966). Quiche grammatical sketch. - in: Languages of Guatemala. The Hague, 1966.
- Frachtenberg L.J. (1969a). Coos. - in: HALL, p.2, 1969.
- Frachtenberg L.J. (1969b). Suislawan. - in HALL, p.2, 1969.
- Givón T. (1976). Topic, pronoun and grammatical agreement - in: S and T 1976.

- Glass A., Parker D. (197). Pitjantjatjara grammar. Canberra, 1970.
- Goddard P.E. (1969). Hupa (Athapaskan). - in: HAIL p.1, 1969.
- Gramática vasca (1955). Zarauz, 1955.
- Gramáticas estructurales (1965) de lenguas bolivianas.
vv. 1-3. Riberalta (Bolivia), 1965 (Instituto lingüístico de verano).
- Greenberg J.H. (1966). Language universals with special reference to feature hierarchies. The Hague - Paris, 1966.
- Greenberg J.H. (1974). Language typology. A historical and analytic overview. The Hague-Paris, 1974.
- Gregores E., Suarez J. (1967). A description of colloquial Guaraní. The Hague-Paris, 1967.
- Haas M.R. (1946). A grammatical sketch of Tunica. - in: LSNA 1946.
- Hale K. (1970). The passive and ergative in language change: the Australian case. - in: Pacific linguistics studies in honor of A. Capell. Canberra, 1970.
- Hale A. (1973). Towards a systematization of display grammar. - in: Clause, sentence and discourse patterns in selected languages of Nepal. P.1. Norman (Oma), 1973.
- Hall B.A. Jr. (1948). The linguistic structure of Tàki-Tàki. - Language, 1948, vol. 24, 90-116.
- Hall de Loos B., Loos E. (1973). La estructura semántica y fonológica de los prefijos verbales en capanáhua. - en: Estudios panos. V. 1. Yarinacocha (Perú), 1973.

- Halliday M.A. (1967). Notes on the transitivity and theme in English. - Journal of linguistics, 1967, v. 3, N 1 and N 2; 1968, vol. 4, N 2.
- Halpern A.M. (1946). Yuma. - in: LSNA 1946.
- HAIL 1969. - Handbook of American Indian languages. Pp. 1-2. Oosterhout (N.B.), 1969 (1-st ed. Washington D.C., 1911)
- HAIL 1938. - Handbook of American Indian languages. P.3. Glückstadt u.a., 1933-1938.
- Haudricourt A.-G. (1963). La langue des Nenemas et des Nigoumak. Auckland, 1963.
- Heine B. (1976). The Kuliak languages of Eastern Uganda. Nairobi, 1976.
- Hercus L.A. The languages of Victoria. P.1. Canberra, 1969.
- Hess H.H. (1968). The syntactic structure of Mezquital Otomi. The Hague - Paris, 1968.
- Hjelmslev L. (1935-37). La catégorie des cas. Étude de grammaire générale. I- Acta Jutlandica 1935, v. 7, No. 9; II - Acta Jutlandica, 1937, v. 9, No 2.
- Hjelmslev L. Principes de grammaire générale. København, 1928
- Hockett Ch. F. (1958). A course in modern linguistics. New York, 1958.
- Hoff B.J. (1968). The Carib language. The Hague, 1968.
- Hohepa P.W. (1969). The accusative-to-ergative drift in Polynesian languages. - Journal of the Polynesian society, 1969, v. 78, N 3.
- Hoijer H. (1946). Tonkawa. - in: LSNA 1946.
- Hollis A.C. (1969). The Nandi, their language and folklore. Oxford, 1969 (1-st ed. 1909).

- Holmer N.M. (1971). A comparative typological analysis of a New Guinea language [Kamoro]. Lund, 1971.
- Jackson W.S. (1972) Wayana grammar. - in: Languages of the Guianas. Norman (O-ma), 1972.
- Jackobs R.A. (1975). Syntactic change. A Cupan (Uto-Aztecan) case study. Berkely, 1975
- Jakobson R.O. (1941). Kinderschprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze. Uppsala, 1941.
- Johnson J.B. (1962). El idioma yaquí. Méjico, 1962.
- Jones W. (1969 /1911/). Fox (Algonquian). - in: HALL, p. II.
- Kaplivatzky J. (1942-1947). Arabic language and grammar. vol. 1-4. Jerusalem, 1942-1947.
- Katz J.J., Postal E.M. (1964). An integrated theory of linguistic descriptions. Cambridge, (Mass.), 1964.
- Kaufman T. (1970). Tzeltal phonology and morphology. Berkeley, 1970 (Univ. of Calif. publications in linguistics, No. 61)
- Keenan E.L. (1976). Towards a universal definition of "subject". - in: S & T.
- Keenan E.L. (1978a). The syntax of the subject-final languages. - in: Syntactic typology. Studies in the phenomenology of language. Ed. by W.P. Lehmann. Austin (Tex.) - London, 1978
- Keenan E.L. (1978b). Logical semantics and universal grammar. - Theoretical linguistics, 1978, vol. 5, No.1, pp.83-107
- Keenan E.L.; Comrie B. Noun phrase accessibility and universal grammar. /Unpublished/ paper presented at the 47th annual meeting of the Linguistic society of America, 1972
- Key H.H. (1967). The morphology of Kayuvava. The Hague-Paris, 1967.
- Klassen E.S.; Phillips de Spens I.; Wresley B.; Jones de Sherman G. (1965). Quéchua. - en: Gramáticas estructurales... (1965), vol. 1.
- Klokeid T.J. (1969). Thargari phonology and morphology. Canberra, 1969.

- Kuipers A.H. (1967-1969). The Squamish language. V. 1. The Hague 1967; V. 2. The Hague, 1969.
- Kuipers A.H. (1974). The Shuswap language. Grammar, Texts, vocabulary. The Hague-Paris, 1974.
- Kullback S., Kuperman M., Ku H. (1962). Tests for contingency tables and Markov chains. - *Technometrics* 1962, v. 4, 573-608.
- Kuno S. Speaker, theme and speaker's empathy - a reexamination of relativization phenomena. - in: *S&T*, pp. 403-429
- Lafon R. (1971). Ergatif et passif en basque et en géorgien. - *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*, 1971, v. 66, N 1.
- Languages of Guatemala (1966) ed. by M.K. Mayers. The Hague (a.o.), 1966.
- The languages (1973) of the eastern family of the East New Guinea highland stock. Seattle-London, 1973.
- Lapenda G. (1968). Estrutura da língua Iatê falada pelos índios Fulniôs em Pernambuco. Recife, 1968.
- LeCoeur Ch., LeCoeur M. (1956). Grammaire et textes Teda-Daza. Dakar, 1956.
- Lehmann W.P. A structural principle of language and its implications. - *Language*, 1973, v. 49, N 1.
- Lehmann W.P. (1975) A discussion of compound and word order. - in: *Word order and word order change*. Austin (Tex.) a.o., 1975.
- Li Fang Kuei (1946). Chippewyan. - in *LSNA* 1946.
- Li C.N., Thompson S.A. (1976). Subject and topic: a new typology of language. - in: *S and T* 1976.
- Lieberman G.J., Owen D.B. (1961). Tables of the hypergeometric probability distribution. Stanford (Cal.), 1961.

- LSNA 1946. - Linguistic structures of native America. New York, 1946 (Viking fund publications in anthropology N 6).
- Loos E. (1973). La señal de transitividad del sustantivo en los idiomas panos. - en: *Estudios panos*, P. 1. Yarinacocha (Perú), 1973.
- Lyons J. (1968). *An introduction to theoretical linguistics*. Cambridge, 1968.
- Marsack C.C. (1962). *Teach yourself Samoan*. London, 1962.
- Martinet A. (1969). *Langue et fonction*. Paris, 1969.
- Maspero H. (1952) *Les langues mounda*. - dans: *Les langues du monde*. Paris, 1952.
- McArthur H., McArthur L. (1966). *Aguacatec*. - in: *Languages of Guatemala 1966*.
- McCawly J.D. (1968). *The role of semantics in grammar*. - in: *Universals in linguistic theory*. New York, 1968.
- McCawly J.D. (1970). *English as a VSO language*. - *Language*, 1970, v. 46, 286-299.
- McElhanon K.A. (1972). *Selepet grammar*. Cangerra, 1972.
- Milner G.R. (1962). *Active, passive or perfective in Samoan: a fresh appraisal of the problem*. - *Journal of the Polynesian society*, 1962, v. 71, 151-161.
- Morse R.H. (1965) *Syntactic frames for the Rvwang (Rawang) verb*. - *Lingua*, 1965, v. 15, 338-369.
- Moshinsky J. (1974). *A grammar of Southeastern Pomo*. Berkeley (a.o.), 1974.
- Murane E. (1974). *Daga grammar*. Norman (Oma), 1974.
- Muratori P.C. (1938). *Grammatica Lotuko*. Verona, 1938.

- N'Diaye G. (1970). Structure du dialecte basque de Maya. The Hague-Paris, 1970.
- Nobel P.A. (1948). Dinka grammar. Verona, 1948.
- Newman S.S. (1946). The Yawelmani dialect of Yokuts. - in: ISNA 1946.
- Nilsen D.L.F. (1972). Towards a semantic specification of deep case. The Hague- Paris, 1972.
- Õim H. (1970). On the relation between semantic and syntactic representations. - Советское финноугроведение 1970, т.4, No.1.
- Osborne C.R. (1974). The Tiwi language. Grammar myths and dictionary of the Tiwi language spoken on Melville and Bathurst islands. Canberra, 1974.
- Pike K.L. (1972). A syntactic paradigm. - in: Syntactic theory v. 1. Hammonsworth (Meddlessex). 1972.
- Pinnow H.-J. (1966). The verb in Munda languages. - in: Studies in comparative Austroasiatic linguistics. London a.o., 1966.
- Platt J.T. (1972). An outline grammar of the Gugaḍja dialect. Canberra, 1972.
- Pride K. (1965). Chattino syntax. Norman (Oma), 1965.
- Priest P., McQuilkin de Priest A. (1965). Sirionó. - en: Gramáticas estructurales... 1965.
- Ramos T.V.(1971). Tagolog structures. Honolulu, 1971.
- Reichard G.A. (1938). Coeur d'Alène. - in: HAIL, p.3, 1938.
- Rosbotom H. (1965). Guaraní. - en: Gramáticas estructurales... 1965.
- Sapir E. (1969). The Takelma language of South-Western Oregon. - in: HAIL, p. 2, 1969.

- Sauvageot A. (1971). Le problème de la relation objectale.
- Bulletin de la Société de Linguistique de Paris, 1971,
v. 66, No 1.
- Schmidt W. (1926). Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der
Erde. Heidelberg, 1926.
- Shachter P. (1976). The subject in Philippine languages. - in:
S and T 1976.
- Sharpe M.C. (1972). Alawa phonology and grammar. Canberra, 1972.
- Sherzer J. (1976). An areal-typological study of American
Indian languages north of Mexico. Amsterdam (a.o.), 1976.
- Shipley W.F. (1964). Maidu grammar. Berkeley, 1964.
- Schwartz A. On the universality of subjects: the Ilocano
case. - in: S&T
S and T 1976. - Subject and Topic. Ed. by Ch. N.Li. New York,
1976.
- Stafford R.L. (1967). An elementary Luo grammar. Nairobi (a.o.),
1967.
- Starosta S. (1976). Case forms and case relations in Sora. -
in: Austroasiatic studies. P.2. Honolulu, 1976.
- Steele S. (1975). On some factors that affect and effect word
order. - in: Word order and word order change. Austin
(Tex.), 1975.
- Steele S. (1976). Word order change in classical Aztec. - Inter-
national Journal of American Linguistics, 1976, v.42, No 1.
- Swadesh M. (1946). Chitimacha. - in: LSNA 1946.
- Swanton J.R. (1968). Haida. - in: HAIL, p. 1, 1969.
- Swanton J.R. (1969). Tlingit. - in: HAIL, p.1, 1969.
- Teeter K.V. (1971). The main features of Malecite-Passamoquod-
dy grammar. - in: Studies in American Indian languages.
Berkeley, 1971.

- Theban L. (1972). Transitivity semantique et voix syntaxique en roumain. - Revue roumaine de linguistique 1972, v. 17, No. 1.
- Timberlake A. (1976). Subject properties in the North Russian passive. - in: S and T 1976.
- Tindall H. (1857). A grammar and vocabulary of the Namaqua-Hottentot language. Cape Town, 1857.
- Thompson L.S. (1965). A Vietnamese grammar. Seattle, 1965.
- Thompson L.S. (1971). Klallam. A preview. - in: Studies in American Indian languages. Berkeley, 1971.
- Trager G.L. (1946). Taos. - in: LSNA 1946.
- Tryon D.T. (1967). Nengone grammar. Canberra, 1967.
- Tryon D.T. (1968a). Dehu grammar. Canberra, 1968.
- Tryon D.T. (1968b). Iai grammar. Canberra, 1968.
- Tryon D.T. (1970). An introduction to Maranungku. Canberra, 1970.
- Tucker A.N., Tompo Ole Mpaagei. (1955) A Maasai grammar. London a.o., 1955.
- Tweddell, C.E. (1950) The Snoqualme-Duwamish dialects of Puget Coast Salish. Seattle, 1950.
- Universals of language (1961) ed. by J.H. Greenberg. Cambridge (Mass), 1961 (2nd ed. 1963).
- Van Valin R.D., Aspects of Lakhota syntax. (Unpublished) Ph.D. dissertation, Univ. of California. Berkeley, 1977.
- Van Valin R.D., Foley A.W., (1979). Role-and-reference grammar. (Unpublished) preliminary draft for Conference on current approaches to syntax, Univ. of Wisconsin, Milwaukee, March, 1979.

- Verguin J..(1959). Structure morphosyntaxique du bare'e. -
Bulletin de la Societé de linguistique de Paris, 1959, v.54
No. 1.
- Wagner G. (1938). Yuchi. - in HAIL, p.3, 1938.
- Walker W. (1975). Cherokee. - in: Studies in Southeastern
Indian languages. Ed. by J.M. Crawford. Athens (Georgia),
1975.
- Watters D.E., (1973). Clause patterns in Kham. - in: Clause,
sentence, and discourse patterns in selected languages of
Nepal P.1. Norman (Oma), 1973.
- Whorf B.L. Hopi. - in: LSNA 1946.
- Wurm S.A. (1965). Recent studies in Papuan languages. - Lingua
1965, vol. 15.
- Zide A.R.K. (1976). Nominal combining forms in Sora and Gorum. -
in: Austroasiatic studies P. 2. Honolulu, 1976.